

Сопоставительные исследования 2010

**Центрально-Черноземное региональное отделение
Научно-Методического Совета по иностранным
языкам Министерства образования и науки РФ
Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов**

Сопоставительные исследования 2010

**Продолжающееся
научное издание**

**Воронеж
2010**

УДК 81'1.001

Сопоставительные исследования 2010 – Воронеж: Истоки, 2010. – 217 с.
ISBN

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является седьмым в серии ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Сборник подготовлен на кафедре английского языка естественно-научных факультетов факультета романо-германской филологии ВГУ. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

проф. А.П. Бабушкин, проф. В.Б. Гольдберг, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова, проф. О.Н. Чарыкова,
доц. Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2010
© Издательство «Истоки», 2010

ISBN

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

М.А. Стернина, И.А. Стернин
**Сопоставительно-параметрический метод:
новый этап развития**

За последние несколько лет в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сложился новый метод лингвистических исследований, который получил название **сопоставительно-параметрического** (в первоначальном варианте – **параметрического**).

Суть данного метода заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания национальной специфики языков и концептосфер по отдельным выделяемым исследователем аспектам (параметрам). Характеристика того или иного языкового или когнитивного явления в рамках соответствующего параметра выражается в виде определенного индекса, представленного в абсолютных числах или процентах. Сопоставление одноименных индексов в разных языках и концептосферах дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени ее проявления.

Сопоставительно-параметрический метод складывался постепенно в течение пяти лет и окончательно оформился к началу 2009 года, когда был накоплен исследовательский материал и апробированы различные параметры сопоставления. К этому моменту в лингвистический обиход было введено 26 индексов для сопоставительных исследований, включая 8 – для когнитивных, и 18 индексов для контрастивных исследований.

Обзор этих индексов представлен в двух предыдущих выпусках «Сопоставительных исследований», вышедших соответственно в начале 2008 г. и начале 2009 г. (см. Стернина 2008; Стернина, Стернин 2009). Среди формализованных параметров, введенных до 2009 г. и не вошедших в указанные обзоры, отметим следующие:

Индекс яркости когнитивного признака – устанавливается соотношением количества языковых объективаций данного признака к общему количеству испытуемых (Стернин 2004).

Индекс представленности когнитивного признака определенного типа, определенного когнитивного компонента, отдельной зоны в концепте в целом (доля когнитивных признаков определенного типа, того или иного макрокомпонента, отдельной зоны в структуре концепта) – вычисляется как отношение количества признаков данного типа к общему числу когнитивных признаков, образующих концепт (Архарова 2008).

Индекс когнитивного разнообразия концепта – вычисляется как отношение количества когнитивных признаков концепта в исходной концептосфере к количеству когнитивных признаков этого концепта в концептосфере сопоставления (Архарова 2008).

Работой, в определенной степени положившей начало следующему этапу в развитии данного метода, стала защищенная осенью 2008 г. кандидатская

диссертация С.В. Колтаковой (Колтакова 2008), в которой были предложены *шкала определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам*, а также *шкала определения выраженности национальной специфики лексической группировки в целом* (см. Колтакова 2008; Колтакова, Стернина 2009). Стало понятно, что на основе совокупности ряда параметров можно описать и оценить степень выраженности национальной специфики лексических группировок.

Таким образом, обрисовалась как ближайшая цель развития сопоставительно-параметрического метода – описание с помощью существующих и новых формализованных параметров характера выраженности национальной специфики разных лексических группировок в разных языках, так и перспективная – определение степени выраженности национальной специфики семантики языков по единой шкале.

На новом этапе развития сопоставительно-параметрического метода исследователи стали сравнивать отдельные лексические группировки по предложенным С.В. Колтаковой шкалам и делать выводы о характере выраженности национальной специфики лексических группировок в разных языках (см., в частности, статьи И.Ю. Востриковой, Н.И. Черновой и Д.А. Степановой в данном сборнике).

Сами эти шкалы в результате их применения к разным лексическим группировкам были дополнены на одну ступень (см. статью С.И. Деркач в данном сборнике).

Продолжилось введение новых и уточнение уже введенных формализованных параметров. За последний год, в частности, были введены следующие параметры:

Индекс метафоричности - отношение количества лексем, которые приобрели метафорическое значение, к общему количеству лексических единиц данной группы (Овчинников 2009)

Индекс фразеологичности – отношение количества лексем, входящих во ФЕ, к общему количеству лексем данной группы (Овчинников 2009)

Индекс коммуникативной релевантности семемы – отношение количества зафиксированных употреблений данной семемы к общему количеству выявленных употреблений рассматриваемой лексемы (Баранова 2009)

Индекс субстантивной представленности семантемы – отношение количества субстантивных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010)

Индекс глагольной представленности семантемы – отношение количества глагольных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010)

Индекс адъективной представленности семантемы – отношение количества адъективных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010)

Индекс адverbиальной представленности семантемы – отношение количества адverbиальных семем в семантеме к общему количеству семем в семантеме (Кривенко 2010)

Индекс субстантивации – отношение количества единиц, имеющих субстантивную сему, ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009)

Индекс адъективации – отношение количества единиц, имеющих адъективную сему, ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009)

Индекс вербализации – отношение количества единиц, имеющих процессуальную сему, ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009)

Индекс адвербиализации – отношение количества единиц, имеющих адвербиальную сему, ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009)

Индекс лексикализации – отношение количества лексических единиц к общему числу единиц данного поля (Степанова 2009)

Индекс фразеологизации – отношение количества фразеологических единиц к общему числу единиц данного поля (Степанова 2009)

Индекс лексической полисемантической семантемы – отношение количества семем в семантеме, демонстрирующих лексическую полисемию, к общему количеству семем в данной семантеме (Малыхина 2009)

Индекс лексико-грамматической полисемантической семантемы – отношение количества семем в семантеме, демонстрирующих лексико-грамматическую полисемию, к общему количеству семем в данной семантеме (Малыхина 2009)

Индекс лексико-грамматической вариантности семантемы – отношение количества семем, демонстрирующих лексико-грамматическую вариантность, к общему количеству семем в данной семантеме (Малыхина 2009)

Индекс относительной коммуникативной релевантности концепта – отношение общего числа зафиксированных языковых объективаций концепта в одном языке к общему количеству его объективаций в языке сопоставления (Трущинская 2009).

Индекс современности концепта – отношение количества признаков современного когнитивного слоя концепта к общему числу признаков, образующих концепт (Трущинская 2009) .

Индекс историчности концепта – отношение количества признаков исторического когнитивного слоя концепта к общему числу признаков, образующих концепт (Трущинская 2009).

Индекс асертивности концепта – отношение количества признаков асертивного когнитивного слоя концепта к общему числу признаков, образующих концепт. (Трущинская 2009)

Индекс диспозициональности концепта – отношение количества признаков диспозиционального когнитивного слоя концепта к общему числу признаков, образующих концепт. (Трущинская 2009)

Индекс оценочности концепта – отношение количества признаков оценочного когнитивного слоя концепта к общему числу признаков, образующих концепт. (Трущинская 2009)

Совокупный индекс яркости зоны поля - вычисляется как сумма индексов яркости всех когнитивных признаков, входящих в соответствующую зону концепта. (Дуссалиева 2009)

Индекс номинативного разнообразия объективации когнитивного смысла – отношение количества единиц, выражающих этот смысл, к общему числу номинативных единиц поля (Степанова 2009)

Индекс когнитивного разнообразия концепта – отношение количества когнитивных признаков, образующих структуру концепта в одной концептосфере, к количеству когнитивных признаков, образующих концепт в концептосфере сопоставления (Неровная 2009)

Индекс разнообразия когнитивных классификаторов – отношение количества когнитивных классификаторов одного концепта к количеству когнитивных классификаторов другого (Неровная 2009)

Индекс существенности различий совпадающих когнитивных классификаторов – отношение количества когнитивных классификаторов, между индексами яркости которых существует существенная разница, к общему количеству совпадающих когнитивных классификаторов (Неровная 2009)

Индекс идентичности структуры концепта – отношение удельного веса ядра, ближней, дальней и крайней периферий одного концепта, к соответствующим элементам структуры другого концепта (Неровная 2009)

Индекс идентичности содержания концептов – отношение количества совпадающих признаков двух концептов к общему количеству когнитивных признаков двух концептов (Неровная 2009)

Интегральный индекс идентичности концептов – отношение количества признаков, совпадающих у нескольких концептов, к сумме их когнитивных признаков (Неровная 2009)

Индекс идентичности яркости совпадающих когнитивных признаков – процентное отношение совпадающих или незначительно различающихся по яркости когнитивных признаков к общему количеству совпадающих когнитивных признаков концептов (Неровная 2009)

Целый ряд формализованных параметров для оценки коммуникативно-прагматического содержания художественных образов в текстах перевода по сравнению с текстом оригинала был предложен и использован в диссертационном исследовании Т.В. Дробышевой (Дробышева 2009):

Индекс оценочно-прагматического соответствия по параметрам положительной/отрицательной оценки – выраженное в процентах численное соотношение положительных/отрицательных оценочных коннотаций в семантической структуре языковых средств, объективирующих коммуникативно-прагматическое содержание образа персонажа в тексте оригинала и тексте перевода.

Индекс эмотивно-прагматического соответствия – выраженное в процентах численное соотношение эмотивных коннотаций в семантической структуре языковых средств, объективирующих коммуникативно-прагматическое содержание образа персонажа в тексте оригинала и тексте перевода.

Индекс экспрессивно-прагматического соответствия – выраженное в процентах численное соотношение экспрессивных коннотаций в семантической структуре языковых средств, объективирующих коммуникативно-прагматическое содержание образа персонажа в тексте оригинала и тексте перевода.

Интегральный индекс коммуникативно-прагматического соответствия – выраженное в процентах соотношение суммы оценочных, эмотивных и экспрессивных коннотаций в семантической структуре языковых средств, объективирующих коммуникативно-прагматическое содержание образа персонажа в тексте оригинала и тексте перевода.

На основе данных индексов Т.В. Дробышевой по формуле $\frac{\sum x_{\text{конн.ТП}}}{\sum x_{\text{конн.ТО}}} - 1$, где

$\sum x_{\text{конн. ТП / ТО}}$ – это сумма определенных коннотаций текста перевода / текста оригинала, были также вычислены выраженные в абсолютных числах соответствующие индексы *коммуникативно-прагматических различий*: *индекс оценочно-прагматических различий по параметрам положительной/отрицательной оценки*; *индекс эмотивно-прагматических различий*; *индекс экспрессивно-прагматических различий*, интегральный индекс коммуникативно-прагматических различий и сделан вывод, что по коммуникативно-прагматическому параметру один из двух анализируемых вариантов перевода ближе к тексту оригинала, чем другой.

Отметим также введенные Л.А. Кривенко *индекс денотативной представленности семантемы*, под которым понимается отношение количества денотативных семем к общему количеству семем в семантеме, *индекс коннотативной представленности семантемы*, под которым понимается отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем в семантеме, а также *индекс эндемичности семантемы* – отношение количества эндемичных семем к общему количеству семем в семантеме. Примеры использования этих формализованных параметров опубликованы в статье Л.А. Кривенко в данном сборнике.

Среди новых параметров, введенных совсем недавно, также предложенные Н.А. Портнихиной *совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков*, под которым понимается сумма значений индексов продуктивности эндемичных признаков, показывающая, насколько продуктивными в каждом из языков являются эндемичные признаки семантического развития, а также *индексы представленности семемного, словообразовательного и фразеологического уровней семантического развития слова*, определяемые как отношение количества производных семантических единиц этого уровня к общему количеству единиц, производных от рассматриваемой семемы Д1 данной лексемы. Использование этих параметров показано в статье Н.А. Портнихиной в настоящем сборнике.

В целом за 2009 год и начало 2010 года арсенал исследователей пополнился 46 новыми формализованными параметрами. Для сравнения отметим, что за первые 5 лет развития сопоставительно-параметрического метода (2004-2009 года) в лингвистический обиход было введено в общей сложности 44 параметра. Подобный рост использования формализованных параметров свидетельствует об эффективности и востребованности данного метода.

Важно отметить, что хотя первоначально параметрический метод и предложенные в его рамках формализованные параметры предназначались исключительно для сопоставительных и контрастивных исследований, практика использования данного метода показывает его дееспособность и для исследований внутри одного языка. Так, в частности, перечисленные выше введенные Н.И. Малахиной *индексы лексической полисемии, лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности* были использованы автором для исследования особенностей полисемии английского глагола, однако в дальнейшем они могут не менее успешно быть использованы для изучения данного явления и при сопоставительных исследованиях. Многие

же параметры, впервые предложенные для сопоставительных исследований, как показал опыт, с успехом могут использоваться и для исследований внутриязыкового характера.

Развитие параметрического метода привело нас к убеждению, что, в связи с тем, что в его основе в любом случае лежит сопоставление языков или конкретных лингвистических явлений, представляется предпочтительным называть данный метод не просто **параметрическим**, а **сопоставительно-параметрическим**.

Литература

1. Архарова А.В. Лексико-фразеологическая объективация концепта «провинция» в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
2. Баранова Л. А. Опыт выявления частотности семем // Культура общения и ее формирование. Вып. 21. – Воронеж, 2009. – С. 50-52.
3. Дробышева Т.В. Коммуникативно-прагматический аспект художественного текста ((на материале русских переводов романа Ф.С.Фицджеральда «Великий Гэтсби»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
4. Дуссалиева Э.А. Национальная специфика языковой объективации концепта «*мужчина*» (на материале русского, татарского и английского языков) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
5. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
6. Колтакова С.В., Стернина М.А. К вопросу о возможности определения степени проявления национальной специфики лексических группировок// Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. - С. 6-11.
7. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках // Язык и национальное сознание. – Вып. 15. – Воронеж, 2010. – С. 82-85.
8. Малыгина Н.И. Особенности полисемии наиболее частотных глаголов английского языка// Язык и национальное сознание. – Вып. 15. – Воронеж, 2010. – С. 93-97.
9. Неровная Н.А. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов *толерантность*, *терпимость* в русском и английском языковом сознании): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
10. Овчинников Д. В. Тематическая группа существительных, называющих элементы природного ландшафта, в русском языковом сознании // Культура общения и ее формирование. – Вып 22. – Воронеж, 2009. – С. 19-23.
11. Степанова Д.А. Взаимодействие лексики и фразеологии в системе языка (на материале наименований *положительных чувств и эмоций* в русском и английском языках): диссер. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
12. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – №1. – с. 65-69.
13. Стернина М.А. О новых направлениях в развитии сопоставительных исследований // Сопоставительные исследования 2008. – Воронеж, 2008. – С. 3-10.
14. Стернина М.А., Стернин И.А. Параметрический метод в сопоставительных исследованиях // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С. 3-6.

15. Трущинская А.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта *семья* в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.

Д.А. Степанова

Формализованные параметры для семантико-когнитивного исследования

В последние годы представителями Воронежской теоретико-лингвистической школы в рамках сопоставительно-параметрического метода (см. Стернина, Стернин 2009) был введен и успешно использован для выявления национальной специфики языков целый ряд формализованных параметров.

Так, в частности, в ходе семантико-когнитивного исследования для характеристики взаимодействия лексики и фразеологии в системе языка и выявления национальной специфики ее проявления были предложены и использованы следующие формализованные параметры:

Индекс лексикализации – отношение количества лексических единиц к общему числу единиц данного поля (Степанова 2009, с. 33) (вычисляется в процентах).

Индекс фразеологизации – отношение фразеологических единиц к общему числу единиц данного поля (Степанова 2009, с. 33) (вычисляется в процентах).

*Индекс номинативного разнообразия объективации когнитивного смысла*¹ – отношение количества единиц, выражающих этот смысл, к общему числу номинативных единиц поля (Степанова 2009, с. 33) (вычисляется в процентах).

Индекс лексической объективации когнитивного смысла – отношение когнитивных смыслов, представленных исключительно лексемами к общему числу когнитивных смыслов (Степанова 2009, с. 33) (вычисляется в процентах).

Индекс фразеологической объективации когнитивного смысла – отношение когнитивных смыслов, представленных исключительно фразеологизмами к общему числу когнитивных смыслов (Степанова 2009, с. 33) (вычисляется в процентах).

Индекс лексико-фразеологической объективации когнитивного смысла – отношение когнитивных смыслов, представленных как лексемами, так и фразеологизмами к общему числу когнитивных смыслов (Степанова 2009, с. 33) (вычисляется в процентах).

Индекс субстантивации – отношение количества единиц, имеющих субстантивную сему ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009, с. 33) (вычисляется в процентах).

Индекс адъективации – отношение количества единиц, имеющих адъективную сему ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля.

Индекс вербализации – отношение количества единиц, имеющих процессуальную сему ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009, с. 33) (вычисляется в процентах).

¹ Под когнитивным смыслом мы понимаем компонент концепта, включающий несколько когнитивных признаков, имеющих общую объективацию (Степанова Д.А. .Взаимодействия лексики и фразеологии в системе языка (на материале наименований *положительных чувств и эмоций* в русском и английском языках): диссер. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009, с. 32).

Индекс адвербиализации – отношение количества единиц, имеющих адвербиальную сему ко всем единицам исследуемого лексико-фразеологического поля (Степанова 2009, с. 34) (вычисляется в процентах).

Выявление и описание взаимодействия лексики и фразеологии при помощи вышеперечисленных параметров было проведено на материале наименований положительных чувств и эмоций в системах русского и английского языков. Рассматриваемые нами наименования положительных чувств и эмоций в русском и английском языках представляют собой одноименное лексико-фразеологическое макрополе, состоящее из шести более мелких лексико-фразеологических полей: «удовольствие», «любовь», «воодушевление», «уважение», «спокойствие» и «облегчение». При описании материала мы исходили из того, что совокупность единиц каждого из перечисленных лексико-фразеологических полей объективирует в языке одноименный концепт.

В ходе исследования были вычислены показатели *индексов лексикализации и фразеологизации* одноименных концептов в русском и английском языках. Так, для концепта «удовольствие» индексы лексикализации и фразеологизации в русском языке составляют соответственно 79,3% и 20,7% , а в английском – 72,3% и 27,7%. Для концепта «любовь» индексы лексикализации и фразеологизации в русском языке равны соответственно 76,7% и 23,3%, а в английском языке – 62,1% и 37,9%. Для концепта «воодушевление» в русском эти показатели равны 78,7% и 21,3%, а в английском – 73,2 % и 26,8%. Индексы лексикализации и фразеологизации концепта «уважение» в русском языке оказались равны 93,1% и 6,9%, а в английском языке – 85,7% и 14,3% соответственно. Данные показатели для концепта «спокойствие» в русском языке равны 94,1% и 5,9%, а в английском – 75% и 25%. Индексы лексикализации и фразеологизации концепта «облегчение» в русском языке оказались равны 50% и 50%, а в английском языке – 62,5% и 37,5% соответственно.

Значения индексов лексикализации и фразеологизации концептов «удовольствие», «любовь», «воодушевление», «уважение», «спокойствие» и «облегчение» в русском и английском языках показали, что данные концепты представлены преимущественно лексическими единицами, за исключением концепта «облегчение» в русском языке, который в равной степени представлен как лексемами, так и фразеологизмами. В соответствии с разработанной С.В. Колтаковой (Колтакова 2008, с.17) шкалой степени проявления национальной специфики семантики (далее – шкала С.В. Колтаковой), для параметров, чьи индексы представлены процентами, степень проявления национальной специфики равняется численной разнице между показателями индексов сопоставляемых групп в разных языках. В нашем случае численная разница между показателями соответствующих индексов концептов «удовольствие», «воодушевление» и «уважение» равняется соответственно 7%, 5,5% и 7,4%, что, согласно указанной шкале, свидетельствует о **заметных** национально-специфических различиях. Численная разница между показателями индексов рассматриваемых концептов «любовь», «спокойствие» и «облегчение» равняется соответственно 14,6%, 19,1% и 12,5%, что, согласно указанной шкале, свидетельствует о **существенных** национально-специфических различиях.

В зависимости от показателей *индекса номинативного разнообразия объективации* выявленных когнитивных смыслов в ходе исследования была

проведена зонная структуризация лексико-фразеологического макрополя наименований положительных чувств и эмоций в русском и английском языках. К ядру и ближайшей периферии были отнесены единицы, представляющие смыслы, индекс номинативного разнообразия объективации которых более 15% (при этом для вычленения ядра поля использовались данные частотных словарей), для отнесения к ближней периферии значение данного индекса предполагалось в пределах от 10% до 15%, к дальней периферии – от 5% до 10%, и к крайней периферии – менее 5%.

Сравнение показателей *индексов лексической, фразеологической и лексико-фразеологической объективации когнитивных смыслов* наименований положительных чувств и эмоций в русском и английском языках показало, что индексы лексической и фразеологической объективации в английском языке (47,5% и 24,6% соответственно) превалируют над аналогичными индексами в русском языке (47,3% и 23,6% соответственно), а индекс лексико-фразеологической объективации в русском языке (29,1%) превышает данный индекс в английском языке (27,9%).

Согласно применяемой нами шкале С.В. Колтаковой, можно констатировать, что лексической и фразеологической объективации когнитивных смыслов в русском и английском языках свойственны **несущественные** национально-специфические расхождения, а лексико-фразеологической объективации присущи **видимые** расхождения.

Для оценки степени частеречной объективации рассматриваемого макрополя в обоих языках были определены значения *индексов субстантивации, адъективации, вербализации и адвербиализации*.

Было установлено, что для рассматриваемого макрополя в русском языке наибольший показатель имеет индекс субстантивации (31,4%), а в английском – индекс вербализации (35%). Следовательно, для изучаемого макрополя в русском языке доминирующей является частеречная сема предметности, а в английском языке – сема процессуальности. Это свидетельствует о доминирующем предметном характере лексико-фразеологического макрополя в русском языке и о ярком процессуальном характере данного поля в английском языке.

Проведенное сопоставление индексов частеречной объективации когнитивных смыслов в русском и английском языках показало, что численная разница между показателями индексов субстантивации и адъективации равняется соответственно 6,7% и 9%, что, согласно используемой нами шкале С.В. Колтаковой, свидетельствует о **заметных** национально-специфических расхождениях. Численная разница между показателями индексов вербализации и адвербиализации равняется соответственно 5% и 2,6%, что, согласно указанной шкале, свидетельствует о **видимых** национально-специфических различиях.

В ходе исследования оказалось также возможным определить, какую долю составляют лексемы и фразеологизмы в показателях индексов субстантивации, адъективации, вербализации и адвербиализации. Сравнение долей лексем и фразеологизмов в показателях введенных нами частеречных индексов выявило преобладание долей лексем в показателях индексов субстантивации (97,8%), адъективации (100%) и вербализации (54%) в русском языке по сравнению с английским (89,3%, 92,2% и 36,3% соответственно), доля лексем в показателе индекса адвербиализации в английском языке (96,2%) оказалась больше, чем в русском (76,9%). Что касается доли фразеологизмов, то

в показателях индексов субстантивации (10,7%), адъективации (7,8 %) и вербализации (63,7%) в английском языке она оказалась больше по сравнению с русским (2,2%, 0 и 46% соответственно). Доля фразеологизмов в показателе индекса адвербиализации в русском языке (23,1%) оказалась больше, чем в английском (3,8%).

Использование шкалы С.В. Колтаковой применительно к вышеприведенным данным позволяет констатировать наличие **заметных** расхождений для долей как лексем, так и фразеологизмов в индексах субстантивации и адъективации русского и английского языков и **существенных** различий для соответствующих долей в индексах вербализации и адвербиализации.

Таким образом, использование вышеперечисленных формализованных параметров для семантико-когнитивного исследования позволило установить тесное взаимодействие лексики и фразеологии в системах русского и английского языков и показало, что данное взаимодействие в сравниваемых языках характеризуется как общими чертами, так и национально-специфическими различиями.

По рассмотренным параметрам существенные различия выявлены 13 раз, заметные – 10, видимые – 16 и несущественные – 2 раза. Таким образом, преобладают **существенные** и **заметные** различия, что, согласно шкале определения выраженности национальной специфики лексических группировок С.В. Колтаковой (Колтакова, 2008, с.17), определяет национальную специфику взаимодействия лексики и фразеологии в системах русского и английского языков как **ярко выраженную**.

Таким образом, предложенные в рамках семантико-когнитивного исследования формализованные параметры позволили объективно охарактеризовать языковые явления и оценить степень проявления их национальной специфики в системах сравниваемых языков.

Литература

1. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «труд» и «отдых» в русском и английском языка: автореф. диссер. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
2. Степанова Д.А. Взаимодействие лексики и фразеологии в системе языка (на материале наименований *положительных чувств и эмоций* в русском и английском языках): диссер. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.
3. Стернина М.А., Стернин И.А. Параметрический метод в сопоставительных исследованиях // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009, с.3-6.

Т.А. Чубур

Теоретические и практические проблемы контрастивной лексикологии и лексикографии

В настоящее время контрастивной лингвистике придается огромное значение. «Было бы неоправданно ... отрицать наличие контрастивных исследований как теоретического направления в составе лингвистических дисциплин, получившего при своём вычленении самостоятельный объект для исследования» (Ярцева 1981, с. 4). Как отмечает Н.Б. Гвишиани, «одной из областей аналитических сопоставительных исследований в синхронии является

контрастивная лексикология, которая изучает сложную взаимосвязь сходств и различий между языками на лексическом уровне. Она охватывает целый ряд подходов, таких как лексические универсалии, теория языковой относительности, лексическая типология и контрастивный лексический анализ» (Гвишиани 2004, с.59-71). Согласно В.М. Лейчику, «каждая лексикологическая проблема в сопоставительной лексикологии должна сначала рассматриваться на материале и в тенденциях, характерных для одного языка, затем – на материале и тенденциях другого языка (других языков, если одновременно исследуются несколько языков) и, наконец, должны быть выявлены сходства и различия между лексическими явлениями сопоставляемых языков» (Лейчик, Секержицки 2000, с. 24).

Долгое время контрастивный анализ был направлен преимущественно на фонологию и грамматику. В настоящее время приоритеты резко изменились, и лексикология поднялась на одно из первых мест в теории и практике контрастивных исследований. Причиной возрастания роли лексикологии явилось существенное расширение области ее исследования и сфер ее применения. Изучение употребления лексических единиц в речи потребовало включения в лексикологию анализ таких параметров, как диалектные, региональные различия языковых средств, их прагматические особенности, соотносимые с жанром, способом передачи и стилистической направленностью сообщения (Конецкая, 1993, с. 25). Важным направлением контрастивной лингвистики стало выявление и изучение национальной специфики семантики слова, анализ которой предполагает выявление межъязыковых соответствий и контрастивный компонентный анализ их значений.

Несмотря на обилие в последние годы публикаций, посвящённых контрастивной лингвистике (см.: Бабенко 2000, Байрамова 2004, Биккулов 2005, Бойкова 2001, Буторина 1996, Бушуй 2000, Быкова 2004, Дуброва 2000, Закирьянов 2000, Когония 2002, Мурясов 2001, Селивёрстова 2004 и др.) многие кардинальные проблемы теории и практики контрастивных исследований остаются нерешёнными. Особенно это замечание справедливо по отношению к контрастивному изучению лексической семантики многих языков. Сопоставление лексических систем отстает от других уровней – фонетики и грамматики. «Казалось бы, что наиболее благоприятные обстоятельства могли бы сложиться для исследования в области лексики, так как в известной мере все составители двуязычных словарей вынуждены задумываться над сходными и различными оттенками регистрируемых слов. Однако, как это ни странно, именно в области контрастивной лексикологии крупных достижений в теории незаметно» (Ярцева 1981, с. 11). Объяснить сложившуюся ситуацию можно тем, что изучение лексической семантики в разных аспектах, в том числе и в контрастивном, связано с большими трудностями из-за специфичности самого предмета изучения – значения слов.

В Воронежском университете сложилась проблемная группа исследователей под руководством проф. И.А. Стернина, которая, используя накопленный опыт сопоставительного изучения языков и сформулировав общие принципы контрастивного описания языков, разрабатывает, уточняет и совершенствует контрастивный метод описания лексики и фразеологии на материале разных языков и разных групп лексики, что уже позволило значительно усовершенствовать контрастивный метод и перевести в практическую плоскость

проблему создания контрастивных словарей на базе накопленного языкового материала. Сопоставлены многочисленные лексические и лексико-фразеологические подсистемы разных языков (Контрастивная лексикология и лексикография 2006, с. 228-315).

В настоящее время результаты контрастивных исследований, проводимых в Воронежском госуниверситете, позволяют говорить о формировании особого лексикографического жанра – дифференциального двуязычного словаря, описывающего семантические и функциональные различия единиц двух языков. Так, на материале неродственных языков разработаны принципы описания слова в контрастивной семном словаре, контрастивном толково-переводном словаре, контрастивном дифференциальном словаре; принципы описания фразеологии в контрастивных словарях, принципы описания единиц в словарях безэквивалентной лексики и фразеологии (Контрастивная лексикология и лексикография 2006, с. 56, 228, 266).

Проблема создания контрастивных словарей является новым и малоизученным направлением лексикографии. Попытки создания такого типа словарей были сделаны Н.М. Репринцевой – русско-французский словарь «Наименования дорог», И.П. Зленко – русско-французский «Наименования трудовых процессов и лиц по трудовой деятельности», Т.А. Чубур – русско-английский словарь «Наименования отдыха», Е.А. Маклаковой – русско-английский словарь «Наименования лиц по полу, возрасту и родственными отношениям», Л.И. Зиминой – немецко-русский фразеологический словарь «Фразеологизмы с компонентом Ohr (ухо)», О.В. Паничкиной – русско-английский словарь «Наименования лиц, занятых в сфере образования», Н.В. Прощенковой – русско-украинский словарь «Описание имён существительных» (Контрастивная лексикология и лексикография 2006, с. 61-185).

Научная важность создания таких словарей заключается в том, что они позволяют представить результаты описания национальной специфики в таком виде, чтобы эти результаты могли проверить как ученые, так и рядовые носители языка, поскольку они представлены в виде исчерпывающего семного описания на фоне языка сопоставления. Учебно-методическая важность таких словарей заключается в том, что словари данного типа могут быть использованы как для обучения иностранному языку, так и для перевода.

Контрастивная лексикография – важная, практически значимая, но очень трудоемкая отрасль лингвистики, требующая кропотливого описания семантики лексических и фразеологических единиц, многократного обращения к словарям и информантам. При создании контрастивных словарей нового типа перед исследователем встает немало научных и методологических трудностей.

Обычно семы извлекаются из словарных дефиниций толковых словарей. Но разные словари выделяют разные семы даже в рамках одного языка, не говоря уже о том, что толковые словари других языков часто имеют совсем другие принципы толкования значений, и сопоставлять семы, извлеченные из толковых словарей двух языков, часто бывает невозможно.

Кроме того, на практике сразу же становится ясно, что имеющиеся в словарях описания, как правило, неполны, неточны и не могут удовлетворить исследователя. Семное описание значений одноязычными толковыми словарями проделано лишь частично, описаны лишь некоторые, наиболее яркие семы, и исследователю приходится самому проводить дополнительное семное описание

единиц исходного языка и языка сравнения, чтобы получить достаточно полную картину структуры значений сравниваемых слов. Без детального семного описания значений исходного языка и языка сопоставления контрастивное исследование невозможно. Подробный алгоритм семного описания значений слов представлен в монографии (Контрастивная лексикология и лексикография 2006, с. 48-53).

При описании семантики слов при контрастивном анализе исследователю приходится решать целый ряд проблем как теоретического, так и практического характера. Их подробный анализ представлен в нашей монографии (Чубур 2009, с. 163-195). Здесь же обозначим основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь, проводя контрастивный анализ лексики:

- проблема учета многозначности слова исходного языка
- проблема выявления переводных соответствий
- проблема учета многозначности слова языка сопоставления
- проблема выделения сем как упорядоченной совокупности семантических компонентов разного типа
- проблема метаязыковой унификации словарных дефиниций
- проблема дифференциации значений слов исходного языка и языка сопоставления
- проблема выявления отсутствующих значений слов в толковых словарях
- проблема выделения вероятностных сем в словах исходного языка и языка сопоставления
- значений некоторых слов, описываемых другими частями речи
- проблема описания функционально-стилистических компонентов значения слова
- проблема описания коннотативного компонента значения слова

Литература

1. Бабенко Н.С. О контрастивных приемах в историко-лингвистических исследованиях // Язык: теория, история, типология. – М., 2000. – С. 253-264.
2. Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику : учеб. пособие для студентов вузов. – Казань, 2004.
3. Биккулов Ш.Ф. О методах анализа структуры языка в контрастивной лингвистике // Проблемы теории европейских языков. – Оренбург, 2005. –С. 93-100.
4. Бойкова И.Б. Поле пространственности как феномен языка и объект контрастивного анализа // Актуальные проблемы германского и общего языкознания. – М., 2001. – С. 25-41.
5. Буторина Е.П. Об использовании компьютерных технологий в контрастивных исследованиях и обучении языку // Моск. лингв. журн. – М., 1996. – № 3. – С. 70-79.
6. Бушуй Т.А. Контрастивная лексикография в уровневой интерпретации фразеологии исходного языка : автореф. дис....докт. филол. наук. – Ташкент, 2000.
7. Быкова А.Н. Информативное чтение на иностранном языке как вид речевой деятельности//Язык и общество. – Ярославль, 2004. – Вып. 3. – С. 29-32.
8. Гвишиани Н.Б. Контрастивные исследования современных языков и корпусная лингвистика // Филологические науки. – М., 2004. – №1. – С. 59-71

9. Дуброва М.А. Управление мотивацией информативного чтения как аспекта межкультурной коммуникации посредством структурно-содержательной организации инструкций к заданиям для чтения // Мир славянских, германских и романских культур : их взаимосвязи и взаимодействие в яз. и лит. – Пермь, 2000. – С. 54-64.
10. Закирьянов К.З. Контрастивная лингвистика на службе методики // Germanica. Slavica. Turkica. – Уфа, 2000. – С. 252-261.
11. Когония Н. Контрастивная лингвистика как теория и как руководство в практической работе // Человек в зеркале языка. – М., 2002. – С. 60-73.
12. Конецкая В.Н. Введение в сопоставительную лексикологию германских языков. – М., 1993.
13. Контрастивная лексикология и лексикография. – Воронеж, 2006.
14. Лейчик, В.М., Секержицки Э. Основы конфронтативной лексикологии. – Uniwersytet Szczeciński, 2000.
15. Мурясов Р.З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии // Вопр. языкознания. – М., 2001. – № 5. – С. 86-112.
16. Селивёрстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. – М., 2004.
17. Чубур Т.А. Контрастивная лингвистика и лексикографическое описание слова. – Воронеж, 2009.
18. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М., 1981.

Н.А. Лепшеева

О месте контрастивной стилистики в ряду сопоставительных исследований

Вопрос о сути контрастивной стилистики недостаточно разработан, хотя сопоставительными исследованиями в области стилистики занимались и занимаются многие известные отечественные и зарубежные ученые.

В данной статье мы рассматриваем контрастивную стилистику как область сопоставительного языкознания, уточняем понятие контрастивной стилистики, описываем ее предмет и объект.

В современной лингвистике отмечается возрастающий интерес к проведению сопоставительных исследований. По словам И.А. Стернина, этот интерес обусловлен следующими причинами:

- потребностью выявления универсальных черт языкового материала;
- стремлением описать национальную картину мира разных языков;
- необходимостью совершенствования двуязычных словарей, где указываются национально-специфические черты семантики переводных соответствий;
- интересом к изучению национальной специфики семантики и изучением национальной специфики языкового мышления;
- расширением сферы преподавания иностранных языков» (Стернин 2007, с. 7-8).

Как известно, цель сопоставительного исследования – выяснение общего и различного в языковых подсистемах разных языков, установление специфики системной организации микросистемы в изучаемых языках, выявление ядра и периферии подсистем в сравниваемых языках (Стернин 2007, с. 15-16).

Согласно В.Д. Аракину, характер сопоставления предполагает сравнительное рассмотрение систем языков в целом и их отдельных микросистем в частности.

Сопоставление такого ряда подразумевает только наиболее общие черты структуры языков в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Следовательно, не могут быть проигнорированы такие важные аспекты сравнения и анализа как системный подход к рассмотрению языкового материала, опора на содержательную сторону сопоставляемых категорий, учет функциональных особенностей сопоставляемых единиц. Для этого используется комплекс критериев: формальных, содержательных, функциональных (Аракин 2005).

Сравнение и сопоставление может осуществляться на разных языковых уровнях. Можно сравнивать звуковое оформление высказывания, семантические или прагматические компоненты, различные грамматические явления, фразеологию и даже графическое начертание. Соответственно этому, объектами исследования в сравнительном языкознании могут быть «единицы любого уровня языка: фонемы, слова, грамматические явления вплоть до текста» (Новое в зарубежной лингвистике 1989, с. 10). Глубина анализа сравниваемых элементов языка тоже может быть различна. Так, например, лексику «можно сопоставлять по отдельным словам, по цельным семантическим группам, по морфологической структуре слов, наконец, в функционально-ономасиологическом плане – по способам лексического выражения тех или иных значений или обозначения тех или иных денотатов», а также по дистрибуции тех или иных лексических единиц в разных языках (Новое в зарубежной лингвистике 1989, с. 15).

Современные сопоставительные исследования характеризуются «углубляющейся дифференциацией различных направлений» (Стернин 2007, с. 8). Одним из направлений сравнительного языкознания явилась сопоставительная стилистика – направление, которое обозначилось в 60-е годы XX века.

Многие исследователи не делают различия между сопоставительной и контрастивной стилистикой. Зарубежные исследователи называют термином *contrastive stylistics* область теории перевода, которая занимается контрастивно-стилистическим анализом двух языков (Vinay, Darbelnet 1995). Отечественные лингвисты, как уже отмечалось выше, отделили контрастивную (сопоставительную) стилистику от теории перевода, но четкого определения контрастивной стилистики пока не существует.

Только В.Н. Ярцева в статье, посвященной сопоставительной стилистике, отмечает, что это область лингвистики, которая занимается сравнением языков друг с другом (ЛЭС 1990, с. 493). На наш взгляд, данное определение не отражает специфики сопоставления именно на уровне стилистики, а может стать определением для любой области сопоставительной лингвистики. Т.Б. Трошева под сопоставительной стилистикой понимает «изучение в сравнительном плане стилистических систем двух и более языков» (Трошева 2001). Н.К. Гарбовский уточняет, что сопоставительная стилистика должна изучать «сходства и различия языковых форм сравниваемых языков, основываясь на адекватности их значений и функций» (Гарбовский 2009, с. 17). М.А. Пильгун отмечает, что концепция контрастивной стилистики «позволяет выявлять в двух языках общие категории плана выражения и плана содержания, дифференциальные и интегральные компоненты функциональных стилей, сравнить языковую норму на различных уровнях языковой системы, структуры текстов» (Пильгун 2006, с. 109-111).

Соглашаясь с Т.Б. Трошевой, М.А. Пильгуном и Н.К. Гарбовским, мы определяем контрастивную стилистику как направление общей стилистики, задачей которого является сопоставительное изучение двух языков для выявления сходств и различий на всех уровнях.

В качестве конкретных задач контрастивной стилистики А.Д. Швейцер рассматривает установление общих и отличительных черт, «обнаруживаемых системами экспрессивно-эмоциональных и оценочных средств двух языков», а также системами их функциональных стилей. В число специфических задач контрастивной стилистики входит сопоставительный анализ системных отношений между языковыми средствами, используемыми в тех или иных сферах общения, определение жанровых принципов их отбора, сочетаемости и организации в текстах (Швейцер 1988, с. 6-9).

Контрастивная стилистика строится на сопоставлении оригинальных текстов двух языков или параллельных текстов, как их называет А.Д. Швейцер. «Параллельные тексты – образцы речевых произведений одного и того же жанра, между которыми отсутствует смысловая эквивалентность типа оригинал-перевод. В то же время для параллельных текстов характерна общность социально-коммуникативной ситуации их порождения, позволяющая выделить дифференциальные и интегральные признаки текстов данного жанра в различных языках» (Швейцер 1993, с. 11). Сейчас принято параллельными текстами называть переводные тексты. Оригинальные тексты на разных языках, относящиеся к одному функциональному стилю или жанру и обладающие тематической общностью, называются сопоставимыми, так как создавались «в аналогичных типовых ситуациях общения» (Гарбовский 2009, с. 19). Соответственно, предметом контрастивно-стилистического анализа станут тексты различных стилей и жанров.

Таким образом, задачей контрастивной стилистики на современном этапе является анализ текста, который Н.К. Гарбовский называет высшей единицей коммуникации, которая обладает «смысловой целостностью и завершенностью, со сложной структурой, элементы которой связаны между собой различными видами семантических и логических отношений» (Гарбовский 2009, с. 12).

Литература

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М., 2005..
2. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы./ Общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Гака. – М., 1989.
3. Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи: На материале русского и французского языков. Изд.2. – М., 2009.
4. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
5. Пильгун М.А. Сопоставительное исследование в свете работ И.А. Бодуэна де Куртенэ // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы. – Казань, 2006. – С.109-111.
6. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М., 2007.
7. Трошева Т.Б. Роль функциональной сопоставительной стилистики в исследовании текстовых явлений // Изменяющийся языковой мир: материалы

международной научной конференции. – 2001. // // Режим доступа : <http://language.psu.ru/bin/view.cgi?art=0078&lang=rus>, свободный.

8. Швейцер А. Д. Контрастивная лингвистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. – М., 1993.
9. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). – М., 1988.
10. Vinay J.-P., Darbelnet J. *Comparative Stylistics of French and English: a Methodology for translation*. – Amsterdam/Philadelphia, 1995.

Е.А. Сорокина

Семантическая реконструкция: вчера и сегодня

Под реконструкцией понимается комплекс приёмов и процедур восстановления незасвидетельствованных языковых состояний, форм, явлений путём исторического сравнения соответствующих единиц отдельного языка, группы и семьи языков (БЭС 1998, с. 409).

Как известно, до XIX века не существовало корректных методов лингвистической реконструкции. И лишь открытие фонетических законов позволило реконструировать праформы, опираясь не на случайные созвучия и домыслы, а на строгие соответствия и закономерности. Двадцатый век ознаменовался повышенным теоретическим интересом к реконструкции, а вместе с ней и к проблемам сравнительного языкознания в целом. И всё же, несмотря на множество частных исследований, демонстрирующих различные процедуры и приёмы реконструкции, а также некоторые специальные работы по лингвистической реконструкции, общее состояние проблемы трудно считать удовлетворительным.

Реконструкция, на которой строится сравнительно-историческое языкознание, всегда была реконструкцией форм. Однако, чтобы с её помощью воссоздать далёкое прошлое, она должна стать реконструкцией полнозначных элементов, значений.

Традиционно семантической реконструкции отводилась пассивная и вспомогательная роль. По мнению О. Семереньи, обращение к семантическому критерию при этимологических исследованиях является лишь дополнительным фактором. «Если этимон вызывает предположение о необычном семантическом развитии, исследователь должен заново проверить этимологию с фонологической точки зрения» (Семереньи 1967, с. 12).

Получается парадоксальная ситуация: с одной стороны, слово — это обязательное единство формы и значения; с другой стороны, «реконструкция древнего слова не часто оказывается единой адекватной реконструкцией формы и значения» (Трубачёв 2004, с. 109). Более того, реконструкция первичных значений — очень сложный и трудоёмкий процесс, так как слово в плане своего содержания представляет собой диффузное образование, в котором заложены множественные отклики на предшествующий языковой опыт и потенции будущего значения (Лихачёв 1997, с. 282).

В идеале результатом любого этимологического изыскания должно стать слово, где первичная форма и первичное значение составляют единство. В реальности такого абсолютного единства не наблюдается даже в тех случаях, когда значение как бы читается через реконструкцию формы, так как порой

чрезвычайно трудно установить первичную мотивацию этимологизируемого слова.

В результате при этимологическом анализе для одних учёных приоритетным становится формальная общность, для других — семантическая близость исследуемых слов. Естественно, что достижение истины при таких условиях становится проблематичным, так как рассматривать одно без другого не имеет смысла.

В настоящее время в этимологии наблюдается всё возрастающий интерес к слову, в отличие от прежнего внимания к исследованию корня. Изменилась и процедура этимологизирования: от реально зафиксированных слов — к реконструкции семантики, что несколько отодвинуло на второй план интерес к материальной, формальной стороне слова. Важность семантики для этимолога очевидна и не нуждается в доказательствах.

Однако этимология — это в первую очередь реконструкция звуковой истории слова, опора на звуковые соответствия и законы. «Ни семантические связи, ни типологические параллели, ни фреквенталии, ни универсалии семантических переходов сами по себе не могут быть достаточными критериями надежности того или иного этимологического решения. Установленные наукой закономерности звуковых переходов нельзя “выносить” за скобки. Решение этимологических задач — это, прежде всего, решение задач формальных, реконструкция звуковой истории слова» (Журавлёв 1986, с. 60).

И все же, по мнению Колевой-Златевой, этимологический анализ не должен замыкаться только на формальной стороне, он должен включать и реконструкцию значений, которой следует опираться на методы семантической типологии для поиска закономерностей в эволюции значений и установления семантических универсалий (Колева-Златева 1998).

Действительно, типология близкородственных языков даёт возможность установить как различия, так и общность в развитии значений и помогает верифицировать вероятное лексическое значение праформы. Однако когда речь идёт о семантической типологии за пределами родственной группы, учёные сталкиваются с рядом труднорешаемых проблем. Во-первых, семантические компоненты лексического значения не имеют формальных показателей для сравнения. Во-вторых, яркое разнообразие лексических единиц не позволяет свести всё к общим типам, за исключением очень ограниченных групп слов (термины родства, местоимения, цветообозначения или, к примеру, глаголы движения). В результате все имеющиеся исследования пока носят ограниченный характер: «не известно ни одного, в котором описание лексических систем разных языков велось бы под единым углом зрения, по единому плану, с тем, чтобы результаты описания отдельных языков оказались бы сопоставимы в целом и можно было бы делать обобщения и прогнозы для всего семантического поля» (Рахилина, Плунгян 2007, с. 13).

Ввиду сложности слова, многообразия его семантических потенциалов Ж. Колева-Златева предлагает реконструировать значения не отдельного слова, а группы слов, связанных тематически (Колева-Златева 1998, с. 60). Изучение лексики по семантическим группам имеет давнюю традицию. Ж. Вандриес утверждал, что слова в нашем сознании не стоят особняком, а объединяются в семантические группы, в которой за каждым словом закрепляется его традиционное значение; если одно из слов группы меняет свое значение, то оно

увлекает за собой и другие слова данной группы в новом направлении (Вандриес 2001, с. 184). Новое значение не обязательно вытесняет прежние значения. Все предыдущие значения продолжают жить в языке. Изменение значений не идет прямолинейно, оно «развертывается во всех направлениях вокруг основного значения, и каждое из вторичных значений может в свою очередь стать новым центром семантического развития» (Вандриес 2001, с. 187). Выявление значений слова возможно через контекст.

В своей статье «Семантические проблемы реконструкции» Э. Бенвенист последовательно доказал, что основной принцип, на который следует опираться учёным при реконструкции, заключается в том, что «‘значение’ лингвистической формы определяется всей совокупностью её употреблений, её дистрибуцией и вытекающими из них типами связей», что возможно только при «внимательном изучении совокупности контекстов, где исследуемая форма может быть употреблена» (Бенвенист 2002, с. 332). Действительно, именно контекст позволяет не только объяснять близость значений, кажущихся различными, но и мотивировать эти различия. В свою очередь, появление нового значения требует от лингвиста учёта всех факторов, которые могли бы вызвать его.

Основной трудностью, встающей перед исследователями древних текстов, является проблема их перевода, так как лингвист «всегда склонен бессознательно руководствоваться категориями своего собственного языка» (Бенвенист, 2002, с. 333). По мнению Э. Бенвениста, критерием достоверности может служить более точное описание употребления исследуемых форм в контексте. Контекст уточняет значения слов, выдвигая на первый план ту или иную сему, позволяет правильно интерпретировать значения. Таким образом, именно контекст препятствует неправомерному переносу значений из семантической системы одного языка в систему другого.

Труднорешаемой остается проблема выявления первичности и вторичности значений слова. Традиционный критерий перехода значения от «конкретного» к «абстрактному» вряд ли следует считать единственным направлением развития значения в древних языках, хотя и отдалённых во времени, но являющихся такими же полноценными, как и современные языки, в которых представлены различные пути семантических изменений.

Не умаляя важности попыток учёных выявить закономерности семантических изменений и установить семантические универсалии, которые способствовали бы более успешному выявлению значений праформ, следует признать, что до настоящего времени не выработаны чёткие критерии, принципы и приёмы для самой семантической реконструкции.

Трудность состоит в том, что семантическая реконструкция, в отличие от формальной, не оперирует понятиями «закон» или «регулярные соответствия» даже в пределах близкородственных языков, а попытки наметить закономерности развития семантики зачастую остаются лишь гипотезами, затрагивающими небольшую часть материала.

Основная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что термин «реконструкция» понимается учёными слишком широко. С одной стороны, это методы и приёмы, опирающиеся на законы и соответствия для формальной реконструкции, с другой — интуиция исследователя, его лингвистическое чутьё, «семантический инстинкт» (термин О. Н. Трубачева), так как «лингвист не

может быть свободным от других своих ипостасей, поскольку он является носителем родного языка и культуры и владеет в той или иной степени другими языками и культурами. Выбор этимологической версии сознательно или подсознательно определяется знаниями этимолога о той или иной культуре» (Брунова, 2007, с. 29).

Реконструкция должна, с одной стороны, опираясь на данные языков-потомков, дать информацию о праязыковом состоянии; с другой стороны, эта информация должна быть максимально достоверной. Именно достижение высокой степени достоверности и является камнем преткновения для исследований, так как основные трудности, встающие перед учёными, лежат вне лингвистики и определяются экстралингвистическими факторами.

Во-первых, от времени распада праязыка зависит степень утраты или сохранности архаичных черт. Действительно, чем больше времени проходит с момента распада, тем больше вероятность, что в языках-потомках какие-то черты не сохранились. Во-вторых, степень достоверности результатов независимого развития того или иного явления в языке напрямую зависит от количества дошедших до наших дней языков-потомков. С одной стороны, чем выше их процент, тем более точные данные может получить исследователь, тем более достоверными могут быть его выводы. Малое количество языков-потомков, соответственно, уменьшает и степень достоверности. В-третьих, интенсивность контактов как между языками одной группы, семьи, так и с языками других семей во многом затрудняет установление исконных и заимствованных явлений. В результате экстралингвистические факторы усугубляют трудности обнаружения сохранившихся в языке-потомке черт праязыка, отделение их от более поздних наслоений и инноваций.

Лингвистические трудности семантической реконструкции, в свою очередь, состоят в том, что разные языки, восходящие к одному праязыку, изменялись по-разному. С одной стороны, они сохранили различные его черты, объединение которых позволяет представить картину древнего языкового сознания в период праязыковой общности. С другой стороны, присутствие общих черт в языках-потомках еще не означает, что они унаследованы от праязыка, — вполне вероятно, это могло быть параллельное развитие разных явлений, которые в итоге пришли к одному результату.

И все же, несмотря на перечисленные выше трудности, достижение высокой степени достоверности полученных данных возможно, если обобщить наработанный в результате многолетних исследований опыт проведения семантических реконструкций и выработать некий алгоритм действий, позволяющий избежать высокой доли субъективности.

Вслед за Э. Бенвенистом, основным принципом семантической реконструкции мы считаем изучение значений слова по контекстам. «Каждое слово в каждый момент языковой эволюции обладает определёнными семантическими достоинствами, известными носителям языка, на основе которых можно толковать изменения, задаваемые различными контекстами» (Martinet 1983, p. 3). Только внимательное изучение контекстов, где исследуемая форма проявляется в разнообразии употреблений, позволяет объяснить и мотивировать сближение/расхождение значений. При этом необходимо помнить, что, когда контекст выделяет одно из значений слова, другие его значения или их совокупность продолжают присутствовать в слове потенциально.

Следующий принцип состоит в изучении древней лексики по семантическим разрядам, тематическим группам и т. д. Такой подход объясняется тем, что изменение значений происходит не прямолинейно и упрощённо, так как «очень мало слов выпадает из языка, потому что — почти, как правило — они подвергаются дифференциации внутри синонимического ряда и таким способом взаимно перегруппировываются, и языковые эпохи этим и отличаются по большей части друг от друга» (Матијашевић 1982, с. 120—121). Следовательно, основной путь изменения словарного состава языка — это его переосмысление, а не абсолютные прибавления или вычитания (утраты) (Трубачёв 1980, с. 12). В результате, несмотря на изменённое значение, древнее слово нередко продолжает оставаться в пределах той же тематической группы, а более архаичное значение — проявляться в контекстах. Но даже если само древнее слово не сохранилось и было заменено новым, прежние отношения и связи часто продолжают воспроизводиться и в новом окружении. Таким образом, необходимо не только стремиться к более точному описанию употребления слов, но и изучать новые значения, объяснять причины их появления, согласуясь с «реалиями» исследуемого периода, так как системе реальных всегда соответствует лексическая система.

Третий принцип — этимологический, — с одной стороны, опирается на звуковую и словообразовательную реконструкции для раскрытия происхождения слова, с другой стороны — несёт немалую культурно-историческую информацию, позволяющую верифицировать полученные в результате семантической реконструкции данные. Основное отличие этимологии от семантической реконструкции нам видится в том, что этимология пытается воссоздать историю слова вплоть до его истоков и выявления мотивов такого значения — так называемая дальняя реконструкция. Семантическая реконструкция ограничена временем и пространством — так называемая ближняя реконструкция, когда в результате анализа реально засвидетельствованных значений близкородственных языков выводится предположительное значение в языке, которое вполне может быть промежуточным и не совпадать со значениями, полученными в результате этимологического анализа. По мнению Э. А. Макаева, семантическая реконструкция, в отличие от формальной (фонемы и морфемы), не может быть глобальной, допускает лишь частичную реконструкцию и «ограничена определенным порогом, переступать который она не в силах; в противном случае она теряет всякий смысл, ибо определённый этап развития языка, подлежащий реконструкции, утрачивает свой структурный облик, постепенно трансформируясь в другой языковой тип» (Макаев 2004, с. 104—105).

Четвёртый принцип, которым должны руководствоваться лингвисты, занимающиеся семантической реконструкцией, — типологический. «Действительно, реконструируемые лингвистические модели исходной языковой системы, если они претендуют на отражение реально существовавшего в пространстве и времени языка, должны находиться в полном соответствии с типологически выводимыми универсальными закономерностями языка, устанавливаемыми индуктивно или дедуктивно на основании сопоставления множества различных языковых структур» (Гамкрелидзе 1988, с. 149—150). Типология, таким образом, изучая языковые изменения, устанавливает, какие пути развития более характерны для языков, а какие менее. Здесь следует

уточнить, что в отношении лексики вопрос о семантических типологических универсалиях остается труднорешаемым и в наши дни, так как следует признать, что типологическое сходство возможно для языков определенного исторического периода и с определенными исторически обусловленными тенденциями развития. Разные языки по-разному приходят к тому, что характеризуется как объединяющий признак. Именно поэтому типология не может быть основой для реконструкции (Dunkel 1981, p. 559—565), но может служить своеобразным показателем правильности выбора конкретного пути реконструкции из множества возможных вариантов. При семантической реконструкции типология должна выступать в качестве верифицирующего фактора, эмпирического критерия для оценки предполагаемых реконструкций.

Выявление основных принципов для семантической реконструкции не было самоцелью. С их помощью мы попытались определиться с содержанием самого термина «семантическая реконструкция». С учётом того, что исторически «реконструкция» рассматривалась как комплекс приёмов и процедур восстановления незасвидетельствованных языковых состояний, «семантическая реконструкция» представляет собой определённый алгоритм действий при исследовании древних значений слов близкородственных языков, который основан на следующих принципах: 1) установление значений исследуемых слов по контекстам, 2) изучение древней лексики по семантическим разрядам и тематическим группам, 3) верифицирование полученных при семантической реконструкции результатов этимологическими и типологическими данными.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 2002.
2. Брунова Е. Г. Архаичные пространственные отношения в англосаксонской языковой модели мира: дисс. ... докт. филол. наук. — Тюмень, 2007.
3. БЭС — Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М., 1998.
4. Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю) / Пер. с. фр. — М., 2001.
5. Гамкрелидзе Т. В. Лингвистическая типология и праязыковая реконструкция // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. — М., 1988. — С. 145—157
6. Журавлёв В. К. Принцип иерархичности языковых изменений в этимологии // Этимология. 1984. — М., 1986. — С. 60—66.
7. Колева-Златева Ж. Семантична реконструкция (методологични аспекти). — В. Търново, 1998.
8. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. — М., 1997. — С. 280—287.
9. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. — М., 2004.
10. Рахилина Е. В., Плунгян В. А. О лексико-семантической типологии // Глаголы движения в воде: лексическая типология. — М., 2007. — С. 9—26.
11. Семереньи О. Славянская этимология на индоевропейском фоне // Вопросы языкознания. — 1967, № 4. — С. 3—19.
12. Трубочёв О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура: В 2 т. — Т.1 — М., 2004.
13. Dunkel G. Typology versus reconstruction // Bono Homini Donum: Essays in historical linguistics. In memory of J. Alexander Kerns. — Amsterdam: John Benjamins B. V., 1981. — P. 559—570.

14. Martinet A. Se soumettre a l'épreuve des faits // La linguistique. 1983. — Vol. 19. — № 1. — P. 3—12.
15. Матијашевић Ј. О синонимји и синонимима // Лексикографија и лексикологија: Зборник реферата / Одговорни уредник Д. Ђупић. — Београд, 1982. — С. 118—131.

О. В. Суханова

Типологическая классификация русско-английских глагольных лакун

Проблемам лексической безэквивалентности и лакуарности посвящён ряд исследований, где предлагаются классификации межъязыковых лакун, основанные на различных принципах и базирующиеся на разных основаниях. Особый интерес вызывает в этой связи работа А.А. Махониной (Махонина 2006), предлагающая единую типологию лексических лакун. Основанием для такой типологии послужила причина лакуарности – причина, по которой в исследуемом языке существует лакуна. Согласно предложенной типологии, все межъязыковые лакуны могут быть разделены на две большие группы: обобщающие и конкретизирующие. Обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующего обобщения, конкретизирующие – на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующей конкретизации по определённому признаку.

Настоящее исследование, проведённое на материале глагольных лакун, полученных методом сплошной выборки из Нового большого англо-русского словаря под общим руководством Ю. Д. Апресяна, показывает, что типология, разработанная для субстантивных лакун, может быть применима и к глагольным лакунам. На нашем материале также оказалось возможным выделить обобщающие и конкретизирующие лакуны.

Как показало исследование, обобщающие лакуны выделяются на основе отсутствия обобщения по следующим признакам:

- образу действия: *напоить, накормить досыта* – ср. *prime*, *внезапно подняться*;
- интенсивности: *быстро расти и развиваться* – ср. *burgeon*;
- месту: *приводить или приносить в церковь (для крещения)* – ср. *church*;
- месту приложения действия: *составлять или подавать петицию* – ср. *memorial*;
- направленности действия: *обслуживать или сопровождать туристов, путешественников* – ср. *courier*;
- орудию совершения действия: *поднимать, поворачивать вилами* – ср. *prong*;
- цели: *ездить, ходить на экскурсию* – ср. *excursion*;
- манере поведения: *думать одно, а говорить другое* – ср. *doubletalk*;
- времени: *работать, писать, заниматься по ночам* – ср. книжн. *lucubrate*;
- свойствам: *делаться, становиться круглым* – ср. *globe*.

Исследование конкретизирующих лакун показало возможность отсутствия конкретизации по следующим признакам:

- месту: *помещать (предмет) перед зеркалом* - *ср. glass*, *наливать в пузырьёк, флакон* – *ср. phial*;
- орудию совершения действия: *мешать кочергой* – *ср. poker*, *долбить острым инструментом* – *ср. pick*;
- цели: *громко кричать, чтобы привлечь внимание* – *ср. halloo*;
- манере поведения: *нагло вести себя* – *ср. outbrazen*, *мужественно вести себя* – *ср. play up*;
- способу совершения действия: *казнить с помощью гарроты* – *ср. garrotte*;
- производимому действию: *заставлять хромать* – *ср. hobble*, *грозить рухнуть* – *ср. nod*;
- направленности действия: *говорить с самим собой* – *ср. книжн. soliloquize*, *считать себя счастливым* – *ср. bless*;
- социальной роли: *выступить в роли хозяина* - *ср. host*;
- продолжительности действия: *съездить (куда – либо) на короткий срок* – *ср. run*;
- состоянию: *находиться в периоде течки (о кобыле)* – *ср. horse*;
- причине действия: *вскакивать от удивления* - *ср. sit up*;
- виду деятельности: *работать мусорищиком* - *ср. scavenge*, *заниматься афёрами* - *ср. racketeer*, *вести миссионерскую работу* – *ср. mission*;
- месту приложения действия: *предоставлять койку, спальное место* – *ср. berth*, *покрывать облаками, тучами* – *ср. cloud*, *закупоривать пробкой* – *ср. cork*, *коллекционировать насекомых* – *ср. entomologize*, *свернуть голову (курице и т. п.)* – *ср. neck*;
- образу действия: *глухо грохотать* – *ср. mutter*, *ставить в ряд* – *ср. align*, *селиться вместе* – *ср. pig*, *ходить подпрыгивая* – *ср. bounce*, *с любопытством рассматривать (достопримечательности)* - *ср. rubberneck*;
- интенсивности: *энергично браться за работу* – *ср. attack*, *быстро тасовать* – *ср. ruffle*;
- степени: *слегка подкрашивать волосы* - *ср. rinse*, *полностью разгромить* – *ср. книжн. derout*;
- времени: *заказывать заранее* – *ср. bespeak*;
- свойствам: *становиться безвкусным* – *ср. stale*.

Следует отметить, что, как и среди субстантивных лакун (см. Махонина 2006, с. 71), количество конкретизирующих глагольных лакун значительно превышает количество обобщающих лакун. Направление обобщения и конкретизации совпадают у глагольных лакун по следующим признакам: образу действия, месту, орудию совершения действия, месту приложения действия, направленности действия, цели, времени, свойствам, интенсивности, манере поведения.

Проведённое исследование показало, что, как и в случае с субстантивными лакунами, у глагольных лакун возможно отсутствие конкретизации или обобщения по нескольким признакам одновременно, то есть возможно существование нескольких уровней лакунарности. (см. Махонина 2006, с. 72) Лакуны первого уровня демонстрируют отсутствие конкретизации или

обобщения по одному признаку, второго уровня – по двум лакунарным признакам, третьего уровня – по трём лакунарным признакам.

Так, например, обобщающая лакуна *подрезать или связывать крылья* – ср. *pinion* является лакуной первого уровня, поскольку отсутствует обобщение только по одному признаку – месту приложения действия.

Лакуна *поднимать и нести груз стропом* – ср. *sling* является обобщающей лакуной второго уровня, потому что обобщение отсутствует по двум признакам – месту приложения действия и орудию совершения действия.

В качестве примера конкретизирующих лакун первого уровня лакунарности приведём лакуну *извлекать сущность, квинтэссенцию* – ср. *distil(l)*. В рассматриваемой лакуне конкретизация отсутствует по одному признаку – по месту приложения действия.

Примером лакуны второго уровня может служить конкретизирующая лакуна *герметически закрывать в стеклянной посуде* – ср. *glass*. В данной лакуне конкретизация отсутствует по двум признакам: образу действия (*герметически*) и месту (*в стеклянной посуде*).

Лакуна *тихо и проникновенно, с чувством исполнять (популярные) песенки перед микрофоном* – ср. *croon* является конкретизирующей лакуной третьего уровня, потому что конкретизация отсутствует по трём признакам: образу действия (*тихо и проникновенно, с чувством*), месту приложения действия (*песенки*) и месту (*перед микрофоном*).

Наряду с уровнями лакунарности, выделяются ступени лакунарности (см. Махонина 2006, с. 74). Проведённое исследование показало, что в отличие от субстантивных лакун, где ступени лакунарности были выявлены только у конкретизирующих лакун, у адъективных лакун ступени лакунарности выделяются в обоих типах лакун. Если конкретизируется или обобщается только действие, то мы имеем дело с лакунами первой ступени. Например, обобщающая лакуна *проводить, встречать или сопровождать пением* – ср. *sing* является лакуной первой ступени. Когда же конкретизируется или обобщается один из лакунарных признаков, то отмечается наличие второй ступени лакунарности. Так, в обобщающей лакуне *выпускать или рекламировать товар, предназначенный для определённой категории покупателей* – ср. *position* наблюдается отсутствие обобщения действий *выпускать или рекламировать* по признаку места приложения действий (*товар*) и конкретизация лексемы (*товар*) по предназначению (*предназначенный для определённой категории покупателей*). В обобщающей лакуне *выставлять или вывешивать запрещающие таблички* – ср. амер. *post* отсутствует обобщение действий *выставлять или вывешивать* по признаку места приложения действий (*таблички*) и конкретизация лексемы (*таблички*) по свойствам.

Конкретизирующие лакуны также имеют ступени лакунарности. В лакунах *попасть в беду* – ср. *tusker*, *испытывать зуд, боль* – ср. *tingle* конкретизируются только действия *попасть, испытывать*, то есть мы имеем дело с лакунами первой ступени.

Конкретизирующими лакунами второй ступени являются следующие лакуны: *выйти из игры, грозящей неприятностями* – ср. *chicken out*, *разрушать спинной мозг или центральную нервную систему* – ср. *pith*, поскольку помимо конкретизации действий *выйти, разрушать*, конкретизируются лексемы *игра, мозг, система*.

Материал показал, что оба типа лакун имеют и уровни, и ступени лакуарности. Так, например, в лакуне *изменять или разрушать естественные свойства* – ср. *denature* наблюдается отсутствие конкретизации действий *изменять или разрушать* по признаку места приложения действия (*свойства*) и конкретизация лексемы (*свойства*) по свойствам (*естественные*). Рассмотрим ещё один пример: в лакуне *осуществлять коммерческую или финансовую сделку безубыточно* – ср. *average out* наблюдается отсутствие конкретизации действия *осуществлять* по двум признакам: месту приложения действия (*сделку*) и образу действия (*безубыточно*), а также конкретизация лексемы (*сделку*) по свойствам (*коммерческую или финансовую*).

Таким образом, типологическая классификация русско-английских глагольных лакун большей частью совпадает с типологической классификацией русско-английских субстантивных лакун. Однако, в отличие от субстантивных лакун, уровни и ступени лакуарности наблюдаются не только среди конкретизирующих лакун, но и среди обобщающих глагольных лакун.

Литература

1. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакуарности (на материале русско-английских субстантивных лакун): дис. ...канд. фил. наук – Воронеж, 2006.

Ж.В. Петросян

Обобщающие русско-английские адъективные лакуны: проблемы типологии

Исследование адъективных лакун, полученных методом сплошной выборки из Нового Большого англо-русского словаря под редакцией Ю.Д. Апресяна показало, что к русско-английским адъективным лакунам применима типологическая классификация, предложенная и разработанная А.А. Махониной (Махонина 2006) для субстантивных лакун, и основанная на причине лакуарности, то есть на причине, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна. Такой причиной может быть отсутствие в исследуемом языке либо соответствующего **обобщения**, либо соответствующей **конкретизации** по определенному признаку. Согласно данной типологии все межъязыковые лакуны подразделяются на две большие группы: обобщающие и конкретизирующие.

Однако исследование показало, что обобщающие адъективные лакуны неоднородны по своему составу и могут быть поделены на эксплицитно-обобщающие и имплицитно-обобщающие.

Под эксплицитно – обобщающими лакунами мы понимаем такие, у которых обобщение выражено эксплицитно в словарной дефиниции. Например, *сплюснутый или сжатый у полюсов* – ср. *oblate*. В данном случае обобщение **сплюснутый или сжатый** эксплицитно присутствует в словарной дефиниции.

Под имплицитно-обобщающими лакунами понимаются такие, у которых обобщение не выражено в словарной дефиниции, но может быть понято благодаря денотативным семемам лексем, входящих в словарное определение. Например, *без надписи, без теснения* – ср. *letterless*. В данном случае имплицитно подразумевается обобщение **находящийся, продающийся, сделанный без надписи, без теснения**.

В общей сложности нами было выделено 256 адъективных обобщающих лакун, большинство которых (158) составляют эксплицитно-обобщающие.

Проведенный анализ эксплицитно-обобщающих лакун позволил выделить в них конъюнктивные и дизъюнктивные обобщающие лакуны.

Конъюнктивные обобщающие лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, выраженного совокупностью родовых признаков. Примером таких лакун являются следующие:

простой и безмятежный – ср. *comfortable*
тонкий и гибкий (как тростинка) – ср. *willowy*
холодный и суровый – ср. *steely*
ясный и солнечный. – ср. *fair*

Дизъюнктивные лакуны выделяются на основании отсутствия обобщения, представленного в виде альтернативы между двумя родовыми признаками. Например:

гладкий или скользкий как лед – ср. *gleg*
изношенный или пострадавший в боях (о технике и т. п.) – ср. *warworn*
сделанный или сказанный некстати, не вовремя – ср. *malapropos*
учащийся или изучаемый экстерном – ср. *external*

Рассмотрим конъюнктивные и дизъюнктивные лакуны более подробно.

Отсутствие обобщения у дизъюнктивных лакун зафиксировано нами по следующим признакам:

качеству

исключительно сильный или мощный – ср. *bionic*
особенно уважаемый или любимый – ср. *special*
высшего качества или большого размера – ср. *imperial*
слишком длинный или долгий – ср. *overlong*

отсутствию признака

безрогий или без клыков (о животных) – ср. *unarmed*
безрукий или безногий – ср. *limbless*

типу действию

покрытый или обросший ракушками – ср. *barnacled*
принадлежащий к двум культурам или являющийся результатом их слияния – ср. *bicultural*
носящий мех, одетый в меховое пальто – ср. *furred*
затянутый паутиной, похожий на паутину – ср. *cobwebby*
усиленно разыскиваемый полицией, скрывающийся от правосудия – ср. *hot*

форме

серповидный или круглый – ср. *lunar*
тупой или вздернутый (о носе) – ср. *snub*

цвету

оранжево - желтый или красновато - желтый – ср. *lutenous*

положению в пространстве

самый крайний или правый – ср. *rightmost*

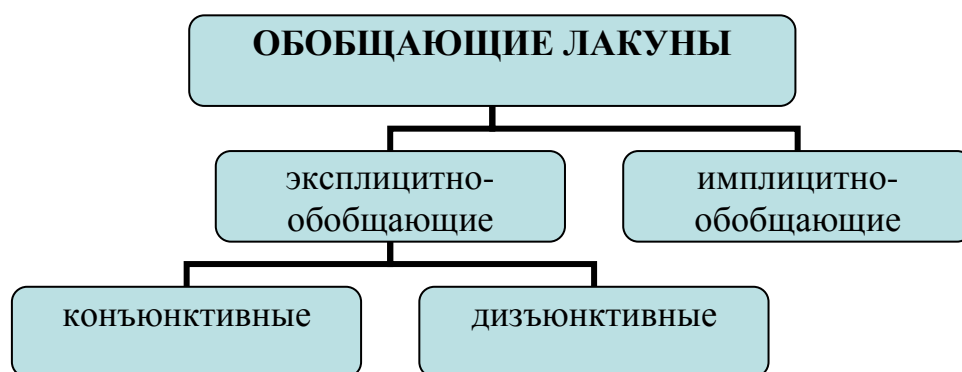
У конъюнктивных лакун отсутствие обобщения наблюдается только по одному признаку – качеству. Проиллюстрируем данное положение примерами:

жирный и липкий (о почве) – ср. *unctuous*
сочный и свежий (о растительности) – ср. *verdurous*

толстый и краснощекий – ср. *blowsy*
яркий и подвижный – ср. *quicksilvery*
маленький и изящный – ср. *bijow*
мягкий и ворсистый – ср. *plushy*

Перейдем к рассмотрению имплицитно-обобщающих лакун. Отсутствие обобщения у этих лакун наблюдается только по одному лакунарному признаку - **типу действия**. В качестве примера приведем следующие: *с завязанными глазами* – ср. *wimpled*, *без королевы* – ср. *quinless*.

В целом, типологическая классификация обобщающих лакун может быть представлена следующим образом:

Результаты исследования показали, что эксплицитно – обобщающие и имплицитно-обобщающие лакуны отличаются разной номинативной непредставленностью (термин А.А. Махониной – Махонина 2006, с. 78): этот показатель для эксплицитно – обобщающих составляет 158, а для имплицитно-обобщающих – 98.

Обращает на себя внимание случаи совпадения направления обобщения у конъюнктивных и дизъюнктивных лакун: и у тех, и у других причиной лакунарности является отсутствие обобщения *по качеству*.

Литература

1. Махонина А.А. Проблема описания лексической лакунарности (на материале русско-английских субстантивных лакун) : дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2006.

Раздел 2. Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

И.Ю. Апалько

Русские и английские термины предметной области «Защита информации»

В данной статье рассматриваются русские и английские термины предметной области «Защита информации». Защита информации – это «**деятельность** по предотвращению утечки защищаемой информации, несанкционированных воздействий на защищаемую информацию» (СТО 2008, с. 36).

Анализ материала показал, что в терминологии данной предметной области есть следующие русские и английские защитоинформационные термины:

а) термины-номинанты **специалистов**:

криптоаналитик – специалист, занимающийся криптографическим анализом криптосистем (СКТ 2006, с. 34); **криптолог**; **криптограф** (специалист по криптографии);

администратор службы безопасности – человек (или группа людей), имеющий(ие) полное представление об одной или нескольких системах обеспечения безопасности и контролирующий(ие) проектирование и их использование (СТО 2008, с. 7);

analyst (А-РССТ 2008, с. 7) = **cryptanalyst** (там же, с. 44) = **breaker** (там же, с. 19) – аналитик, криптоаналитик; **attacker** – криптоаналитик; **cryptography consultant** – консультант по криптографии (там же, с. 51); **cryptologist** – криптолог, специалист по криптологии (там же, с. 52); **cryptosaur** – криптозавр (маститый специалист-криптолог, достижения которого стали достоянием истории) (там же, с. 53);

2) термины-номинанты лиц (**участников, субъектов, сторон**):

администратор защиты – **субъект** доступа, ответственный за защиту автоматизированной системы от несанкционированного доступа к информации (СТО 2008, с. 7);

пользователь (потребитель) информации – **субъект** информационных отношений, обладающий правом пользования доверенным ему информационным ресурсом (там же, с. 84);

субъект доступа (к информации) – **участник** правоотношений в информационных процессах (там же, с. 115);

arbitrator – арбитр (А-РССТ 2008, с. 8) = **third party** – третья **сторона** (не является ни отправителем, ни получателем сообщений) (там же, с. 206).

3) термины-номинанты лиц-**нарушителей**:

злоумышленник – **лицо** или организация, заинтересованные в получении несанкционированного доступа к программам и данным, предпринимающие попытку такого доступа или совершившие его (СТО 2008, с. 40);

нарушитель – **лицо**, действия которого нарушают безопасность информации в рассматриваемой компьютерной системе (там же, с. 68);

нарушитель правил доступа – **лицо**, осуществляющее несанкционированный доступ к информационному ресурсу с использованием штатных технических средств (там же, с. 176);

attacker – нарушитель, злоумышленник (**лицо**, организовавшее атаку на защищенную компьютерную систему или пытающийся ее взломать) (ЭСЛ);

eavesdropper – пассивный нарушитель, перехватчик (А-РССТ 2008, с. 71);

interloper = **interceptor** (там же, с. 108) – перехватчик, тот, кто осуществляет перехват;

intercept operator – оператор перехвата (там же, с. 107);

phreak = **phreaker** – специалист в области фрикинга, телефонный взломщик (там же, с. 155).

4) термины-номинанты **юридических лиц (органов, служб)**:

криптографическая служба; центр удостоверения подлинности электронно-цифровой подписи (удостоверяющий центр) – юридическое **лицо** или обособленное подразделение юридического лица, обладающие полномочиями на удостоверение принадлежности конкретного открытого ключа

электронно-цифровой подписи определенному пользователю (СТО 2008, с. 246-247);

certification authority – орган сертификации (А-РССТ 2008, с. 24); **key distribution centre** – центр распределения ключей (там же, с. 114); **cryptographic service** – криптографическая служба (там же, с. 50).

Установлено, что один и тот же английский термин **attacker** (А-РССТ 2008, с. 9) может означать как *криптоаналитика* (специалиста по криптоанализу), так и *нарушителя, противника*.

Выявлены русские зашифрованные термины с дифференцирующими суффиксами **-ат** и **-ар**:

«лицензиат в области защиты информации – это **сторона** в лицензионном соглашении, получающая право на проведение работ в области защиты информации»;

«лицензиар в области защиты информации – это **сторона** в лицензионном соглашении, **передающая право** на проведение работ в области защиты информации» (Терминология ...1993).

Согласно дефинициям, в лицензионном соглашении «активной» стороной выступает *лицензиар*, а «пассивной» – *лицензиат*, что оформляется соответствующими суффиксами **-ар** и **-ат**.

Любая деятельность подразумевает то, с помощью чего она осуществляется. По нашим данным, в русской и английской зашифрованной терминологии есть специальная лексика, номинирующая **устройства** («техническое сооружение, механизм, машина, прибор» – СРЯ 1988, с. 687) и т.п.:

считыватель карт – устройство, предназначенное для считывания данных, записанных на карте, и их преобразования в двоичный код, пригодный для передачи с целью дальнейшей обработки (СТО 2008, с. 117).

датчик случайных чисел – аппаратно реализованное устройство (элемент, блок), предназначенное для генерации случайных битовых последовательностей, обладающих необходимыми свойствами равновероятности порождаемой ключевой гаммы (там же, с. 147).

encrypter (А-РССТ 2008, с. 76) = **encipherer** (там же, с. 75) = **cryptor** (там же, с. 53) – шифратор, устройство шифрования; **decryptor** (там же, с. 60) = **decipherer** – устройство для дешифрования сообщений, дешифратор (там же, с. 59); **interloper** = **interceptor** (там же, с. 108) – *устройство перехвата*.

Термины **interloper** и **interceptor** кроме *устройства* обозначают *перехватчика* (лицо); а термины **decryptor** и **decipherer** кроме *дешифратора* – *получателя шифрованного сообщения, дешифровщика* (лицо).

В обоих языках выявлены также зашифрованные термины, которые номинируют **предметы** («всякие материальные явления, вещи» – СРЯ 1988, с. 470) и **объекты** («предметы, на которые направлена деятельность» – там же, с. 354):

1) карты (карточки):

идентификационная (кодовая) карта – перфорированная бумажная или магнитная карта с нанесенным на ней кодовым словом (паролем), предназначенная для идентификации доступа пользователя к информационному ресурсу (СТО 2008, с. 157);

карта с микропроцессором – пластмассовая **карточка** типа кредитной, но имеющая встроенные запоминающие устройства и микропроцессор (или специализированную логическую схему) (там же, с. 160);

authentication token – жетон, карточка для аутентификации (ЭСЛ);

smart card – компьютеризованная карточка (ЭСМ);

2) **таблицы:**

матрица доступа – **таблица**, отображающая правила разграничения доступа (СТО 2008, с. 67).

матрица полномочий – **таблица**, элементы которой определяют права (полномочия, привилегии) определенного объекта относительно защищаемых данных (там же, с. 171).

cipher grille – шифровальная решетка (сетка) (ЭСЛ);

access permission matrix – матрица доступа (ЭСМ).

3) **документы:**

сертификат защиты – **документ**, удостоверяющий соответствие средства вычислительной техники или автоматизированной системы набору определенных требований по защите от несанкционированного доступа к информации и дающий право разработчику на использование и/или распространение их как защищенных (СТО 2008, с. 102);

аттестат объекта защиты – **документ**, выдаваемый органом по сертификации или другим специально уполномоченным органом, подтверждающим наличие на объекте защиты необходимых и достаточных условий для выполнения установленных требований и норм эффективности защиты информации (там же, с. 12);

authorization certificate – сертификат авторизации (электронный **документ**, подтверждающий какие-либо права к информации, личность предъявителя и т.п.» (Исагулиев 2004).

Выделены английские и русские термины, номинирующие результат деятельности:

ciphertext – зашифрованный текст; данные, преобразованные по алгоритму шифрования в зашифрованный вид (Исагулиев 2004);

шифртекст – текст, полученный в результате зашифрования открытого текста (СКТ 2006, с. 87).

Установлены русские и английские термины-существительные, называющие науки:

криптография; biometrics – биометрия («наука об использовании для идентификации личности биологических свойств, например, отпечатков пальцев или голоса») (Исагулиев 2004); **cryptology** – криптология («наука о безопасности (секретности) передачи информации» – СТО 2008, с.62); **steganography** – стеганография («раздел криптологии, изучающий формализованные способы скрытия привилегированной информации в действующих открытых информационных каналах и информационных массивах» (Ловцов 2005, с. 55).

Защитоинформационная деятельность нацелена на защиту **информации**, дефинируемой как «**сведения** о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» (СТО 2008, с. 52). Базовые (основополагающие) понятия исследуемой предметной области объективированы в языке с помощью терминологических сочетаний,

включающих русские термины *информация, сведения, данные* и соответствующие английские термины **data, information**:

акустическая информация (СТО 2008, с. 9); *закрытые (защищенные) данные* (там же, с. 35); *информация конфиденциальная; информация о гражданах (персональные данные); информация ограниченного доступа* (там же: 215); *конфиденциальная информация* (там же, с. 220); **limited access information** – информация с ограниченным доступом (там же, с. 216); **private information** – личная информация (там же, с. 222).

В анализируемой терминосфере в русском и английском языках выделены термины, номинирующие лиц (специалистов, нарушителей, участников, субъектов, сторон информационного обмена, органов, служб); термины, обозначающие инструменты деятельности по защите информации, а также предметы и объекты этой деятельности. В обоих языках есть терминологические сочетания, содержащие компоненты *информация, сведения, данные; information, data*, что отражает когнитивную специфику данной предметно-тематической области. Некоторые английские термины (в отличие от русских) кроме *устройства* обозначают лицо (*перехватчика*, т.е. того, кто осуществляет перехват; *получателя шифрованного сообщения, дешифровщика*, т.е. того, кто производит дешифрование).

Литература

1. А-РССТ – Англо-русский справочный словарь терминов, использующихся в криптографии, защите информации и смежных областях, 2008. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.rfcmd.ru>
2. Исагулиев К. П. Справочник по криптологии. – М., 2004.
3. Ловцов Д. А. Информационная теория эргасистем: тезаурус. – М., 2005.
4. СКТ – Словарь криптографических терминов / Под ред. Б. А. Погорелова и В. Н. Сачкова – М., 2006.
5. СРЯ – Словарь русского языка. / С. И. Ожегов. – М., 1988.
6. СТО – Словарь терминов и определений в области информационной безопасности. – М., 2008.
7. Терминология в области защиты информации. Справочник. – М., 1993.
8. ЭСЛ – Электронный словарь Лингво (Lingvo) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lingvo.jandex.ru/>
9. ЭСМ – Электронный словарь Мультитран (Multitran) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.multitran.ru/>

Н.Н. Бобырева

Синонимия и антонимия в терминологии художественной гимнастики (на материале русского и английского языков)

Целью данной статьи является описание особенностей синонимических и антонимических явлений в русской и английской терминологических системах художественной гимнастики. Для реализации поставленной цели в работе поставлены и решены частные задачи: 1) представить используемую в литературе точку зрения на явления синонимии и антонимии в терминологии; 2) рассмотреть источники появления синонимических пар в изучаемой терминосистеме; 3) описать типы антонимов в исследуемом материале.

В настоящей работе под синонимией мы понимаем «семантическое отношение тождественных или сходных значений, выражаемых формально различными словами (ЛСВ), которые реализуют в тексте функции замещения, уточнения, а также стилистические функции» (Новиков 1982, с.227-228). Следует отметить, что данное явление в современной лингвистической парадигме именуется тремя терминами: синонимия, дублетность, вариантность. В. М. Перерва отмечает, что «многие понятия – во всех областях знания – обозначаются не одним, а двумя и более терминами, которые одни авторы называют вариантами, другие – дублетами, третьи – синонимами. В действительности среди таких терминов встречаются и варианты, и дублеты и синонимы. О том, что помимо терминов-вариантов и терминов-дублетов существуют и термины-синонимы, свидетельствует тот факт, что в ряду терминов, соотнесённых с одним понятием, могут оказаться термины, неравноценные по устойчивости, по частотности, по сфере употребления (в разных стилях специальной речи) и другим характеристикам: научно обоснованные, неправильно употребляемые, редко употребляемые, разговорные, устарелые и т.д.» (Перерва 1976, с.198-199). К.Я. Авербух указывает на различие природы синонимии лексической единицы в общелитературном языке и в терминологии: «В отличие от языковой сферы, где явление синонимии связывается с наличием сходных значений у сопоставляемых лексических единиц, в сфере терминологии принято считать, что термины-синонимы выражают идентичные значения, поэтому их называют дублетами» (Авербух 1986, с. 39).

В современном языкознании не существует единой точки зрения на проблему синонимии в терминологии. Ряд авторов придерживается мнения о том, что синонимия является недостатком терминосистемы. Так, например, как отмечает В.П. Даниленко, «в проектах стандартов к синонимам отношение категорически запретительное» (Даниленко 1977, с. 173). Д.С. Лотте добавляет, что «синонимия терминов также вредна, и её надо устранять, т.е. к каждому понятию надо прикреплять лишь один термин» и предлагает применение параллельных более кратких терминов, «когда нет необходимости использовать более длинный основной термин <...> или когда по контексту ясно, о каком понятии идёт речь» (Лотте 1961, с. 15). П. В. Веселов называет устранение синонимов важнейшей целью терминологической работы (Веселов 1969, с. 77).

Ф.Г. Шалгин считает, что «синонимическое богатство» играет положительную роль в терминологии спорта (Шалгин 1967, с. 122), А. Ф. Пинчук предлагает «использование в качестве контекстуальных синонимов терминов из того же вида спорта или общеспортивных терминов с более широким значением» с целью избежания повторов в спортивной печати (Пинчук 1989, с. 202–203).

Наличие синонимических рядов свойственно терминологии на ранней стадии её развития. В борьбе с иноязычными заимствованиями в русском языке и стремясь показать его большие словообразовательные возможности, В.И. Даль осуществил неудачную попытку заменить слово **гимнастика** на единицу с двумя русскими корнями **ловкосилие**, а слово **гимнастик** в значении *знающий все приёмы телесного упражнения* заменить на **ловкосил** (см. Даль 1956, с. 350-351). Ф.Г. Шалгин в фундаментальной статье «Развитие спортивной терминологии в советскую эпоху» указывает на неприемлемость существования

в русском языке таких слов как, например, **художественное ловкосилие, женщина-ловкосилка** и т.д. (Шалгин 1967, с. 133). В советские годы в терминологии гимнастики существовало три синонима для обозначения гимнастики на снарядах: **снарядовая гимнастика, машинная гимнастика, аппаратная гимнастика**. Два последних неологизма того времени оказались малоудачными и быстро вышли из употребления (см. Шалгин 1967, с. 122–123).

Изучение терминов художественной гимнастики позволяет выделить следующие источники появления синонимов в терминосистеме:

1) использование терминов хореографии, заимствованных из французского языка. Например: **полуприседание – деми плие – *demi plié*; приседание – гран плие – *grand plié*; подбивной прыжок – кабриоль – *sabriole***. Следует отметить, что употребление иноязычных терминов мотивировано соблюдением требования краткости, так как французский термин более экономичен по количеству элементов по сравнению с русским, ср., например, **выставление ноги на носок – батман тандю – *battement tendu*; круги голенью из положения нога в сторону на высоте 45° – рон де жамб ан лэр – *rond de jambe en l'air*; подъём на полупальцы – релеве – *relevé***;

2) сокращения. Например, использование в письменных текстах сокращённой формы в русском языке: **и. п.** вместо полной формы **исходное положение**: «**И. п.** – *руки вверх, небольшой наклон назад*» (Мавромати 1972, с. 32); в английском языке: **L. (left), R. (right)**: «*Pose on L. leg, with R. leg bent and crossed behind L. leg (attitude à terre) and head and eyes focused to corner 2*» (Gula 1986, с. 17);

Употребление неполного термина, т.е. отдельно употреблённого в тексте атрибута, выраженного прилагательным или причастием, также может быть рассмотрено как реализация усечения термина. В качестве примера рассмотрим процесс субстантивации прилагательных в русском языке: **перекидной прыжок → перекидной, подбивной прыжок → подбивной**. Например: *Прыжки, сочетающие более одного основного действия (напр. **подбивной** в кольцо) толчком 2 стопами, должны выполняться таким образом, чтобы был виден единый образ хорошо составленной и фиксированной в полете формы, а не два образа, не две разные формы вместо одной* (Правила по художественной гимнастике 2009-2012). Изученный английский материал демонстрирует сохранение существительного в аналогичном употреблении: *Jumps or leaps combined with more than one main action (for example, **stag leap** with ring), take-off from both feet, must be performed in such a way that they create during the flight a single and clearly visible image of a fixed and well defined shape, rather than 2 different images and shapes* (Code of Points 2009-2012);

3) использование терминов-эпонимов (терминологических единиц, образованных от имен собственных): **пируэт в заднем равновесии → пируэт Кабаевой; турлянь на полупальцах, в 360 градусов, нога в сторону в шпагате → турлянь Беловой; стойка на груди, без рук → стойка Утяшевой** (см. Элементы 2001);

4) употребление терминов, образованных посредством метафорического переноса: **стойка на лопатках / свечка, берёзка, – *neckstand, neck and shoulder stand / candle stand*; гимнастические тапочки / половинки – *gymnastic slippers***;

Рассмотрим ряд синонимов, не являющихся абсолютными дублетами в терминосистемах сопоставляемых языков. Наименование спортсменки **гимнастка** в русском языке применяется для номинации спортсменок,

занимающимися также и спортивной гимнастикой, а термин **художница**, употребляемый чаще в кавычках, служит для номинации спортсменок, занимающихся художественной гимнастикой, в то время как в английском языке единица **gymnast** является универсальной. В книге популярного жанра по художественной гимнастике 1978 года термин **художница** был переведён как **artist** (Спорт, музыка, грация 1978). На наш взгляд, данная интерпретация лексической единицы имела место вследствие перевода термина **художественная гимнастика** – **artistic gymnastics** (что в современном переводе означает **спортивная гимнастика**): *In artistic gymnastics we are excited by the image created by the “artist” with her own means, using certain music* (Sport, Music, Grace 1978, с. 2-3). С другой стороны, термин **artist** для номинации спортсменки может быть рассмотрен как метафора на основе сходства действия художника, создающего образ на полотне и действий гимнастки, создающей образы средствами движений. Тем не менее, единица **artist** не употребляется в современных английских оригинальных специализированных контекстах.

В синонимической паре **ансамбль** – **группа**, единицы которой номинируют гимнасток группового упражнения, более частотным является термин **группа**, которому в английском языке соответствует единица **group**. Так, в русском тексте Правил по художественной гимнастике, принятых на 2009-2012 гг., единица **ансамбль** в различных словоформах употреблена 7 раз, единица **группа** – 43 раза (Правила по художественной гимнастике 2009 – 2012).

Терминологические единицы **предмет** и **снаряд** имеют разные сферы функционирования. Термин **снаряд** употребляется в разных видах спорта для обозначения специальных промышленных изделий, предназначенных для выполнения определенных упражнений и имеющих характеристики, регламентированные правилами соревнований. Термин **предмет** используется в аналогичном значении только в терминосистеме художественной гимнастики. Из английских эквивалентов наиболее частотным является термин **apparatus**. В единичных случаях употребляется термин **gymnastic accessory**: *A fifth apparatus, ball, is sometimes used, but each year, one of the five accessories is excluded from Olympic competition.* (Craig 2008). Словарь Ю.А. Сабирова, наряду с вышеупомянутыми, фиксирует также единицы **gymnastic article** и **hand apparatus** (Сабиров 1988). В ходе исследования выявлено употребление единицы **object** с эквивалентным значением: *The judges give marks for the combination of a gymnast’s movements with the handling of objects and the choice of music* (Melik-Karamov 1981, с. 20). *Судьи ставят оценки за комбинацию движений гимнастки с работой предметом и выбор музыки* (перевод наш). *A ribbon ... This many-coloured thin sparkling with red, yellow and blue lightnings is perhaps the most favourite object of our “artists”* (Sport, Music, Grace 1978, с. 3). *Разноцветная, сверкающая в руках гимнастки синими, красными, зелёными, чёрными молниями лента, – пожалуй, самый любимый предмет «художниц»!* (Спорт, музыка, грация 1978, с.15).

Термины **приём** и **ловля** являются дублетными. Английский эквивалент **catch** имеет синонимы, имеющие различия в составе денотативного макрокомпонента значения: термин **retrieval** означает *ловля предмета после потери*; термин **receiving** употребляется в значении *приём предмета от партнёра*.

Из двух английских эквивалентов термина **булава** – **club** и **Indian club** наиболее употребительным является **club**. **Indian club** применяется значительно

реже: *At the recent Moscow European Championship, last September, they won the Silver medal in the general contest, the second place in the hoops and **Indian clubs** contest and the third place in the ribbons contest* (Our Team of Rhythmic Gymnastics).

Очевидно, что одной из причин существования синонимических единиц в английской терминосистеме, т.е. терминов-вариантов является аналитический строй языка, нормой для которого является размещение зависимого элемента словосочетания как в препозиции, так и в постпозиции основного компонента: **трудность тела – body movement difficulties, difficulty of the body movements; трудность обмена – exchange difficulty, difficulty with exchange; боковое равновесие – scale sideways, side scale on one leg; standing scale sideways, side scale, волна вперёд – body wave forward, front body wave.**

Под антонимией мы понимаем «семантическое отношение противоположных значений, выражаемых формально различными словами (ЛСВ), которые реализуют в тексте функцию противопоставления или другие связанные с ней функции» (Новиков 1982, с. 247). Как и слова общенационального языка, терминологические единицы также подвержены лексико-семантическому процессу антонимии: «Антонимов-терминов не меньше, чем антонимов-нетерминов» (Котелова 1970, с. 122). С точки зрения А. В. Суперанской, функция антонимии в терминосистеме заключается в том, что «она помогает обозначить крайние точки терминологического поля, перебрать логические возможности терминологической системы» (Суперанская 1989, с. 54).

Л.А. Новиков выделяет три семантических типа антонимов:

1) Антонимы, выражающие качественную противоположность. В данном случае семантически противоположные слова являются крайне симметричными членами упорядоченного множества, между которыми существует средний, промежуточный член.

Таблица 1

Антонимы, выражающие качественную противоположность в терминосистеме художественной гимнастики

Компонент оппозиции 1	Промежуточный член	Компонент оппозиции 2
серьёзная ошибка – major fault	средняя ошибка – medium error / fault	мелкая ошибка – small error / fault
«контрастное» исполнение – «contrasting» execution	поочерёдное исполнение – execution in «canon»	хоровое исполнение – «choral» execution
малый круг – small side circle	средний круг – medium side circle	большой круг – large side circle
завершающая / заключительная позиция – end position	промежуточная позиция intermediate position	исходная / стартовая позиция starting / initial position

2) Антонимы, выражающие комплиментарность (дополнительность). Антонимы этого типа характеризуется тем, что между противопоставляемыми

членами нет промежуточного члена: **вращение вокруг вертикальной оси тела / rotation on the vertical axis of the body** – **вращение вокруг горизонтальной оси тела / rotation on (at) the horizontal axis of the body**; **гимнастка группового упражнения / group gymnast** – **гимнастка индивидуального упражнения / individual gymnast**; **вертикальная змейка / vertical serpent** – **горизонтальная змейка / trail**; **вертикальная мельница / vertical mill circles** – **горизонтальная мельница / horizontal mill circles**; **задняя опора / dorsal support** – **передняя опора / front support**; **командный зачёт / team classification, team total** – **личный зачёт / individual classification**; **командное первенство / team championship(s)** – **личное первенство / individual championship(s), individual competition**; **мастерство без броска / mastery without throw** – **мастерство с броском / mastery with throw**; **вертикальный прыжок / vertical jump** – **горизонтальный прыжок / butterfly jump, Bedouin jump**; **групповая работа / group work** – **индивидуальная работа / individual work**; **ритм группы / rhythm of the group** – **индивидуальный ритм / individual rhythm**; **лишняя секунда / additional second**; **second over time** – **недостающая секунда / missing second**; **second under time**; **фиксированная форма / fixed shape** – **незафиксированная форма / shape not well fixed**; **заднее равновесие / scale backward, back scale** – **переднее равновесие / front scale**; **задний шпагат / back split** – **передний шпагат / front split**; **волна вперёд / body wave forward, front body wave** – **волна назад / body wave backward**; **выпад вправо / lunge right** – **выпад влево / lunge left**; **казак вперёд / cossack front** – **казак назад / cossack back**; **кувырок вперёд / roll forward, roll forwards, front roll, forward roll** – **кувырок назад / roll backward, roll backwards, back roll, backward roll**; **переворот вперёд / turn over forward, handspring forward, front handspring, handspring, forward walkover** – **переворот назад / turn over backward, back handspring, handspring backward, backward walkover**.

3) Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, признаков и свойств. Антонимы данной категории выражают векторную противоположность, представляющую собой противоположность разнонаправленных действий, движений, признаков: **бросок / tossing, throwing, throw** – **ловля / catch(ing)**; **наматывание / wrapping** – **разматывание / unwrapping**.

Таким образом, терминология художественной гимнастики демонстрирует широкое многообразие отношений языковых единиц внутри системы. В изучаемой терминологической системе обоих языков представлены три семантических типа антонимов. Изоморфизм исследуемых подсистем русского и английского языков состоит в том, что синонимия является характерным системным параметром лексики. Источниками синонимии служат заимствование единиц из терминосистемы хореографии, сокращения, эпонимические и метафорические единицы. Алломорфизм выявлен в синонимических рядах, включающих метафорические единицы; в использовании субстантивированных прилагательных в русском языке; а также в единицах, номинирующих спортсменок и гимнастические предметы.

Литература

1. Code of Points. Rhythmic Gymnastics 2009-2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// www.sportcentric.com/vsite/vnavsite/page/directory/0,10853,5187-](http://www.sportcentric.com/vsite/vnavsite/page/directory/0,10853,5187-)

- 188050-205272-nav-list.00.html, свободный.
2. Craig, Lindsey. Europeans seem destined to dominate // CBC Sports, 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cbc.ca/olympics/rhythmic-gymnastics/story/2008/08/20/olympics-orlando-preview.html>, свободный.
 3. Gula, Denise. Dance in Gymnastics: A guide for coaches and gymnasts. – Boston, 1986.
 4. Melik-Karamov, V. Rhythmic Gymnastics: An Olympic Event // International Gymnast. 1981.
 5. Our Team of Rhythmic Gymnastics [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.euritmica-torino2008.it/eng/storia.php>, свободный.
 6. Sport, Music, Grace: приложение к Спорт, музыка, грация: художественная гимнастика. – М., 1978.
 7. Авербух, К. Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты. // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 38 – 50.
 8. Веселов, П. В. Оправданный случай синонимии в терминологии // Русская речь. – 1969. – № 5. – С. 77–81.
 9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Том I. – М., 1956.
 10. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М., 1977.
 11. Котелова И. З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970. – 122–126.
 12. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. – М., 1961.
 13. Мавромати, Д. П. Упражнения художественной гимнастики. – М., 1972.
 14. Новиков, Л. А. Семантика русского языка. – М., 1982.
 15. Перерва, В. М. О принципах и проблемах отбора терминов и составления словника терминологических словарей. // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л., 1976. – С. 190 – 204.
 16. Пинчук, А. Ф. Специальная лексика на страницах спортивной печати // Спорт в зеркале журналистики: (О мастерстве спортивного журналиста). – М., 1989. – С. 197–209.
 17. Правила по художественной гимнастике 2009 – 2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sportcentric.com/vsite/vnavsite/page/directory/0,10853,5187-188050-205272-nav-list,00.html>, свободный.
 18. Сабиров, Ю.А. Русско-английский словарь гимнастических. – М., 1988.
 19. Спорт, музыка, грация: художественная гимнастика. – М., 1978.
 20. Суперанская, А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. – М., 1989.
 21. Шалгин, Ф. Г. Развитие спортивной терминологии в советскую эпоху. // Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. – Л., 1967. – 119-145.
 22. Элементы 2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/article/4067/>, свободный.

И. Ю. Вострикова

**Национальная специфика общих наименований созидательной
деятельности ЛСП «Созидательная деятельность»
в русском и английском языках**

С помощью приемов сопоставительного языкознания изучаются одноименные языковые микросистемы в разных языках, выявляются сходства и различия в

рамках этих микросистем. Наша работа посвящена выявлению национальной специфики лексико-семантических полей (ЛСП) глаголов созидательной деятельности в русском и английском языках. Материалом исследования явились русские и английские глагольные единицы, содержащие сему «созидательная деятельность» и извлеченные методом сплошной выборки из Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова и Longman Dictionary of Contemporary English.

Под созидательной деятельностью нами понимается значение «сделать существующим, произвести, основать», которое дают лексикографические источники (Ожегов, Шведова 1999, с.607).

Национальная специфика структурной организации рассматриваемого нами ЛСП «Созидательная деятельность» в русском и английском языках проявляется в количестве единиц, образующих поля, в наборе и количестве структурных единиц, в особенностях полевой организации микросистем, в степени номинативной дифференциации обозначаемой смысловой области.

В качестве примера приведем группу общих наименований созидательной деятельности рассматриваемых полей русского и английского языков.

Так, в русском языке группа «Общие наименования созидательной деятельности» представлена 12 лексемами: **возводить/возвести, воздвигать/воздвигнуть, воплощать/воплотить, делать/сделать, налаживать/наладить, основывать/основать, осуществлять/осуществить, претворять/претворить, производить/произвести, работать, созидать/создать, строить.**

Однозначными в данной группе являются три лексемы (**воплощать, осуществлять, созидать**), остальные демонстрируют достаточно развитую полисемию.

Из числа многозначных лексем две лексемы (**делать, основывать**), входят в рассматриваемую группу по семеме Д1. Четыре лексемы (**возводить, воздвигать, претворять и работать**) входят в нее по семеме Д2, а лексема **налаживать** – по семеме К1 «создать, устроить, организовать».

Лексема **производить** входит в данную группу одновременно по семемам Д1 «сделать, выполнить, устроить» и Д2 «вызвать, сделать».

Лексема **строить** входит в рассматриваемую группу по четырём семемам: Д1 «создавать, сооружать» и трем семемам Д2 «созидать, создавать», «мысленно создавать», «создавать, организовывать, основываясь на чем-либо».

В целом лексемы данной группы глаголов развивают 40 семем, из которых 16 содержат сему созидательной деятельности. Таким образом, индекс принадлежности данной группы к полю, под которым понимается отношение общего количества развиваемых лексемами данной структурной единицы семем с семой поля к общему количеству семем данной структурной единицы (термин Шишкиной Н.М. – Шишкина 2004, с.34), равен 40%.

Поскольку две лексемы анализируемой группы входят своими семемами в другие структурные единицы исследуемого поля, индекс структурно-семантической связности, под которым понимается отношение количества лексем структурной единицы поля, входящих разными семемами в другие структурные единицы поля, к общему количеству лексем данной структурной единицы (термин Черновой Н.И. – Чернова 2006, с.38), данной группы с другими структурными единицами поля равен 16,67%.

Отметим, что три лексемы данной структурной единицы не выходят своими семемами за ее рамки. Таким образом, индекс лексико-семантической замкнутости, под которым понимается отношение количества лексем, все семемы которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы (термин наш – Вострикова 2006, с.38), равен 25%.

В английском языке в ЛСП «Созидательная деятельность» группа «Общие наименования созидательной деятельности» также является собой цельную, неделимую структурную единицу и представлена 19 лексемами: *apparel, base, build, create, do, effect, effectuate, elaborate, engineer, erect, establish, fabricate, form, frame, make, manufacture, organize, produce, realize*.

Лексема *effectuate* – «совершать, созидать» данной группы является однозначной, остальные лексемы демонстрируют достаточно развитую полисемию.

Девять лексем входят в исследуемую группу по семеме Д1 (*create* – «создавать, творить», *frame* – «создавать, вырабатывать», *manufacture* – «производить, изготавливать» и др.). Три лексемы (*apparel* – «снаряжать, оборудовать», *do* – «осуществлять, творить» и *produce* – «создавать») входят в данную группу по семеме Д2.

Четыре лексемы входят в эту группу по семеме К1. Это лексемы *build* – «создавать», *elaborate* – «производить», *erect* – «учреждать, основывать» и *fabricate* «производить, изготавливать».

Две лексемы *establish* и *make* входят в данную группу по двум семемам: Д1 и Д2. К примеру, лексема *establish*, входит сюда по семеме Д1 «основывать» и по семеме Д2 «создавать, устанавливать».

Отметим, что 13 лексем рассматриваемой группы (*base, build, erect, form, frame, produce* и др.) входят также и в другие структурные единицы исследуемого ЛСП.

В целом лексемы данной группы развивают в своих семантемах 97 семем, из которых 31 содержит сему созидательной деятельности, т.о. индекс принадлежности этой группы к полю равен 31,96%.

Поскольку из 19 лексем данной группы 13 входят разными семемами в другие структурные единицы ЛСП «Созидательная деятельность», индекс структурно-семантической связности исследуемой группы в английском языке с другими структурными единицами поля равен 68,42%.

Только одна однозначная лексема рассматриваемой группы не выходит за рамки данной структурной единицы. Таким образом, индекс лексико-семантической замкнутости равен 5,26%.

Сравнение групп общих наименований созидательной деятельности в русском и английском языках по используемым нами параметрам показало, что степень проявления национальной специфики различается по четырем из них: номинативной плотности, под которой понимается количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу деятельности (термин Карасика В.И. – Карасик 2004, с.111), индексу принадлежности к полю, индексу структурно-семантической связности и индексу лексико-семантической замкнутости.

Применив предложенную С.В. Колтаковой градацию оценки степени проявления национальной специфики семантики и сравнив значения

используемых нами параметров, можно отметить, что **существенные национально-специфические** различия, под которыми понимаются расхождения между показателями индексов более 10% или отношение абсолютных показателей сравниваемых групп больше 1,3 (Колтакова 2008, с.17), выявлены по трем параметрам:

- номинативная плотность (12 лексем в русском языке и 19 лексем в английском). Относительная же номинативная плотность (термин Чубур Т.А. – Чубур 2005, с.10) равна 1,6;
- индекс структурно-семантической связности (16,67% в русском языке и 68,42% – в английском);
- индекс лексико-семантической замкнутости (25% в русском языке и 5,26% – в английском).

Заметные национально-специфические различия, под которыми понимаются расхождения между показателями индексов от 5 до 10% (Колтакова, там же), выявлены нами по одному параметру – индексу принадлежности к полю (40% в русском языке и 31,96% – в английском).

В целом национальную специфику исследуемых групп можно охарактеризовать как **ярко выраженную** (Колтакова, там же), т.к. из четырех используемых нами параметров, три показывают существенные расхождения в показателях сопоставляемых индексов.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках): автореф. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999.
5. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
6. Чубур Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале языковых наименований занятости трудовой деятельностью в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2005.
7. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2004.

Е.Ю. Воякина

Роль ономастических метафор в вербализации экономических понятий (на материале русского и английского языков)

Внимание исследователей, обращающихся к метафоре, которая является ключом к пониманию окружающей действительности, не ослабевает. Широко признается метафоричность человеческого мышления, значение метафоры в

когнитивной и языковой картинах мира (Шустрова 2008; Колотнина 2001; Чудинов 2001; Lakoff 1980). Однако, несмотря на существование огромного количества работ по метафоре, все еще остаются недостаточно исследованные области, среди которых мы особенно выделим ономастическую метафору (ОМ), представляющую собой разновидность речевой метафоры, основанной на «смещенном» употреблении имен собственных.

В современной науке о языке большая роль отводится метафоре как способу концептуализации современной действительности. В этом смысле ОМ является сегодня одним из способов концептуализации окружающего нас мира, в том числе мира экономики. Номинативно-информативная функция, которую выполняет ОМ, продиктована необходимостью отражать реальную действительность так, как видят ее носители того или иного языка.

Целью данной статьи является выявление роли ОМ в вербализации экономических понятий, а также описание национально-культурных особенностей ОМ экономического лексикона русского и английского языков. Обращение к ОМ оправдано ее широким распространением в экономическом дискурсе и ее способностью сохранять культурологическую, аксиологическую и эстетическую информацию разных стран. Кроме того, ОМ выражает оценку и представляет позицию автора к объекту высказывания.

В каждом национальном языке существует определенное количество понятий материальной и духовной культуры носителей языка, которые закреплены в словах. Картина мира отражена в словарном запасе носителя определенного национально-культурного стереотипа. Разная интерпретация одной и той же реалии в различных культурах ведет к несовпадению картин мира и тем самым к отличию в метафорическом переосмыслении ряда значений.

Существуют свойственные для той или иной культуры прототипы, свои прецедентные имена. Следует также отметить, что в каждой культуре ОМ воспринимаются по-разному. Различна и их структура, т.е. сферы-источники и сферы-мишени. При межкультурном сопоставлении ОМ особенно четко видны национальные предпочтения в выборе сфер-источников.

Так, в русском экономическом дискурсе часто встречаются ОМ, характерные именно для данной культуры. Эти ОМ здесь являются прецедентными: *восточный Сусанин* [www.AIF.RU] (о первопроходце в экономике на Востоке), *юный Абрамович* [www.INONEWS.ru] (о подростке, выигравшем в лотерею крупную сумму денег), *симптом Плюшкина* [www.INONEWS.ru] (о бизнесмене, поглощающем малые фирмы).

В экономическом дискурсе Британии и США используются ОМ в духе экономической политики данных стран: *Lady Macbeth Strategy* [www.economist.com] (о тактике поглощения, когда компания сначала выступает в роли «белого рыцаря», а затем объединяется с враждебным поглотителем), *Titanic* [www.economist.com] (о кризисной ситуации в экономике), *the 11th of September* [www.NEWSru.com] (о любых угрозах для страны).

Таким образом, при обращении к одним и тем же сферам-источникам метафорной экспансии в русском и английском языках, мы можем увидеть, что сферы-мишени метафорического притяжения различны, поскольку носители русского языка вербализируют экономические понятия иначе, чем носители английского языка. Однако в последнее время наблюдается тенденция к интернационализации ОМ экономического дискурса, что связано с процессами

европеизации и глобализации экономики, языка и мышления человека в целом, вовлечением России в этот процесс.

Подтверждением этому может служить метафоризация актуального в настоящее время экономического понятия «финансово-экономический кризис».

Современные печатные и электронные издания России, Великобритании и США все чаще репрезентируют данное экономическое понятие с помощью одних и тех же ОМ: *Армагеддон*, *Бедлам*, *Титаник*, *Вакханалия*. Например: *Бытовавшие недавно ожидания всеобщего финансово-экономического Армагеддона в последнее время несколько утихли. Пошли разговоры о некоторой стабилизации мировой экономики и даже о перспективах выхода из кризиса* [www.AIF.RU].

Здесь ОМ *Армагеддон* вербализует экономическое понятие, выражающее то финансовое состояние, которое настигло людей в период экономического кризиса. Сферой-источником метафоры является концептуальная область мифологии. Топоним *Армагеддон*, означающий город при подножии горы Кармил, получивший известность как место кровавых битв переосмысливается в ОМ и получает символьное прочтение: любое ужасное событие в будущем. Таким образом, при воспроизведении данного топонима в сознании реципиента формируется концепт, выражающий данное состояние применительно к экономике и репрезентируемый лексемой *Армагеддон*. Причем содержание концепта включает не только знание о первоначальном значении слова, его вторичном, переносном значении, но и его оценочный, национально-культурный и прагматический компоненты.

То же самое можно сказать о следующем высказывании: *The Titanic of the American economy goes down together with its dollar* [www.economist.com].

ОМ активно участвуют в репрезентации экономических понятий, отражающих развитие отношений между странами. Так, во многих источниках демонстрируется негативное отношение России к странам Балтии, что объясняется целым рядом политических причин и дискриминационной политикой по отношению к русским, проживающим в этих странах. Российские СМИ при упоминании балтийских стран используют такие ОМ, как *Евромитрофанушка* или *Иванушка-дурачок*, выставляя их «новичками» Евросоюза, которые плохо разбираются в современных проблемах и уж точно не знают пути их решения. Данные ОМ содержат в себе отрицательную коннотацию и вызывают жалость по отношению к этим странам.

Итак, анализ корпуса примеров позволяет нам предположить, что ОМ играют особую роль в вербализации понятий мира экономики, в частности, в выражении национально-культурных и культурно-аксиологических особенностей метафорической репрезентации. С другой стороны, процессы глобализации и интернационализации, активно происходящие в настоящее время, размывают национально-культурные грани, и намечается тенденция к восприятию ОМ экономического лексикона как достояния общемировой культуры и цивилизации.

Литература

1. Lakoff, G. *Metaphors We Live By*. – Chicago, London, 1980.

2. Колотнина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001.
3. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). – Екатеринбург, 2001.
4. Шустрова Е.В. Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира: Автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2008.

С.И. Деркач

Номинативная плотность тематической группы «Избирательный процесс» в русском и английском языках

Семантика и структурная организация лексики смысловой сферы «Политика и идеология» вызывает особый интерес лингвистов, поскольку политика проникает во все сферы человеческих отношений и является важным участком действительности для носителей любого языка. Предметом изучения в данной статье стала одна из тематических групп смысловой сферы «Политика и идеология» в русском и английском языках - «Избирательный процесс».

Исследование было проведено на материале Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Большого англо-русского словаря под редакцией И.Р. Гальперина, Англо-русского словаря безэквивалентной лексики А.А. Махониной и М.А. Стерниной, а также периодических изданий политической тематики.

Как показало исследование, объем тематической группы «Избирательный процесс» в русском и английском языках существенно различается. Так, в английском языке *номинативная плотность* (Карасик В.И., 2004, с. 111) рассматриваемой тематической группы составляет 299 лексических единиц, что значительно превышает соответствующий показатель в русском языке, где зафиксировано всего лишь 19 лексических единиц. Что касается структурной организации данной тематической группы в сравниваемых языках, в ней были выявлены как сходства, так и различия.

В русском языке тематическая группа «Избирательный процесс» представлена семью подгруппами: «Наименования понятий избирательного процесса», «Наименования выборных органов», «Наименования лиц по отношению к избирательному процессу», «Артефакты выборной деятельности», «Процедура проведения выборов», «Предвыборная борьба и политические махинации на выборах», «Органы и территориальные образования, осуществляющие подготовку и проведение выборов». В соответствующей группе английского языка были выделены 11 подгрупп, 7 из которых совпадают с вышеперечисленными подгруппами в русском языке, и 4 подгруппы, не имеющие аналога в русском языке: «Типы выборов», «Методы голосования», «Результаты выборов», «Работа выборных органов». Рассмотрим подробно каждую из подгрупп в порядке убывания их номинативной плотности в русском языке:

Наибольшей по номинативной плотности является подгруппа «Наименования выборных органов», включающая в свой состав 5 лексем (*гордума, Госдума,*

Дума, Парламент, Конгресс). В английском языке одноименная подгруппа насчитывает 3 эквивалентные русским лексемы (*Duma, Parliament, Congress*).

Номинативная плотность тематической подгруппы «Наименования лиц по отношению к избирательному процессу» в русском языке составляет 4 лексемы (*избиратель, партвыдвиженцы, электорат, паровоз*). Одноименная подгруппа английского языка насчитывает 66 лексических единиц (*elector* – избиратель, *electioneerer* – участник избирательной кампании, *nonvoter* – неголосовавший человек, *watcher* – наблюдатель за правильностью проведения выборов, и т.д.). Отметим, что 37 лексем, входящих в эту подгруппу, имеют оценочную характеристику (*cheater* – подкупленный избиратель, *glad-hander* – политикан, разыгрывающий из себя свойского парня для завоевания голосов, *switcher* – колеблющийся избиратель, который, несмотря на свою традиционную приверженность, может проголосовать за кандидатов другой партии, *captive candidate* – кандидат, являющийся послушным орудием в руках других и т.д.).

Подгруппа «Наименования понятий избирательного процесса» в русском языке насчитывает 4 лексемы (*абсентеизм, баллотирование, баллотировка, выборы*). Номинативная плотность данной подгруппы в английском языке составляет 11 лексических единиц (*absenteeism* – абсентеизм, *borough* – город, выбирающий одного или более представителей в парламент, *election* – выборы, *electorship* – избирательное право и т.д.).

В состав тематической подгруппы «Процедура проведения выборов» в русском языке входят 2 лексемы (*экзит-пол, партспуски*). Рассматриваемая подгруппа в английском языке количественно превосходит соответствующую ей подгруппу в русском языке и насчитывает 33 лексические единицы (*scrutiny* – проверка правильности результатов выборов, *enrolment* – регистрация сторонников партии для участия в выборах, *poll* – подсчет голосов и т.д.).

Количественные расхождения были также выявлены в подгруппе «Артефакты выборной деятельности». В русском языке данная подгруппа представлена двумя лексемами (*бюллетень и урна*). Номинативная плотность одноименной подгруппы в английском языке составляет 28 лексических единиц (*ballot-box* – избирательная урна, *booth* – кабина для голосования, *hustings* – трибуна для политических и предвыборных выступлений, *paster* – амер. полоска клейкой бумаги, которой заклеивают фамилию кандидата, за которого не хотят голосовать и т.д.).

Номинативная плотность подгруппы «Органы и территориальные образования, осуществляющие подготовку и проведение выборов» в русском языке составляет 2 лексемы (*облизбирком, Центризбирком*). В английском языке данная подгруппа насчитывает 14 лексических единиц (*ward* – избирательный округ, *watchdog committee* – комитет по наблюдению за выборами, *constituency* – избирательный округ и т.п.).

Наименьшей по номинативной плотности в русском языке является тематическая подгруппа «Предвыборная борьба и политические махинации на выборах», представленная одной лексемой *политтехнологии*. Номинативная плотность данной подгруппы в английском языке – 46 лексем (*personation* – незаконное голосование в нескольких избирательных округах, выдача себя за другое лицо с целью воспользоваться правом голоса, *pipe-laying* – политические махинации, предоставление права голоса тем, кто не проживает в данном округе, *counting-out* – подтасовка результатов голосования путем незаконного

аннулирования бюллетеней, поданных за кандидата другой партии).

Как мы уже отмечали, структурная организация группы «Избирательный процесс» в сравниваемых языках неодинакова. Рассмотрим четыре эндемичные английские подгруппы, отсутствующие в русском языке:

«Типы выборов»- номинативная плотность 15 лексем (*by-election* – дополнительные выборы, *primary* - амер. предварительные выборы, *nonpartisan election* - амер. выборы в местные органы власти, на которых кандидат не заявляет в ходе избирательной кампании о своей партийной принадлежности и т.п.).

«Методы и системы голосования» - номинативная плотность 8 лексем (*multiple voting* - система голосования, при которой избиратель имеет право голосовать в нескольких округах, *preferential voting* - амер. голосование, в ходе которого избиратель цифрами отмечает фамилии кандидатов на выборный пост, фигурирующих в бюллетене, в порядке своего предпочтения, *division vote* - амер. метод голосования, в соответствии с которым члены собрания, призванные отдать свои голоса за предложение, поставленное на голосование, встают или собираются в группу, чтобы дать возможность председательствующему подсчитать голоса и т.п.).

«Результаты выборов» - номинативная плотность 5 лексем (*spoil* – pl. государственные должности, распределяемые среди сторонников партии, победившей на выборах, *spoils system* - амер. предоставление постов и привилегий сторонникам победившей партии за заслуги во время выборов, *maintaining elections* - амер. выборы, сохраняющие соотношение политических и т.д.).

Наиболее многочисленной из всех подгрупп в английском языке оказалась эндемичная подгруппа «Работа выборных органов». Данная подгруппа насчитывает 69 лексических единиц и подразделяется на 4 минигруппы:

«Наименования лиц по отношению к Парламенту/Конгрессу» (номинативная плотность – 18 лексем): *backbencher* – рядовой член парламента, *bargess* – член парламента от города с самоуправлением, *content* – член палаты лордов и т.д.

«Структура и работа Парламента» (номинативная плотность – 43 лексем): *break-up* – роспуск парламента, *calling* – созыв парламента, *block* - обструкция в парламенте и т.д.

«Структура и работа Конгресса» (номинативная плотность – 5 лексем): *joint session* - амер. совместное заседание обеих палат Конгресса США, *joint vote* - амер. совместное голосование обеих палат в Конгрессе США, результатом которого может быть принятие совместной резолюции, *joint resolution* - амер. совместное постановление обеих палат Конгресса, принимающее силу закона после утверждения президентом и т.д.

«Артефакты деятельности парламента» (номинативная плотность – 3 лексемы): *lobby vision* коридор в который выходят при голосовании, *division bell* - электрический звонок в палате общин, извещающий членов парламента о начале голосования, *whip* - повестка партийного организатора о необходимости присутствовать на заседании парламента.

Для объективного сравнения номинативной плотности исследованных подгрупп в русском и английском языках представляется удобным использовать введенный Т.А. Чубур **индекс относительной номинативной плотности**

(Чубур, 2005, с. 10), который вычисляется через отношение соответствующих абсолютных показателей сравниваемых групп. Наивысшая степень национально-специфических различий зафиксирована для подгруппы «Предвыборная борьба и политические махинации на выборах» (индекс относительной номинативной плотности – 46). Для подгрупп «Наименования лиц по отношению к избирательному процессу» и «Процедура проведения выборов» индекс номинативной плотности оказался равным 16,5; для подгруппы «Артефакты выборной деятельности» этот индекс равен 14, для подгруппы «Органы и территориальные образования, осуществляющие подготовку и проведение выборов» – 7, подгруппы «Наименования понятий избирательного процесса» – 2,8, а подгруппы «Наименования выборных органов» – 1,6.

Для интерпретации полученных значений индекса относительной номинативной плотности воспользуемся предложенной С.В. Колтаковой градацией оценки степени проявления национальной специфики лексики (Колтакова, 2008, с. 17). Согласно данной шкале, национально-специфические различия по отдельным параметрам сопоставления могут быть охарактеризованы как **несущественные** (если отношение соответствующих абсолютных показателей варьируется в промежутке 1,0 до 1,1), **видимые** (когда эти цифры попадают в промежуток от 1,1 до 1,2), **заметные** (если показатели колеблются в пределах 1,2 – 1,3) и **существенные** (когда отношение абсолютных показателей оказывается более 1,3). Отметим, что все показатели индекса относительной номинативной плотности в рассматриваемой группе оказались значительно выше 1,3, что, согласно С.В. Колтаковой, должно свидетельствовать о **существенных** национальных различиях. Однако, обращает внимание тот факт, что большинство полученных нами значений индексов относительной номинативной плотности, превышают пороговое значение 1,3 не на несколько десятых, а в несколько раз, что приводит к необходимости доработать предложенную С.В. Колтаковой шкалу, дополнив ее следующим образом:

Отношение абсолютных показателей	Характер национально-специфических различий
1,3 – 5,0	<i>существенные</i>
5,0 – 10,0	<i>гиперсущественные</i>
> 10,0	<i>сверхгиперсущественные</i>

Таким образом, согласно дополненной нами шкале оценки степени проявления национальной специфики лексических группировок, показатели индекса относительной номинативной плотности характеризует национально-специфические различия рассматриваемых групп как **существенные** (у двух подгрупп), **гиперсущественные** (у одной подгруппы), **сверхгиперсущественные** (у четырех подгрупп).

Данный факт дает нам возможность также внести изменения в предложенную С.В. Колтаковой шкалу выраженности национальной специфики лексических группировок (Колтакова 2008, с.18), доработав ее еще на одну ступень – если при сравнении двух лексических группировок преобладают **гипер-** и **сверхгиперсущественные** расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику данных групп следует признать **гипервыраженной**.

Таким образом, национальная специфика групп «Избирательный процесс» в русском и английском языках характеризуется нами как **гипервыраженная**.

В заключении отметим, что описанные различия в номинативной плотности группы «Избирательный процесс» в сравниваемых языках позволяет судить о культурных и исторических особенностях развития избирательной системы стран. Так, несомненное своеобразие системы выборов Великобритании и США состоит в том, что им присущи давние традиции, сложившиеся в условиях политической демократии. Представляется, что номинативная плотность таких подгрупп в английском языке, как «Предвыборная борьба и политические махинации на выборах», «Типы выборов», «Методы голосования», «Органы и территориальные образования, осуществляющие подготовку и проведение выборов» свидетельствует о существовании развитой, сложной, многоуровневой избирательной системы в Англии и Америке. В свою очередь, невысокая номинативная плотность группы «Избирательный процесс» в русском языке позволяет охарактеризовать российскую избирательную систему как молодую, находящуюся в стадии формирования.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
2. Колтакова С. В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
3. Чубур Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале языковых наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.

С.В. Колтакова

Результаты сопоставления разноименных лексических группировок

В ряде работ последних лет, выполненных в рамках сопоставительно-параметрического метода (см. Стернина, Стернин 2009), была предложена и апробирована система формализованных параметров, позволяющих описать национальную специфику лексических группировок. Используя ряд таких параметров, нами было проведено сопоставительное исследование тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках. Отметим, что в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сопоставление разноименных лексических группировок проводилось впервые. Цель исследования заключалась в том, чтобы сопоставительно-параметрическим методом выявить и описать национальную специфику тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках и сравнить степень проявления национальной специфики этих двух групп. Результаты исследования позволили не только разработать шкалу оценки степени проявления национальной специфики семантики лексических группировок по отдельным параметрам и шкалу определения выраженности национальной специфики лексических группировок в целом (см. Колтакова, Стернина 2009, с. 6), но и подтвердить взаимозависимость и системность индексов, а также высказать

предположение о зависимости показателей некоторых индексов от исследуемого языка.

Очевидно, что прямая зависимость наблюдается между *индексом полисемантической* (отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы (Шишкина 2004, с. 34)) и *индексом однозначности* (отношение количества однозначных лексем к общему количеству лексем данной группы (Колтакова 2008, с.38)). Т.е. если один из указанных индексов высок, соответственно второй демонстрирует низкие показатели. Так, если для группы «Труд» в английском языке показатель *индекса полисемантической* (2,17) выше, чем в русском (1,63), следовательно, *индекс однозначности* в русском языке (63,75%) выше, чем в английском (48,05%). Аналогичное явление можно наблюдать и в группе «Отдых». Для данной группы показатель *индекса полисемантической* (2,4) в английском языке, также выше, чем в русском (1,7), а *индекс однозначности* для русской группы (63,03%) также выше, чем для английской (45,44%). Как видно из приведенных данных, как в группе «Труд», так и в группе «Отдых» показатель *индекса полисемантической* в английском языке превышает этот показатель в русском языке. В свою очередь в группах русского языка наблюдается преобладание однозначных лексем. Данные тенденции, подтвержденные результатами исследования двух разноименных групп, могут свидетельствовать о характерных структурных особенностях каждого из исследуемых языков.

Следующий вывод, который можно сделать из полученных нами результатов, заключается в том, что если для группы характерен высокий *индекс однозначности*, следовательно, *индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе* (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1 (терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой – Копыленко, Попова 1989, с. 31-32), к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008, с.38)) тоже будет высок. Это объясняется тем, что если большинство лексем группы однозначны, соответственно большинство лексем входят в данную группу по семеме Д1. Как уже отмечалось, для обеих групп *индекс однозначности* выше в русском языке, следовательно, *индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе* будет демонстрировать ту же тенденцию. Так, для группы «Труд» *индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе* в русском языке равен 81,58%, а в английском – 70%. Для группы «Отдых» данный индекс в русском языке равен 76,75%, в английском – 66,67%.

Следующий индекс, находящийся в зависимости от *индекса однозначности*, а, следовательно, и от *индекса первичной денотативной отнесенности лексем к группе* – *индекс лексико-семантической замкнутости* (отношение количества лексем, все семемы которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Вострикова 2006, с. 38)). Эта зависимость обусловлена тем фактом, что если большинство лексем однозначны, значит, в группе преобладают лексем, все семемы которых не выходят за рамки группы, следовательно, *индекс лексико-семантической замкнутости* также высок. Так, показатель данного индекса для группы «Труд» в русском языке равен 72,92%, в английском – 55,68%. Для группы «Отдых»

индекс лексико-семантической замкнутости в русском языке равен 69,47%, в английском – 52,58%.

Остальные используемые нами индексы взаимосвязаны с *индексом полисемантической*. Так, для группы с более высоким *индексом полисемантической* характерен и более высокий *индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008, с.38)). Это объясняется тем, что если в группе большинство многозначных лексем, следовательно, процент лексем, входящих в группу по семеме Д2, увеличивается. Для английской группы «Труд», у которой, как уже отмечалось, более высокий по сравнению с русской группой *индекс полисемантической*, характерен и более высокий *индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* (8,9% - в английском языке, 3,6% - в русском). Эта же тенденция прослеживается в тематической группе «Отдых». Показатель *индекса вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* «Отдых» в английском языке (19,25%) превышает соответствующий показатель в русском языке (15,97%).

Аналогичная зависимость наблюдается при сравнении *индексов первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* (отношение количества лексем, входящих в структурную единицу одновременно по семемам Д1 и Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы (Колтакова 2008, с.38)). Более высокие показатели этого индекса отмечены также у английских исследуемых групп. Для группы «Труд» в английском языке *индекс первичной и вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* равен 21,1%, в русском – 14,7%. Для группы «Отдых» в английском языке показатели данного индекса составляют 14,09%, в русском – 7,28%.

Еще одним индексом, зависящим от *индекса полисемантической*, является *индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы* (отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной группы (Чернова 2006, с. 38)). Это можно объяснить тем фактом, что если в группе преобладают многозначные лексемы, следовательно, здесь отмечается более высокое количество лексем, которые входят разными семемами в разные структурные единицы группы, чем в группе с преобладанием однозначных лексем. Для тематических групп «Труд» и «Отдых» *индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы*, также как и *индекс полисемантической* демонстрируют более высокие показатели в английском языке. Так, показатель данного индекса для группы «Труд» в английском языке равен 2,46%, в русском – 1,9%. Для группы «Отдых» *индекс лексико-семантической замкнутости* в английском языке равен 5,6%, в русском – 4,76%.

И последний индекс, взаимосвязь которого с *индексом полисемантической* очевидна – *индекс пересечения разноименных групп* (отношение количества лексем, которые одновременно входят в состав обеих сопоставляемых групп, к общему количеству лексем конкретной группы (Колтакова 2008, с.38)). Чем больше многозначных лексем в группе, тем больше лексем могут входить в состав обеих групп. Для обеих исследуемых групп *индекс пересечения разноименных групп* выше в английском языке. Так для группы «Труд» в

английском языке этот индекс составляет 3,3%, в русском – 1,9%. Для группы «Отдых» в английском языке *индекс пересечения разноименных групп* равен 15,48%, в русском – 13,45%.

Единственным параметром, взаимозависимость которого с другими индексами не представляется возможным выявить, является *номинативная плотность* (количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (Карасик 2004, с. 111)), показатели которого определяются преимущественно экстралингвистическими факторами.

Приведенные выше наблюдения позволяют подтвердить тот факт, что предложенные в рамках сопоставительно-параметрического метода индексы представляют собой не просто некую совокупность, а стройную систему. Представляется возможным предположить, что главенствующую позицию в этой системе занимают взаимообусловленные *индексы полисемантической и однозначности*, поскольку, зная показатели всего лишь одного из них для обеих групп, можно спрогнозировать соотношение показателей всех остальных индексов.

Результаты исследования позволяют высказать предположение о зависимости показателей индекса от языка исследования. Так, для обеих групп в русском языке характерно большее, по сравнению с английским языком, число однозначных лексем, как следствие индексы однозначности, первичной денотативной отнесенности и лексико-семантической замкнутости демонстрируют более высокие показатели. В то же время для обеих групп в английском языке характерно большее, по сравнению с русским языком, количество многозначных лексем, как следствие наблюдаются более высокие индексы полисемантической, внутригрупповой структурно-семантической связности, вторичной денотативной отнесенности, первичной и вторичной денотативной отнесенности, пересечения разноименных групп. Можно заключить, что выявленные зависимости объясняются структурными особенностями каждого из языков.

В заключении отметим, что данные выводы явились результатом проведенного сопоставления разноименных лексических группировок в русском и английском языках.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.– М.: ГНОЗИС, 2004.
3. Колтакова С.В., Стернина М.А. К вопросу о возможности определения степени проявления национальной специфики лексических группировок//Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С. 6-11.
4. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
5. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
6. Стернина М.А., Стернин И.А. Параметрический метод в сопоставительных исследованиях//Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009. – С. 3-6.

7. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2006.
8. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Л.А. Кривенко

Национальная специфика семантем наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках

В связи с неизменным интересом к национальным особенностям семантики, мы предприняли попытку изучить национальную специфику семантем наиболее частотных субстантивных лексем в русском и английском языках.

Материалом исследования послужили частотный словарь русского языка С.А. Шарова и список частотных существительных британского национального корпуса, из которых были отобраны по сто наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков. Отобранные лексеммы были поделены на группы в зависимости от объема семантемы по типологии, предложенной М.А. Стерниной (Стернина 1999, с. 42):

- моносемемные – содержащие одну семему;
- малосемемные – включающие от двух до пяти семем;
- многосемемные – содержащие от шести до десяти семем;
- гиперсемемные – насчитывающие десять – двадцать семем;
- сверхгиперсемемные – содержащие свыше двадцати семем.

В русском языке группа наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем включает в себя 45 единиц: *бог, вечер, взгляд, война, вопрос, глаз, год, город, дверь, девушка, деньги, друг, жена, женищина, квартира, книга, комната, лес, мальчик, месяц, минута, мужчина, народ, начало, небо, неделя, нога, окно, палец, парень, плечо, пол, правда, разговор, ребенок, ребята, случай, смерть, солдат, спина, стена, страна, сын, улица, утро*; в английском языке в данную группу входят 12 единиц – *council, door, family, million, money, month, mother, police, problem, question, war, week*.

Как показало исследование, в группе наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем, как в русском, так и в английском языках, наблюдается шесть соответствий: *door* – *дверь*, *money* – *деньги*, *month* – *месяц*, *question* – *вопрос*, *war* – *война*, *week* – *неделя*, именно их мы попытаемся рассмотреть в данной статье.

Семантема лексеммы *door* включает в себя пять семем: одну семему Д1n/a² «проем в стене для входа в какое-либо помещение или выхода из него / дверной» - *But beneath that neat and attractive exterior lies a steel door which can't rot, twist, split or warp*³ / ... the door bell..., две семемы Д2 «заслонка», «створка или несколько створок, закрывающие проем в стенке чего-либо (печи, шкафа и т.п.)»

² Обозначаются лексико-грамматические варианты одной семемы (подробнее об этом см. Стернина 1999)

³ Все приводимые в статье примеры взяты из Национального корпуса русского языка и British National Corpus

– *They opened a fridge door containing radioactive materials marked 'dangerous'*, две семемы K1 – «квартира, помещение» - *I have them, with all his clothes, next door*, «вход, доступ к чему-либо» - *For as a girl, she herself had been taken through the world, as through a series of doors, by her young husband, each door opening on to fresh joys and colours and perspectives.*

Семантема лексемы *дверь* включает в себя шесть семем: семему Д1 «проем в стене для входа в какое-либо помещение или выхода из него» - *В дверях стоял наш папа*, четыре семемы Д2 «створ или несколько створов, закрывающих проем в стене для входа в какое-либо помещение или выхода из него» - *Массивную дверь ребёнок может закрыть, а открыть её ему бывает не под силу*, «проем во внутреннее пространство вагона, автомобиля, самолета и т.п.» - *Сюда! Сюда! — закричала Тракторина Петровна, маша нам из дверей автобуса красным галстуком*, «створ, закрывающий проем во внутреннее пространство вагона, автомобиля, самолета и т.п.» - *Он, видимо, заметил, что я замедлила шаг, и распахнул пассажирскую дверь*, «створка или несколько створок, закрывающие проем в стенке чего-либо (печи, шкафа и т.п.)» - *Специалисты LG нашли решение проблемы высокого температурного дисбаланса, который ранее отрицал возможность корректной работы телевизора, встроенного в дверь холодильника*, и одну семему K1 «вход, доступ к чему-либо» - *Открывая дверь в биологию, приходится отбрасывать многие обыденные представления.*

Перейдем к рассмотрению следующей пары лексем – *money* и *деньги*. Семантема лексемы *money* включает в себя четыре семемы: семему Д1n/a «металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже, средством платежей и предметом накопления / денежный» - *Money is used as a common denominator in which the value of things can be expressed in the market / The latter figure is entered in money terms in the next column*, семему Д2 «денежные суммы», две семемы K1 «монетные системы, валюты» и «выигрыш на скачках».

Семантема лексемы *деньги* включает в себя две семемы: семему Д1 «металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже, средством платежей и предметом накопления» - *Не оставляйте в камере хранения деньги и другие ценные вещи*, и семему K1 «капитал, средства» - *Пенсионные накопления — самый серьезный инвестиционный ресурс: огромные деньги, которые поступают в значительных объемах по полностью прогнозируемым графикам.*

Рассмотрим следующую пару. Семантема лексемы *month* включает в себя три семемы: семему Д1 «единица исчисления времени по солнечному календарю, равная одной двенадцатой части года, срок в 30 суток» - *Our rent was £120 a month* и две семемы K1 «месячник» - *a month of captivity*, и «(очень) долгое время, долгий срок» - *For months the polls have been predicting an unprecedented landslide victory for the Right.*

Семантема лексемы *месяц* состоит из трех семем: семемы Д1 «единица исчисления времени по солнечному календарю, равная одной двенадцатой части года, срок в 30 суток» - *Убытки в каждый летний месяц у неё равны 76 тыс. рублям*, семемы Д2 «диск луны, полная его часть» - *Это ты один, как месяц в небе* и семемы K1 «месячник» - *МАЙ – месяц спорта и здоровья!*

Перейдем к следующей паре соотносимых лексем. Семантема лексемы *question* состоит из пяти семем: семемы Д1a/n/v «обращение, направленное на

получение каких-либо сведений, требующее ответа / вопросительный / спрашивать, допрашивать» - *Please answer the question / question mark / Service providers were questioned about their attitudes towards new technology*, семемы Д2 «пытка», трех семем К1 «проблема, дело, обсуждаемый вопрос» – *We now turn to the question of the relation of mental and neural events*, «сомнение» – *There's no question that it would become a permanent feature*, «допрос, следствие».

Соотносимая с лексемой *question* русская лексема *вопрос* включает в свою семантему шесть семем: одну семему Д1 «обращение, направленное на получение каких-либо сведений, требующее ответа» - *Вместе с тем необходимо ответить на вполне законный вопрос: как распорядится Россия своими новыми возможностями во внешней политике?*, одну семему Д2 «пунктуационный знак» – *знак вопроса*, и четыре семемы К1 «то или иное положение, обстоятельство как предмет изучения и суждения, задача, требующая решения, проблема» – *Национальный вопрос в России и сейчас стоит остро*, «дело, обстоятельство, касающееся чего-либо, зависящее от чего-либо» – *Когда дети будут летать на космических кораблях в школу - это всего лишь вопрос времени*, «нечто неясное, до конца неизведанное (разг.)» - *И услышите ли вы друг друга-это еще вопрос*, «научная проблема, предмет, тема специального исследования» – *Вопрос о вакцине в мире пока не решён*.

Рассмотрим следующую пару соотносимых лексем: *war* и *война*. Семантема лексемы *war* состоит из четырех семем: семемы Д1n/a «вооруженная борьба, боевые действия / военный» - *The 1967 war swept optimistic assumptions aside / a war correspondent*, и трех семем К1 «борьба» - *God's war with the Devil*, «вражда, антагонизм» - *the class war*, «войска».

Семантема лексемы *война* состоит из трех семем: семемы Д1 «вооруженная борьба, боевые действия» - *Между тем война с Ираком, как прогнозируют аналитики мировых рынков, приведёт к краткосрочному росту цен на нефть*, двух семем К1 «проявление неприязненного отношения к чему-либо; действия, направленные на искоренение чего-либо» - *Внезапно вспыхнувшая в России антиолигархическая война посеяла растерянность и смуту в умах*, «борьба за достижение своих целей, ведущаяся средствами экономического, политического и т.п. воздействия на кого-либо» - *идеологическая война*.

Перейдем к рассмотрению последней пары лексем. Семантема лексемы *week* включает четыре семемы: семему Д1 «единица счета времени с понедельника до воскресенья включительно» - *Next week I shall be talking to Peter Abbs*, три семемы К1 «период в семь дней до или после указанного дня» - *I'll be back in a week*, «рабочая неделя» - *... now he's a full week...*, «сеmidневный срок, назначаемый для проведения какого-либо мероприятия» - *One of the most famous writers should launch National Library Week in the county*.

Семантема лексемы *неделя* состоит из трех семем – семемы Д1 «единица счета времени с понедельника до воскресенья включительно» - *В группе десять человек, по четыре занятия в неделю*, и двух семем К1 «период в семь дней до или после указанного дня» - *Вот она молчит, ходит, и я уверена, что она так три недели будет ходить молчать*, «сеmidневный срок, назначаемый для проведения какого-либо мероприятия» - *Неделя британского кино*.

Для выявления национальной специфики исследуемых семантем представилось целесообразным ввести два новых параметра:

- **Индекс денотативной представленности семантемы** – отношение количества денотативных семем к общему количеству семем в семантеме.
- **Индекс коннотативной представленности семантемы** - отношение количества коннотативных семем к общему количеству семем в семантеме.

Как показало исследование, индексы денотативной представленности семантем для пары соотносимых лексем *door* и *дверь* равны соответственно 75% и 83%, индексы коннотативной представленности – 25% и 17%. Индексы денотативной и коннотативной представленности семантем *money* и *деньги* оказались равными 50%. Для пары соотносимых лексем *month* и *месяц* индексы денотативной и коннотативной представленности семантем одинаковы и равны соответственно 33% и 67%. Такие же показатели рассматриваемых индексов зафиксированы и в паре лексем *question* – *вопрос*. Индекс денотативной представленности семантемы лексемы *war* – 25%, лексемы *война* – 33%, индекс коннотативной представленности семантемы *war* равен 75%, а семантемы *война* – 67%. Для пары соотносимых лексем *week* и *неделя* индексы денотативной представленности равны соответственно 25% и 33%, а индексы коннотативной представленности – 75% и 67%.

Проведенное исследование показало, что семантемы наиболее частотных субстантивных лексем русского языка характеризуются более высокими индексами коннотативной представленности, в то время как семантемы наиболее частотных субстантивных лексем английского языка – более высокими индексами денотативной представленности.

Как уже отмечалось, семантемы рассмотренных русских и английских соотносимых лексем, помимо одинаковых, включают и эндемичные семемы. Для оценки степени эндемичности изученных семантем нами был введен **индекс эндемичности семантемы**, под которым мы понимаем отношение количества эндемичных семем в семантеме к общему количеству ее семем. Для изученных нами лексем показатели данного индекса оказались следующими: *door* – 40%, *дверь* – 33%; *money* - 75%, *деньги* – 50%; *month* – 33%, *месяц* - 33%; *question* – 40%, *вопрос* - 16%; *war* - 50%, *week* – 25%. Как видно из приведенных значений, индексы эндемичности в английском языке выше, чем в русском языке.

Таким образом, национальная специфика семантем рассмотренных нами наиболее частотных субстантивных лексем английского языка проявляется в большей денотативной представленности данных семантем по сравнению с семантемами русского языка. Рассмотренные семантемы английского языка характеризуются также более высокими индексами эндемичности по сравнению с семантемами русского языка. Еще одной особенностью английских лексем является факт наличия у них лексико-грамматической вариантности на уровне существительного и прилагательного, а также на уровне существительного и глагола.

Национальная специфика изученных семантем лексем русского языка проявляется в их большей коннотативной представленности по сравнению с семантемами английского языка и в их меньшей эндемичности.

Литература

1. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. –

- Воронеж, 1999.
2. Национальный корпус русского языка - www.ruscorpora.ru
 3. British National Corpus. - <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

Л.В. Лукина

К вопросу об определении национальной специфики семем при контрастивном анализе лексики

Интерес к национальным особенностям семантики лексических единиц не случаен, так как национальная специфика языка особенно ярко проявляется в сфере семантики. Национальная специфика семантики слова может быть рассмотрена на уровне отдельных сем, отдельных макрокомпонентов значения и на уровне семем, уровень сем при этом является наиболее надежным.

Определение национальной специфики основано на сравнении как научном методе. «Суть ее состоит в исследовании сходных и несходных черт двух и более языков с целью разностороннего описания особенностей функционирования отдельных фактов системы каждого из сопоставляемых языков» (Гальперин 2005, с. 216).

И.А. Стернин дает более точное понятие национальной специфики семантики: «Национальная специфика семантики лексической единицы представляет собой отличие ее по составу семантических компонентов от значений близких по семантике слов другого языка, включая случаи полной безэквивалентности значения» (Стернин 2007, с. 99).

Таким образом, национальная специфика значения лексемы какого-либо языка определяется только путем сопоставления с другим языком и является таковой только по отношению к данному языку. Например, в русском языке слово *бунгало* «легкая загородная жилая постройка в тропических странах» обладает национальной спецификой семантики относительно английского языка, так как его соответствием является слово, которое семантически отличается от русского: *bungalow* – «дом, имеющий один уровень, в котором нет лестниц. В Британии в таких домах живут многие пожилые люди». Таким образом, при сопоставлении значения слов *бунгало* и *bungalow*, национальной спецификой семантики русского слова является наличие дифференциальной семы «легкая загородная постройка», а английского – семы «дом, имеющий один уровень».

Разница в значениях слов, обозначающих одно и то же, но принадлежащих разным языкам, не всегда очевидна и порой не столь существенна. Но именно это различие в значениях представляет собой интерес для лингвистов, так как лексический состав языка, как никакая другая его сторона, отражает реальную действительность.

Выявление национальной специфики семантики важно как для уточнения переводных словарей, так и для совершенствования практики перевода и преподавания того или иного языка как иностранного.

Контрастивный анализ лексем сопоставляемых языков позволяет кратчайшим путем выявить национальную специфику слова. Однако «исследователю приходится не только сопоставлять, но и подготавливать материал каждого языка для сопоставления» (Гудавичюс, 1985, с. 7). Обычно семы приходится извлекать из словарных дефиниций толковых словарей. Однако сложность состоит в том, что разные словари выделяют разные семы. Кроме того,

имеющиеся в словарях описания часто неполны и неточны, и исследователю приходится при выделении сем опираться на собственную интуицию и знания языка, на опрос информантов, а также проводить дополнительное семное описание лексических единиц.

За последние несколько лет в изучении национальной специфики семантики сложилось новое направление, основанное на разработке и использовании в сопоставительных и контрастивных исследованиях системы формализованных параметров, при этом методы описания национальной специфики языковых систем приобрели более объективный характер.

Для каждого параметра вычисляется соответствующий формальный индекс, который является показателем степени проявления специфики той или иной языковой подсистемы по определенному параметру (Стернина 2008, с. 3-9). Совокупность формализованных индексов, описывающих специфические особенности той или иной языковой подсистемы, позволяет сопоставить одноименные языковые подсистемы в разных языках и получить численное выражение степени проявления национальной специфики по тому или иному параметру языковой системы в целом (Стернин, Стернина 2007, с. 9).

Для определения национальной специфики семем русского и английского языков в рамках контрастивных исследований нами были введены новые формализованные параметры, также представленные в виде индексов, а именно *индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем*, под которыми понимается отношение совпадающих соответственно денотативных, коннотативных и функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем (Лукина 2008).

При анализе национальной специфики контрастивных пар нами сравнивались денотативные, коннотативные и функциональные семы, которые для удобства и наглядности в перечне сем приводятся разным шрифтом (денотативные семы графически не маркированы, коннотативные семы выделяются прописными буквами, функциональные семы приводятся курсивом). При описании сем в контрастивных парах параллельно перечню сем русской лексики дается семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского слова соответствует та или иная сема английского языка. При этом несовпадающие семы в целях большей наглядности выделяются жирным шрифтом. При отсутствии семы в одном из языков и при наличии ее в другом ставится знак 0, что означает, что сема безэквивалентна.

Для каждого типа сем высчитывались отмеченные выше индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем. Расчет данных индексов производился следующим образом – в случае полного совпадения семы в обоих языках ей присваивалось значение единицы, при отсутствии совпадения – нуля, в случае же частичного совпадения семы – 0,5. Отметим, что все отмеченные индексы высчитывались в процентах.

В качестве примера приведем семное описание лексики *письмо*, имеющей в английском языке два соответствия.

ПИСЬМО - letter

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• рукописное	• печатное или рукописное

- посылаемое в конверте по почте
- с целью информирования
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

- посылаемое в конверте по почте
- с целью информирования
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 90%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 100%.

ПИСЬМО - epistle

- сообщение
- письменное
- **рукописное**
- **О**
- **О**
- посылаемое в конверте по почте
- с целью информирования
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- **НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ**
- *межстилевое*
- *общенародное*
- *современное*
- *общераспространенное*
- *высокоупотребительное*

- сообщение
- письменное
- **О**
- **длинное**
- **важное**
- посылаемое **или (реже)** передаваемое в конверте
- с целью информирования
- НЕОЦЕНОЧНОЕ
- **ИРОНИЧНОЕ**
- *книжное*
- *специальное*
- (литературное)
- *устаревашее*
- *общераспространенное*
- *малоупотребительное*

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 50%, индекс коннотативной идентичности – 50%, а индекс функциональной идентичности – 20%.

Семный анализ рассмотренных контрастивных пар показывает, что ближе всего к лексеме русского языка оказывается лексема *letter*, поскольку индекс денотативной идентичности у этой пары равен 90%, а коннотативно и функционально эти пары оказались полностью эквивалентны.

Чем больше индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности, тем меньше у рассматриваемой контрастивной пары будет национально-специфических сем, тем меньше она будет демонстрировать национальную специфику семантики. И, наоборот – чем меньше у контрастивной пары индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности, тем большую национальную специфику семантики будут демонстрировать входящие в данную пару лексемы. Таким образом, из двух

рассмотренных контрастивных пар наибольшую национальную специфику будет демонстрировать пара *письмо* – *epistle*, при этом, благодаря введенным нами индексам, национальная специфика семем этих лексем может быть наглядно выражена в виде численной разницы между 100% и соответствующими значениями индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности. Так, денотативная и коннотативная национальная специфика данной пары будет равняться 50%, а функциональная – 80%.

Как видно, использование введенных нами формализованных параметров позволяет достаточно объективно и наглядно выявить и описать не только сходство, но и национальную специфику семем лексических единиц.

Литература

1. Гальперин И.Р. Избранные труды. – М., 2005.
2. Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. – Вильнюс, 1985.
3. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
4. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М, 2007.
5. Стернин И.А., Стернина М.А. О развитии сопоставительных исследований и формализации результатов сопоставления // Сопоставительные исследования 2007. – Воронеж, 2007. – С. 3-11.
6. Стернина М.А. О новых направлениях в развитии сопоставительных исследований // Сопоставительные исследования 2008. – Воронеж, 2008. – С. 3-10.

Е.А. Маклакова

Детерминантные отношения сем в структуре семемы (на материале контрастивных исследований русских и английских наименований лиц)

Контрастивный анализ семантики наименований лиц, направленный на выявление тождественных и различительных семантических признаков, обозначаемых микрокомпонентами значения – семами, как показывает практика подобных исследований, эффективно проводится в рамках аспектного подхода. Аспектное описание лексико-фразеологических единиц представляет собой их поэтапное описание по отдельным макрокомпонентам значения в строго фиксированном порядке (Контрастивная лексикология и лексикография 2006): а) денотативный макрокомпонент значения: архисема, признак пола, интегральный признак тематической группы, дифференциальные признаки в зависимости от их близости к ядру или их яркости; б) коннотативный макрокомпонент значения: оценочный и эмоциональный признаки; в) функциональный компонент значения: стилистический, социальный, темпоральный, территориальный, частотный признаки.

В процессе контрастивного описания языковых единиц, служащих для обозначения наименований лиц в русском языке и их переводных соответствий в английском языке, которое осуществляется на базе параллельного

сопоставления их семных структур, существенным оказывается не только выявление семантических компонентов, но и учет взаимоотношений и взаимовлияния последних. Обладающие неравным удельным весом в структуре отдельно взятой семемы семы вступают между собой в различные типы отношений, к наиболее существенным и распространенным из которых принято относить иерархические, детерминантные, синтагматические и доминантные.

Отношения детерминации наблюдаются на макро- и микроуровнях значения и заключаются в том, что наличие в структуре семемы какого-либо одного семантического компонента предполагает наличие другого компонента или группы компонентов. В подобных отношениях сем, судя по результатам контрастивного описания семантики наименований лиц, проявляется некоторый нормированный порядок их сочетаемости, что, на наш взгляд, следует рассматривать, как с точки зрения семной детерминантности или предопределенности, так и в связи со взаимозависимостью сем (отношениями интердепенденции – по терминологии И.А.Стернина). Не менее важно при этом соблюдение условий и учет семной совместимости или несовместимости в структуре одной семемы (по терминологии М.В.Никитина).

В частности, архисема *лицо* в составе денотативного макрокомпонента значения значительного количества русских наименований лиц предполагает наличие семы *пол*, которая уточняет, может ли данная языковая единица быть соотнесена с лицом мужского или с лицом женского пола, а возможно и с лицами обоих полов (*мужской или женский пол*), например: *горец* – *горянка*, *горожанин* – *горожанка*, *островитянин* – *островитянка*, *гражданин* – *гражданка*, *немец* – *немка*, *абонент*, *автор*, *агитатор*, *балаболка*, *бедняга*, *биограф*, *инвестор*, *философ*, *оптик*. Английские переводные соответствия русских наименований лиц в большинстве своем характеризуются наличием в своих структурах автономных семантических признаков, в которых сема *пол* не конкретизируется, например: *mountain-dweller*, *Highlander*, *city-dweller*, *town-dweller*, *citizen*, *townee*, *townie*, *towny*, *colonist*, *islander*, *German*, *Italian*, *rustic*; за небольшим исключением: *townsman*, *Dutchwoman*, *Dutch girl*, *countryman*, *fellow-villager*, *peasant woman*.

При этом отметим, что в русском языке тенденция конструировать феминизмы или лексические единицы, обозначающие женщин, характерна в значительной степени для разговорной сферы общения, и часто семантика подобных слов, образовавшихся от стилистически нейтральных языковых единиц, имеющих в своей структуре сему *мужское*, описывается посредством функциональных сем *разговорное* или *сниженное*. В таких случаях детерминантные отношения констатируются между семами разных макрокомпонентов значения. Например, денотативная сема *женский пол* в следующих русских языковых единицах, в отличие от их переводных соответствий в английском языке, предполагает наличие замены функционально-стилистической семы *мужское* на сему *разговорное*: драматург ср. *dramatist* (*мужское*) – драматургичка (*женский пол, разговорное*), очеркист ср. *essayist* (*мужское*) – очеркистка (*женский пол, разговорное*), шофер ср. *chauffeur* (*мужское*) – шоферка (*женский пол, разговорное*), инженер ср. *engineer* (*мужское*) – инженерша / инженериха (*женский пол, разговорное / сниженное: просторечное*), поляк ср. *Pole* (*мужское*) – полячка (*женский пол, разговорное*), юрист ср. *lawyer*

(*межстилевое*) – юристка (*женский пол, разговорное*), биолог ср. biologist (*межстилевое*) – биологичка / биологиня (*женский пол, разговорное*), доброволец ср. volunteer (*межстилевое*) – доброволка (*женский пол, разговорное*).

В ряде случаев словообразовательные процессы, приводящее к образованию коллоквиальных значений, знаменуются семантическим смещением, которое выражается в замене в структуре семемы интегральной семы одной тематической группы на интегральную сему другой тематической группы. Наиболее наглядно это прослеживается при трансформации русских наименований лиц из тематической группы «профессиональная принадлежность» в наименования лиц, входящих в тематическую группу «родственные отношения», что необходимо учитывать при подборе их английских переводных соответствий: гангстер (*мужской пол, межстилевое*) ср. gangster – гангстерша (*женский пол, состоит в браке с гангстером, разговорное*) ср. gangster's wife, ректор (*мужской пол, межстилевое*) ср. rector – ректорша (*женский пол, состоит в браке с ректором, разговорное*) ср. rector's wife, капитан (*мужской пол, межстилевое*) ср. captain – капитанша (*женский пол, состоит в браке с капитаном, разговорное*) ср. captain's wife, генерал (*мужской пол, межстилевое*) ср. general – генеральша (*женский пол, состоит в браке с генералом, разговорное*) ср. general's wife.

У ряда полисемантических лексических единиц детерминантность сем может обнаруживаться во всех производных семемах семантемы: банкирша-1 (*женский пол, управляет или владеет банком, разговорное*) ср. banker, банкирша-2 (*женский пол, состоит в браке с банкиром, разговорное*) ср. banker's wife; директорша-1 / директриса (*женский пол, руководит каким-либо учреждением, разговорное*) ср. director / directress, директорша-2 (*женский пол, состоит в браке с директором, разговорное*) ср. director's wife; докторша-1 (*женский пол, занимается лечебно-профилактической деятельностью профессионально, разговорное*) ср. doctor, докторша-2 (*женский пол, состоит в браке с доктором, разговорное*) ср. doctor's wife, докторша-3 (*женский пол, имеет высшую ученую степень доктора каких-либо наук, разговорное*) ср. Doctor; миллионерша-1 (*женский пол, обладает богатством, оцениваемым в миллион каких-либо денежных единиц, разговорное*) ср. millionairess, миллионерша-2 (*женский пол, состоит в браке с миллионером, разговорное*) ср. millionaire's wife; президентша-1 (*женский пол, избрана для руководства общественным объединением, разговорное*) ср. president, президентша-2 (*женский пол, состоит в браке с президентом, разговорное*) ср. president's wife и т.д. Таким образом, в семной структуре производных наименований лиц ряда словообразовательных гнезд проявляются детерминантные отношения сем, как внутри одного макрокомпонента значения (*женский пол – состоит в браке с гангстером*), так и между семами, относящимися к различным макрокомпонентам одной и той же семемы (*женский пол – разговорное*), а несовпадения упомянутых сем, выявляемые при контрастивном сопоставлении исходных русских наименований лиц и их английских переводных соответствий (*женский пол – мужской или женский пол; разговорное – межстилевое, общенародное – в научной среде*), относятся к национально-специфическим особенностям их семантики.

Следует отметить, что появление новых названий женщин может быть вызвано разнообразными событиями, происходящими в жизни того или иного

общества. В русской языковой культуре тенденции новообразований наименований лиц основаны в большей степени на неисчерпаемых возможностях русского языка в словообразовательном плане и, на наш взгляд, связаны с преодолением некоторого психологического барьера в отношении женской позиции в различных сферах деятельности. Значительное количество новых наименований женщин, которые относительно недавно появились в употреблении и зафиксированы в современных лексикографических изданиях, стали во многом привычны и уже не различаются с их производящими семемами функциональными семами, которые указывают на общую сферу и равные условия использования. Например, следующие существительные относятся к парным в русском языке (*лицо, женский пол, межстилевое – лицо, мужской пол, межстилевое*) и имеют одинаковые английские переводные соответствия, с которыми различаются лишь семами пола (*женский пол – мужской или женский пол; мужской пол – мужской или женский пол*): бомжиха – бомж ср. homeless person, гонщица – гонщик ср. racer, дикторша – диктор ср. announcer, йогиня – йог ср. yogi, киллерша – киллер ср. killer, студентка – студент ср. student, финалистка – финалист ср. finalist, цензорша – цензор ср. censor.

Особое положение занимают номинативные дубликаты-этнонимы, имеющие одинаковые переводные соответствия в английском языке, в отношении которых в лексикографических изданиях в настоящий момент не наблюдается единого мнения относительно их стилистической принадлежности, следовательно национальная специфичность их семантики также может быть выявлена только в денотативном макрокомпоненте значения на уровне сем пола (*женский пол – мужской или женский пол*): москвичка – московка ср. Moskovite, петербуржка – петербурженка – петербуржица ср. Petersburg.

К проблеме детерминантных отношений сем в структуре семемы в определенной степени относятся понятия согласованной и несогласованной коннотации, когда эмоциональный и оценочный микрокомпоненты семантики того или иного наименования лица либо имеют одинаковый знак, либо их знаки по трехбалльной шкале оценок «минус, ноль, плюс» не согласуются. В ракурсе типологии межсемных отношений соответствующие примеры следует рассматривать как взаимообусловленные или взаимозависимые. При этом следует учитывать тот факт, что полярные коннотативные оценки логически сочетаться не могут. Например, несовместимы в одном коннотативном макрокомпоненте такие семы как *неодобрительное* и *положительно-эмоциональное*, *одобрительное* и *отрицательно-эмоциональное*, *одобрительное* и *презрительное*, *одобрительное* и *уничижительное*, *неодобрительное* и *сочувственное* и т.п.

Отношения взаимозависимости сем в структуре функционального макрокомпонента исследуемых единиц также фиксируются в многочисленных примерах, и сущность этих отношений сводится к следующему: например, если в значении слова есть семы *устаревшее*, *устаревающее*, *территориально ограниченное*, то обычно есть сема *неупотребительное* или *малоупотребительное*; если есть сема *общенародное* (т. е. значение не ограничено в употреблении какой-либо социальной группой), то обычно есть и территориальная сема *общераспространенное*; семы *общераспространенное*, *общенародное*, *современное* предполагают наличие сем

высокоупотребительное или *употребительное*. К несовместимым функциональным семам относятся следующие семные пары: *современное* и *неупотребительное*, *высокоупотребительное* и *устаревшее*, *высокоупотребительное* и *устаревшее*, *территориально ограниченное* и *употребительное*, *книжное* и *высокоупотребительное*, *общенародное* и *территориально ограниченное* и т.п.

Подводя итог, отметим, что для проведения качественного контрастивного сопоставления языковых единиц одного языка на фоне другого следует принимать во внимание детерминантные отношения микрокомпонентов в структуре их семантики. В частности, учет ряда закономерных явлений в сфере взаимоотношений и взаимовлияния сем позволяет предвидеть возможность выявления национально-специфических различий семантики при сопоставлении семных структур переводных соответствий в русско-английских контрастивных парах.

Литература

1. Контрастивная лексикология и лексикография. – Воронеж, 2006.

О.Г. Нехаева

От иконических знаков – к знакам-символам (на материале русского и английского языков)

Согласно классификации знаков, основанной на способе связи между формой и содержанием, разработанной американским философом, логиком и математиком Чарльзом Сандерсом Пирсом (1839-1914), знак – это либо «икона», либо «индекс», либо «символ» (Пирс 2000).

Икона – это знак, отсылающий к обозначаемому объекту в силу своих свойств, то есть в силу сходства с ним. Примерами таких знаков могут быть фотографии, скульптуры, чертежи и т.д., в языке — ономотопеи и идеофоны. Индекс – это знак, отсылающий к объекту, который он обозначает, по той причине, что находится с этим объектом в непосредственной связи, но, как правило, не требует какого-либо сходства с ним (Пирс 2000, с. 206-207). К ним относятся указательные жесты, указательные и притяжательные местоимения и т.д. К символам Пирс относит любые слова, предложения и другие знаки, принятые языковым сообществом на конвенциональной основе. С его точки зрения, символ, не имея сходства с означаемым, применим к чему бы то ни было, что способно воплощать идею, связанную со словом (Пирс 2000, с. 216).

Важно отметить, что в процессе эволюции языка иконические знаки могут приобретать признаки знаков-символов, которые не были свойственны им изначально. В настоящей работе исследуется это явление и механизм его реализации на классе звукоподражательных слов (ономотопей).

Иконический характер звукоподражательных слов неоднократно подчеркивался различными лингвистами (Бюлер 2000; Торопцев 1985). К. Бюлер, например, указывает на то, что названия шумов – это явно более или менее верно воспроизводящие явления «звуковые картинки» (Бюлер 2000, с. 185). И.С. Торопцев объясняет иконический характер ономотопей глубокой мотивированностью, основанной на внутрисловном отношении между значением и звуковой оболочкой (Торопцев 1985, с. 125 – 130).

В то же время, называя живописующие слова копиями, К. Бюлер пишет, что «они производят впечатление в высшей степени символического воспроизведения» (Бюлер 2000, с. 189), т. е. они способны стать знаками-символами.

На конвертизацию иконических по своей природе звукоподражательных слов в знаки-символы указывал и А.П. Бабушкин (Бабушкин 2005, с. 7-8).

В связи с вышесказанным нам представляется интересным проследить на материале русского и английского языков, как употребление звукоподражательных слов, в частности, звукоподражательных глагольных лексем, в определенном контексте превращает их в знаки-символы с различной градацией символичности в плане их содержания.

Предметом внимания настоящей статьи выступают языковые единицы, в которых заключаются звукоподражания насекомым, птицам и животным. Согласно словарю С.И. Ожегова, в русском языке это такие слова как *куковать*, *кукарекать*, *гавкать*, *гоготать*, *каркать*, *ворковать*, *чирикать*, *шипеть*, *фыркать*, *стрекотать*, *рычать*, *рыкнуть*, *рвкать*, *пищать*, *мычать*, *квакать*, *мурлыкать*, *жуужжать*, *крякать*, *щебетать*, *хрюкать* (Ожегов 1986).

Рассмотрим примеры, которые иллюстрируют семантический перенос некоторых из вышеперечисленных слов для характеристики человеческой речи.

Толковый словарь С.И. Ожегова указывает, что глагол «ворковать» значит «издавать свойственные голубям звуки» (Ожегов 1986, с. 84). Известно, что он получает значение «нежно разговаривать», если используется для описания разговора между влюбленными или любящими, близкими людьми. Это явление иллюстрируется цитатой из рассказа Анны Мурадовой «Здравствуйте, я ваша мама»:

*Свекровь торжествует, **воркует** над орущим младенцем и ласково говорит Ольге: - А ты, красавица, иди отдохни, устала, я ж вижу, ну да, тяжело с ребёночком, по себе знаю* (Мурадова А. «Здравствуйте, я ваша мама»).

Глагол «гавкать» является простонародным и имеет то же значение, что и «лаять», то есть издавать лай (Ожегов 1986, с. 108). Употребление данного слова по отношению к человеку меняет его значение на «бранить», «ругать», что происходит благодаря переносу звука, издаваемого собакой, на человека:

И ни одна секретарша в учебной части не посмеет гавкать за прогулы. И вообще не посмеет гавкать – студент на особом положении. По приказу самого ректора! ... (Каганов Л. «Харизма»);

Глагольная лексема «квакать» употребляется в отношении лягушек и означает «кричать, издавать характерный отрывистый звук» (Ожегов 1986, с. 234). Однако А.С. Пушкин, обращая слова «критика» к «братьям рифмачам», придает иное значение данному глаголу, а именно «постоянно жаловаться», «плакаться»:

Критик строгий...

Кричит: «Да перестаньте плакать

И все одно и то же квакать,

Жалеть о прежнем, о былом:

Довольно, пойте о другом!» (Пушкин А.С. «Евгений Онегин»).

Глагол «рыкать» значит «издавать рык», то есть дикий, грозный рев (Ожегов 1986, с. 599). Перенос звука присущего, в основном, крупным или

диким животным, меняет в следующем примере его значение на «грубо кричать», «ворчать»:

- *Не дерзи бабушке, - рыкнул кто-то раздражённым голосом, - понаехали...* (А. В. Константинович, Д. Цветков «Маршрутка»).

Глагольная лексема «чирикать» применительно к некоторым птицам значит «издавать высокие звуки», «щебетать» (Ожегов 1986, с. 768). Данная лексема может приобретать значение «болтать», «обсуждать». См. пример:

Райка и Светлана стали чирикать какие-то светские сплетни, хотя им правильнее было бы чирикать о внуках (Токарева В.С. «Лиловый костюм»).

Интересующие нас звукоподражательные слова в английском языке представлены следующими лексемами: *squeak* - пищать, *bark* - лаять, *gobble* – кулдыкать (об индюке), *gaggle* – гоготать (о гусе), *croak* - каркать, *mo* - мычать, *buzz* - жужжать, *quack* – крякать (об утке) и квакать (о лягушке), *coo* - ворковать, *cackle* – кудахтать (Hornby 1985).

В английской литературе также отмечается перенос звукоподражательных слов, передающих звуки, свойственные насекомым, птицам и животным, на человека. Это подтверждают следующие примеры.

Словарь Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English определяет глагол “to moo” (мычать) как “to make the sound moo”, то есть производить звук «му», свойственный корове (Hornby 1985, с. 547). Приведенный ниже пример иллюстрирует переносное значение данного глагола, который можно истолковать как «говорить невнятно» или «издавать нечленораздельные звуки»:

Too late, she decided to ignore him. “Jane-ey,” he mooed. “Ja-neey.” (John LeVert “The flight of the cassowary”).

Прямое значение глагола “to coo” (ворковать) - “make a soft, murmuring sound (as of doves)” (издавать мягкий, журчащий звук (о голубях)) (Hornby 1985, с. 189). Следующий пример демонстрирует то, как при переносе на человека он приобретает значение «шептаться», «говорить мягко, приглушенно»:

While the girls were cooing over the gifts and Odysseus was arranging them, Diomedes from outside the palace clanged bronze and screamed war cries as if they were being attacked (Margaret George “Helen of Troy”).

По «Новому англо-русскому словарю» В.К. Мюллера глагол “to gaggle” имеет значение «гоготать» (о гусах) (Мюллер 2005, с. 322). Проанализированный материал показывает, что употребление данного слова по отношению к человеку придает ему смысл «громко хохотать». Например:

“What about tomorrow night?” I huffed.

“He may not be alive tomorrow night,” Norman gaggled (Alice Denham “Sleeping with bad boys”).

По словарю А.С. Хорнби глагол «to croak» относится, как к лягушкам, так и к воронам и имеет значение “make deep, hoarse sound (made by frogs or ravens)” (издавать глубокий, хриплый звук) (Hornby 1985, с.204). Возможность изменения вышеупомянутого значения на «сказать что-либо каркающим, неприятным голосом», «пробурчать» видна в следующей цитате:

“Let be!” croaked Huldricsson; his voice was thick and lifeless as though forced from a dead throat; his lips were cracked and dry and his parched tongue was black (Abraham Merritt “The moon pool”).

Вместе с тем, как в русском, так и в английском языках нами обнаружены случаи перехода знака-икона в знак-символ.

В качестве примера из русского языка рассмотрим глагол «куковать». Хотя он означает «издавать характерный крик кукушки (ку-ку)» (Ожегов 1986, с. 267), имеются случаи употребления этого глагола, когда звукоподражательная «звуковая картинка» стирается:

- *Войне конца не видно, а они ребята рослые, сильные, сейчас на годы не посмотрят, как только курсы трактористов кончат, так их и загребнут... пошлют в танковую школу. Это нам с тобой тут куковать.*

- *Почему же нам тут **куковать**? – сказал отец с вызовом.*

- *Потому что я на брони, а ты калека!* (Шадрунов Н. «Психи»).

В приведенном примере глагол «куковать» не свидетельствует о звуковой схожести со звуками, издаваемыми кукушкой, а имеет значение «ждать безнадежно», «бездействовать», которое является конвенциональным, отражающим представления людей о безнадежном ожидании и скуке.

В английском языке ситуацию, при которой теряется связь со звукоподражательным словом, демонстрирует следующая цитата:

“If all fires and all plants and animals use oxygen and give off carbon dioxide, then it will not be long before all the oxygen will be used up and the air will be filled with carbon dioxide.”

*“Stop **croaking**. We don’t want to die just yet,” Bud cried, pelting Tommy with sand* (Jean Dawson “The boys and girls of Garden City”).

В данном случае, проявляется иное значение уже упоминавшегося глагола “to croak”, а именно «наговаривать», «предвещать беду».

Таким образом, приведенные выше примеры позволяют увидеть механизм преобразования знаков-икон в знаки-символы – явления, при котором утрачивается мотивированность и полностью теряется естественное основание для отсылки знака к обозначаемому объекту.

Литература

1. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. – OUP, 1985.
2. Бабушкин А.П. Типы языковых знаков в семиотическом аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005, №2. – С. 5-11.
3. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М., 2000.
4. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М., 2005.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986.
6. Пирс Ч. С. Учение о знаках // Избранные философские произведения. Перевод с англ. – М., 2000. – С. 176 – 233.
7. Торопцев И.С. Язык и речь. – Воронеж, 1985.

И.Н. Никитина

Национальные особенности семантики наиболее частотных малосемемных глагольных лексем в русском и английском языках

Сопоставительное изучение семантики вызывает неизменный интерес лингвистов. В этой связи представляется интересным рассмотреть семантику наиболее частотных единиц русского и английского языков.

Для проведения сопоставительного исследования 100 наиболее частотных глагольных лексем были отобраны из частотного словаря русского языка

С.А.Шарова и списка частотных глаголов британского национального корпуса. Отобранные лексемы были поделены на группы в зависимости от объема их семантем – количества образующих семантему семем. По типологии, предложенной М.А.Стерниной (Стернина 1999, с.42), выделяются лексемы:

- малосеменные – содержащие от двух до пяти семем
- многосеменные – включающие шесть-десять семем
- гиперсеменные – насчитывающие от 10 до 20 семем
- сверхгиперсеменные – содержащие свыше 20 семем

В настоящей статье мы рассматриваем группу наиболее частотных малосеменных глагольных лексем русского языка, насчитывающую 26 лексем и аналогичную английскую группу, включающую 12 лексем.

Проведенное исследование показало, что в русском языке в рассматриваемой группе 11,5% являются двусеменными лексемами, трех- и четырехсеменные лексемы составляют по 23% от общего количества, пятисеменных лексем – 42,5%. В английском языке зафиксировано 17% двусеменных семантем, 25%-трехсеменных, 8%- четырехсеменных и 50%-пятисеменных. Таким образом, обращает на себя внимание тот факт, что как в русском, так и в английском языках преобладают пятисеменные семантемы.

В качестве примера двусеменной семантемы русского языка приведем лексему «продолжать», которая содержит 2 семемы: семему Д1 (терминология М.М.Копыленко и З.Д. Поповой – Копыленко, Попова 1989, с.31-32) «делать что-либо дальше, не прекращая начатого» - *Тимофей с бычьим упрямством **продолжал** игнорировать соперников и воплощать в жизнь свою собственную программу...(Т.Устинова)* и одну семему К1 «говорить, не останавливаясь» - *Ты ведь и на лекциях перед аудиторией ведёшь себя ужасно... — **продолжала** Снежана...(ruscorpora).*

Примером трехсеменной семантемы русского языка служит лексема «забыть», включающая в себя 3 семемы: семему Д1 «перестать помнить; упустить из виду» - *Он даже знал некогда ее название, да **забыл** (Е.Арсеньева)* и 2 семемы К1 «случайно оставить, не захватить с собой» - *Мама **забыла** свою сумку у меня в машине (П.Дашикова)*, «оставить без надзора; забросить» - *Девочке не понравилось, что все носятся с малышом, а про нее совсем **забыли** (Б.Акунин).*

В качестве примера четырехсеменной семантемы приведем лексему «появиться», которая содержит 4 семемы: семему Д1 «оказаться в поле зрения; явиться» - *Однако тотчас на экране **появились** другие персонажи (Е.Арсеньева)*, 3 семемы К1 «приехать, прибыть» - *В Любавине **появилась** воинская команда (Е.Арсеньева)*, «оказаться в наличии» - *За все годы учебы в дневнике ни разу не **появились** тройки (Д.Донцова)*, «возникнуть, образоваться» - *Фейруз регулярно следила за ее головой, и стоило у корней **появиться** темным полосочкам, немедленно закрашивала их (Е.Арсеньева).*

Примером пятисеменной семантемы может служить лексема «получить», насчитывающая 5 семем: семему Д1 «взять, приобрести вручаемое, предлагаемое» - *Я должна что-то делать для нее сейчас, когда **получаю** почти вдвое больше, чем она (А.Малышева)*, 2 семемы Д2 «принять для исполнения» - *В апреле будущего года политехнологи **получат** новый заказ (ruscorpora)*, «произвести в результате усилий, действий, работы» - *Мы можем **получить** лучшие результаты (ruscorpora)* и 2 семемы К1 «заслужить что-л.;

подвергнуться чему-л.» - Один из членов экипажа погиб, второй - **получил** ранения (*ruscorpora*), «ощутить что-л.; прийти в какое-л. состояние» - Террористические структуры **получили** передышку и возможность перегруппировать свои силы (*ruscorpora*).

В качестве примера двусеменной семантемы в английском языке приведем лексему «require», которая включает 2 семемы: семему Д1 «нуждаться, требовать» - *I don't **require** much sleep (John Grisham)* и семему К1 «требовать, приказывать» - *The regulations do **require** companies to notify the HSE of 'dangerous occurrences'; involving certain dangerous pathogens (British natcorp)*.

Примером трехсеменной семантемы английского языка служит лексема «describe», содержащая 3 семемы: семему Д1 «описывать, изображать» - *I cannot **describe** my joy when Herbert finally returned (British natcorp)*, 2 семемы К1 «описывать, вычерчивать» - *Polylines can efficiently **describe** shapes made from visibly straight lines such as rectangles (British natcorp)* и «рисовать, писать портрет» - *Here I have used a soft pencil to **describe** the birds after tracing them out (British natcorp)*.

Примером четырехсеменной семантемы является лексема «add», которая насчитывает 4 семемы: семему Д1 «добавлять, прибавлять(о количестве, размере и т.п.)» - *He **added** more sweetener to his tea in a large Styrofoam cup (John Grisham)*, одну семему Д2 «складывать» - *Six **add** four makes ten (British natcorp)*, 2 семемы К1 «добавлять, прибавлять(к высказыванию)» - *Innate politeness drove him to **add**, 'And you?' (British natcorp)* и «придавать (качество), добавлять» - *His shrieking voice **added** urgency to the situation (John Grisham)*.

В качестве примера пятисеменной семантемы приведем лексему «expect», включающую в себя 5 семем: семему Д1 «рассчитывать, надеяться» - *I really **expect** to be back inside the week (British natcorp)* и 4 семемы К1 «ждать, ожидать» - *I **expect** an important letter (British natcorp)*, «требовать» - *Our fans shouldn't **expect** too much from us (British natcorp)*, «полагать, думать» - *She started her investigation as a skeptic, much like yourself, I **expect** (James Patterson)* и «ожидать ребенка» - *Max and his wife were **expecting** their second (John Grisham)*.

В целом 26 наиболее частотных малосеменных глагольных лексем русского языка развивают в своих семантемах 103 семемы. В соответствующей английской группе у 12 лексем насчитывается 47 семем. Таким образом, **индекс полисемантическойности**, под которым понимается отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной группы, к общему количеству этой группы (термин Н.М.Шишкиной – Шишкина 2004, с.34), как в русском, так и в английском языках, равен 4.

Как показало исследование, при одинаковых индексах полисемантическойности группы наиболее частотных малосеменных глагольных лексем русского и английского языков отличаются **индексами денотативной и коннотативной представленности семем** (термин Л.А.Барановой – Баранова 2009, с.21), под которыми понимается отношение количества денотативных /коннотативных семем к общему количеству семем в группе. В русском языке индекс денотативной представленности семем равен 41%, в английском – 36%, индекс коннотативной представленности семем в русском языке составил 59%, в английском – 64%.

Для дальнейшего исследования нами была использована шкала оценки степени проявления национальной специфики (Колтакова, 2008). Согласно этой

шкале, если расхождения между показателями индексов составляют более 10%, то данные национально-специфические различия можно квалифицировать как **существенные**. Если расхождения варьируются от 5 до 10%, то мы имеем дело с **заметными** различиями. Если разница между показателями индексов составляет от 1 до 5%, то национально-специфические различия рассматриваются как **видимые**, если разница менее 1% - различия **несущественные**.

Использование предложенной шкалы оценки степени проявления национальной специфики показало, что **индексы денотативной и коннотативной представленности семем** в русском и английском языках имеют **видимые** расхождения (разница между ними в обоих случаях составляет 5%).

В целом, изучение групп наиболее частотных малосемемных глагольных лексем в русском и английском языках выявило в их семантемах как сходства, так и национально-специфические различия. Проведенное исследование показало, что как в русской, так и в английской группах преобладают пятисемемные семантемы, обе группы также характеризуются одинаковым индексом полисемантичности. В семантемах малосемемных глагольных лексем обоих языков превалирует конотативная номинация. Различия между группами зафиксированы в количественном отношении: 26 лексем – в русском языке, 12 – в английском. Отмечены также **видимые** расхождения по двум параметрам – индексам денотативной и коннотативной представленности семем. Таким образом, учитывая все рассмотренные параметры, мы можем констатировать, что национальная специфика семантики наиболее частотных малосемемных глагольных лексем в русском и английском языках является неярко выраженной.

Литература

1. Баранова Л.А. Национальная специфика семантики наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках. – Воронеж, 2009.
2. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. фил. наук – Воронеж, 2008.
3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
4. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
5. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ... канд. фил. наук – Воронеж, 2004.

Т.Н. Панкова, О.Н. Чарыкова

Национальная специфика метафорического осмысления денотативной сферы «растение» в русском и английском языках

Общеизвестно, что язык отражает специфичный для данной этнической общности способ восприятия и концептуализации окружающей действительности. Особенно ярко это проявляется в метафоре, поэтому сопоставительные исследования метафорической лексики являются перспективными в аспекте выявления особенностей национальной картины

мира. Первоочередного внимания требуют лексические единицы, называющие наиболее релевантные для существования этноса сферы внеязыковой действительности, к числу которых относится денотативная сфера «растение», которая имеет важный аксиологический статус в сопоставляемых языках.

Группу лексических единиц, номинирующих определённый участок внеязыковой действительности, то есть определённую денотативную сферу, принято рассматривать в качестве лексико-семантического поля. Лексические единицы ЛСП, получившие метафорическое значение (значения), образуют номинативное метафорическое поле.

Номинативное поле русской флористической метафоры включает 172 лексемы, номинативное поле английской флористической метафоры – 581 лексему. Анализ структуры семантем выявленных лексических единиц позволил определить количественный состав семемных полей флористической метафоры в сопоставляемых языках: 373 семемы в русском и 1654 – в английском языке.

На основе семантики исходного, прямого значения, лексемы, входящие в выделенные номинативные поля, распределяются на следующие тематические группы: 1) наименования составной части растения 2) наименования целого растения, 3) наименования группы растений, 4) наименования фазы биологического существования растений. Наиболее полно представлена в исследуемом материале группа лексики, номинирующей составную часть растения.

Анализ показал, что осмысление денотативной сферы «растение» в русской и английской лингвокультурах имеет как общие, так и национально-специфичные черты, проявляющиеся в особенностях метафорической номинации.

Общность проявляется в наличии межъязыковых метафор, отражающих общечеловеческие закономерности познания мира и факторы утилитарного характера. Например, метафорические номинации на основе переосмысления лексики, называющей части дерева, оказались востребованными в обоих языках. Это связано со значимостью дерева в жизни обеих языковых общностей, поскольку оно служило для строительства, для отопления, для производства предметов бытового назначения и т.д. Поэтому структурные части данного объекта, познаваемые эмпирически-опытным путём, становились отправной точкой познания других объектов и явлений через сопоставление с ними. Не случайно в обоих языках метафорическое осмысление получили такие важные для человека части дерева, как *ствол*, *ветка*, *кора*, и такие пространственно-структурные характеристика, как разветвление, отход в сторону от основного ствола. К числу межъязыковых можно отнести и метафоры, возникшие в результате познания и осмысления фаз биологического развития растений. Метафоры этой группы сходны в обоих языках (можно предположить, что они являются универсальными, общечеловеческими, поскольку отражают закономерности биологического развития). Лексемы, называющие фазы существования растения, широко используются и метафорически переосмысляются для названия периодов жизни человека, а также для номинации других явлений окружающей действительности.

Национальная специфика метафорической номинации может проявляться на уровне *лексем*, когда из двух единиц сопоставляемых языков, совпадающих по исходному значению, метафорическое значение имеет только одна из них, а её

эквивалент в другом языке не метафоризируется, что обуславливает отличия в составе номинативных метафорических полей. Например, лексема *peanut* (арахис) переосмысливается только в английском языке и ассоциируется с незначительной суммой денег, низкой ценой, человеческой никчёмностью, что, вероятно, обусловлено такими признаками, как форма и размер арахиса.

Отличия в составе номинативных (лексемных) метафорических полей в разных языках могут быть обусловлены следующими факторами: 1) наличием или отсутствием номинируемого данной лексемой объекта в зоне существования этноса (например, *лайм* переосмысливается только в английском языке); 2) степенью релевантности данного объекта для социума. Так, в русском языке метафоризируется больше номинаций грибов (*мухомор, сморчок, поганка, трюфель*), чем в английском (*mushroom*), то есть данный участок внеязыковой действительности представлен с большей степенью дифференциации. Вероятно, это связано с климатическими условиями и культурой питания. В английской картине мира особую значимость имеет тростник, что проявляется в метафоризации лексем, называющих четыре разновидности этого растения (*cane, frail, reed, rush*) по таким признакам, как структура, степень прочности, форма, гибкость.

Национальная специфика может также проявляться на уровне семантема, когда соотносимые единицы приобретают метафорические значения в обоих языках, но различаются количеством производных семем (что обуславливает отличия в составе семемных полей) и их характеристиками. Так, при общности отдельных метафорических семем в анализируемых языках английские единицы более многозначны и, как правило, помимо соотносимых с русскими значений выражают и другие, национально-специфичные. Подобное явление наблюдается, например, в парах *оливковый – olive, лимонный – lemon, сливовый – plum*. В русском языке данные лексемы имеют только одно метафорическое значение, перенос происходит по признаку «цвет». В английском – *olive* ассоциируется не только с цветом (два значения), но в большей степени с формой (5 значений), *lemon* имеет несколько метафорических значений, из которых только одно обусловлено признаком «цвет», в основе остальных лежит ассоциация с кислым (неприятным) вкусом лимона (7) или его формой (1), *plum* тоже имеет ещё 7 метафорических значений, основанных на таких признаках, как форма, консистенция, вкусовые качества.

Национальная специфика на уровне семантема и семем определяется тем, что в случае метафорического осмысления одного и того же объекта носителями разных языков или региональных вариантов одного языка возникают отличия в аспектах восприятия данного объекта, которые проявляются в признаках и направлениях метафорического переноса.

Например, лексемы *скорлупа, скорлупка – nutshell* соотносятся по семантическому компоненту «нечто незначительное» – у русских это «маленькое, утлое судёнышко», у англичан – вообще что-либо маленькое, незначительное. Близкими по набору сем, но имеющими отличия в их составе, являются другие значения данных лексем в сопоставляемых языках: в русском актуализируется признак «то, что ограничивает, замыкает, мешает действовать, развиваться (*скорлупа самоуверенности*), в английском – краткость, сжатость, ограниченность (*in a nutshell*).

В русском языке лексема *ягодка* употребляется только при обращении к молодой девушке, и перенос основан на ассоциации по признакам «красота, свежесть». В английском лексема *berry* приобретает метафорические значения по признакам «форма», «размер», «консистенция».

По-разному воспринимают русскоговорящие и англоговорящие *орех* (*nut*). Для первых значимой является сердцевина ореха, для вторых – такие свойства, как твёрдость, вкус, форма, процесс сбора орехов, внешняя привлекательность. У англоговорящих орех ассоциируется с головой, процесс сбора орехов – с мыслительной деятельностью и концентрацией внимания, а его твёрдость – с тупостью, отсутствием мозгов. Вместе с тем приятный вкус ореха и его внешние эстетические качества обуславливают использование данной лексемы для положительной оценки различных явлений и указания на элегантность одежды. В американской культуре процесс сбора орехов ассоциируется с получением взятки, а форма и размер ореха – с монетами, поэтому лексема *nut* используется для обозначения денег.

В русской и английской национальных картинах мира одни и те же объекты могут получать разные оценочные характеристики, потому что англичане и русские выделяют и фиксируют разные стороны одного и того же объекта. Так, в русском национальном сознании малина вызывает приятные ассоциации: О чем-либо очень приятном (*Мне житье теперь...мне житье! Малина! Умирать не надо*), а в английском языке преобладают отрицательные ассоциации: данная лексема употребляется в значениях «знак презрения; прищёлкивание языком в знак пренебрежения; неприятность, нагоняй, головомойка». Можно предположить, что само движение (прищёлкивание языком) напоминает извлечение косточек малины из зубов, то есть, связано с неприятными ощущениями. Таким образом, в русском национальном сознании при восприятии малины на первый план выходят положительные свойства, а в английском преобладают отрицательные ассоциации.

Сходства и различия в осмыслении одного и того же денотата выявляются также в этнокультурных вариантах английского языка. Так, у британцев и американцев общими в отличие от русских являются связанные с лимоном негативные ассоциации, однако наблюдаются некоторые отличия в аспектах осмысления данного денотата. Для британцев лимон ассоциируется с внешним видом человека (*некрасивая девушка*) и интеллектуальными способностями (*простофиля, дурак; человек, которого легко надуть*). Например: *Criminal carelessness, that's what it was! Leaving me standing here like a lemon.* — *Преступная небрежность, вот что это такое! Оставить меня стоять здесь как дурака*), американцы акцентируют внимание на аспектах прагматического и утилитарного характера: *товар или инвестиционный проект, который имеет скрытый дефект, неочевидный в момент приобретения или инвестирования, напр., автомобиль, неисправность которого выявляется только в ходе эксплуатации; lemon law – закон о недоброкачественной продукции; положения некоторых законов, требующие от производителя выплачивать потребителю полную компенсацию за недоброкачественные изделия, "ремонт которых не может быть произведен в разумные сроки"; lemons market – рынок, характеризующийся асимметричной информацией о продаваемых товарах; в частности, продавцы больше знают о свойствах продаваемых ими товаров,*

чем покупатели (напр., рынок поддержанных автомобилей); такой рынок порождает неблагоприятный отбор.

При анализе признаков, по которым осуществляется метафорический перенос в сопоставляемых языках, выявляется, что английская флористическая метафора характеризуется не только более высокими по сравнению с русской количественными параметрами, но и качественными отличиями, проявляющимися в большем разнообразии и специфичности выбора оснований для переноса. Этот факт свидетельствует о высокой активности ассоциативных процессов в английском национальном сознании. Данное явление может быть связано в числе прочих факторов с особенностями структуры языка, в котором, в отличие от русского, морфологическая деривация присутствует в минимальной степени, что обуславливает важность семантической деривации. Постоянная необходимость создания когнитивной метафоры как средства номинации выработала у англичан высокий уровень работы ассоциативных механизмов.

Направления метафорического переноса универсальны. Национальная специфика проявляется только в преобладании того или иного направления в конкретном языке.

Признаки, по которым осуществляются метафорические переносы, могут иметь универсальный характер, обусловленный общечеловеческими процессами перцепции и когниции (в этом случае национальная специфика проявляется в доминировании определённых аспектов перцептивного восприятия), и могут быть национально-специфичными, обусловленными количеством и характером ассоциаций в сознании этноса и его фантазией.

В целом данный участок внеязыковой действительности осмысляется в английском национальном сознании гораздо более дифференцированно, чем в русском, что проявляется в количестве осмысляемых денотатов, наличии синонимических номинаций, в количестве морфологических и семантических дериватов.

Поскольку степень полноты и дифференцированности метафорического осмысления участка внеязыковой действительности определяется степенью его релевантности в национальной картине мира этноса, можно сделать вывод, что для английского национального сознания когнитивная сфера «растение» является более аксиологичной, чем для русского.

Т.Б. Пасечник

Частотность употребления числовых компонентов в русских и английских фразеологизмах

Одним из аспектов исследования русских и английских ФЕ с числовыми компонентами представляется изучение активности числовых компонентов, частоты их использования во ФЕ.

Общее количество рассмотренных нами русских ФЕ составляет 632, английских – 583.

Необходимо подчеркнуть, что мы понимаем объект нашего исследования широко: это именно числовые компоненты, т.е. слова, содержащие явное или неявное указание на число.

Анализ отобранного материала позволил получить количественные данные, иллюстрирующие продуктивность того или иного

числового компонента. Кроме того, появилась необходимость разделения ФЕ на две большие группы:

1) «ядро» составляют русские и английские фразеологические единицы, имеющие в своем составе числительные (количественные, порядковые и собирательные);

2) к «периферии» мы относим русские и английские фразеологические единицы, имеющие в составе такие числовые компоненты, как существительные (*половина, пара, четверть, half, pair, quarter*), прилагательные (*двойной, double*), наречия (*однажды, дважды, двояжды (уст.), трижды, once, twice, thrice*).

Включение данных компонентов в наш фактический материал обусловлено тем, что каждый из них по-своему связан с понятием числа. На этот факт прямо указывается, например, в компонентах *twice, дважды, двояжды (уст.)*. В некоторых компонентах числовое значение не указывается, но оно очевидно. Примером тому может служить, например, компонент *both* в английском языке, который часто замещается во ФЕ числительным *two* –

make the best of both (two) worlds (букв. сделать лучшее из двух миров) – жить припеваючи на земле, надеясь не хуже жить на том свете;

cut both (two) ways (букв. резать двумя способами) – быть обоюдоострым; палка о двух концах.

В русском языке такого замещения не наблюдается, однако значение компонентов *оба (обе)* самым очевидным образом ассоциируется со значением числительного «два», что можно продемонстрировать в следующих примерах:

Глядеть (смотреть) в оба глаза; глядеть (смотреть) в оба; следить в оба – быть зорким, быть настороже, за обе щеки *уплетать (уписывать)* – есть с большим аппетитом, жадно.

В русском языке мы обнаруживаем слова-дериваты: *не из храброго (робкого) десятка; семеро одного не ждут; знать почем сотня гребешков, в одиночку, один-одинехонек (одинешенек)*.

В английском языке числовой компонент входит в состав сложных слов:

come back again like a bad halfpenny (букв. возвращаться как плохая монетка) – возвращаться к владельцу против его желания; опять свалиться кому-л. на голову; снова появиться вопреки желанию кого-л.;

eleventh-hour agreement – соглашение, заключенное в последний момент;

В составе английских ФЕ отмечены слова с корнем в виде числительного и флексией *-s*. Например,

on all fours (букв. на всех четырех) – на четвереньках;

Everything is sevens and elevens (амер., жарг.) – все в порядке (*sevens and elevens* – наиболее желательный результат при игре в кости);

be (all) at sixes and sevens (букв. поставить на шестерки и семерки) – находиться в беспорядке, быть в запущенном состоянии.

Наше исследование показало, что наиболее распространенные числовые компоненты – *один* и *первый, one* и *first*. Они являются бесспорными лидерами среди числовых компонентов в рассматриваемых нами русских и английских ФЕ. Этот факт можно объяснить особой символической значимостью **единицы**.

Один – обозначение первичной целостности, знак человеческого «я» (Маслова 2007, с. 100). В соответствии со словарем мифологической символики в индоевропейских языках М.М. Маковского, единица – символ вертикально стоящего человека (микрокосма) (Маковский 1996, с. 390). При сопоставлении символического смысла этого числового компонента в русских и английских фразеологизмах можно наблюдать как сходства, так и различия.

Рус. *один как перст; один-одинехонек (одинешенек), одна-одинехонька (одинешенька); в одиночку; один в поле не воин (посл.); Одна муха не проест и брюха (посл.); Одной рукой (и) узла не завяжешь (посл.); Одному и у каши неспоро (посл.); Один и дома горюет, а двое и в поле воют (посл.); Один и у каши загинет (посл.).*

В приведенных примерах *один* символизирует человека, который одинок и слаб, которому в одиночку все трудно и никакое дело не ладится. «Чувство локтя» у русского человека рождает душевный комфорт, возникает чувство безопасности, уверенности в себе и такое представление о мире, когда человек важен *не сам по себе*, а как *часть целого* (общества, коллектива). Русским не нравится эгоизм и сосредоточенность на себе, характерные для европейского и североамериканского общества. Для них привычно сочувствовать, вместе переживать горе, помогать в беде.

Человек англоязычной культуры склонен к индивидуализму, хочет стоять на своих ногах, обо всем иметь свое мнение и не зависеть от окружающих. Такие различия в характерах носителей русского и английского языков можно объяснить и природно-географическими факторами (суровые природные условия России трудно выносить в одиночку), и особенностями способа ведения хозяйственной жизни (коллективно-общинный способ в России и коллективный – в СССР, индивидуалистический – в англоязычных странах).

Анализ английской части исследуемого материала показывает, что употребление числового компонента *one* скорее становится знаком человеческого «я». Так, *number one* – своя собственная персона, свое «я»; *one and the only* – единственный, уникальный; *look after (take care of) number one* – заботиться о себе, о своих интересах, не забывая себя.

Таким образом, исследование частотности числовых компонентов в ФЕ русского и английского языков показывает, что число, являясь универсальным концептом и константой культуры любого народа, по-разному реализуется в языках, тем самым обнаруживая индивидуальную специфику культурно-национального сообщества.

Литература

1. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М., 1996.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. – М., 2007.

Н.А. Портнихина

Использование формализованных параметров для описания национальной специфики развития семантики слова

В условиях межкультурного общения актуальным является вопрос описания национальной специфики языков. В связи с этим возникает потребность

разработки новых и усовершенствования используемых механизмов ее выявления. С появлением сопоставительно-параметрического метода (Стернина, Стернин 2009) представляется возможным исследовать национальную специфику языка с помощью формализованных параметров.

В рамках этого метода нами была предпринята попытка разработки и использования таких параметров для описания национальной специфики семантического развития слова на материале наименований природных явлений в русском и английском языках. Для анализа были выбраны природные явления, имеющие сопоставимые наименования в обоих языках. В общей сложности было изучено тридцать семь таких пар лексем: *облако* – *cloud*, *град* – *hail*, *заря* – *dawn* и др.

Для описания национальной специфики развития семантики слова нами был введен ряд формализованных параметров. Как показало исследование, семантическое развитие слова возможно на трех уровнях: на уровне переноса значений внутри семантемы (далее семемном уровне семантического развития слова), на уровне производных от данного слова лексем (далее словообразовательном уровне семантического развития слова) и на уровне образования фразеологических единиц (далее фразеологическом уровне семантического развития слова). Для определения репрезентативности каждого из этих уровней в семантическом развитии слова представилось рациональным ввести такой формализованный параметр, как индекс представленности уровня семантического развития слова, который определяется как отношение количества производных семантических единиц этого уровня к общему количеству единиц, производных от рассматриваемой семемы Д1⁴ данной лексемы. Отметим, что под производной семантической единицей мы понимаем любое значение слова, словообразовательную или фразеологическую единицу, производную от семемы Д1 данного слова.

В ходе анализа было обнаружено, что производные семантические единицы могут демонстрировать разную активность на разных уровнях семантического развития слова. Так, например, от лексемы *гром* в русском языке производны семнадцать семантических единиц, семантическое развитие данной лексемы осуществляется на всех трех уровнях семантического развития слова. На семемном уровне лексема *гром* имеет три производные семантические единицы (семемы К1: «сильный шум, грохот», «слава, известность»⁵, «беда, опасность, неприятности, разоблачение»*); на словообразовательном уровне – семь (*громоподобный*, *громовой*, *громоотвод* и др.), на фразеологическом – также семь производных семантических единиц (*как (будто) гром среди ясного неба*; *пока гром не грянет*, *мужик не перекрестится* и др.). Соответственно, индекс представленности семемного уровня семантического развития слова для лексемы *гром* составляет 18%, в то время как индексы представленности словообразовательного и фразеологического уровней совпадают и равны 41%. Полученные результаты свидетельствуют о том, что семантическое развитие

⁴ Для описания семантем используется типология семем М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (см. Копыленко, Попова, 1989, с. 31-32), позволяющая определить тип семантической производности.

⁵ Знаком * отмечены те значения слова, которые не зарегистрированы словарем и были выявлены автором в результате изучения примеров употребления этого слова в художественной литературе.

слова *гром* в русском языке преимущественно осуществляется на словообразовательном и фразеологическом уровнях.

Семантическое развитие лексемы *thunder* в английском языке также происходит на трех уровнях. От лексемы *thunder* производны тридцать семантических единиц: на семемном уровне семантического развития слова выявлено шесть таких единиц (семема K1n/v⁶ «раскатистый звук, грохот/громоыхать, грохотать», семемы K1v: «колотить, барабанить», «говорить гневно, обличать, витийствовать» и др.), на словообразовательном уровне – семнадцать (*thundering* – оглушающий, *thunderstruck* – ошеломленный, *thunder-cloud* – грозовое облако и др.), на фразеологическом уровне – семь (*to steal smb's thunder* – испортить чью-либо попытку произвести впечатление, *as black as thunder* – выглядеть очень сердитым и др.). Индекс представленности семемного уровня семантического развития слова оказывается равным 20%, индекс представленности словообразовательного уровня составляет 56,7%, индекс представленности фразеологического уровня – 23,3%. Таким образом, наиболее продуктивным развитие семантики слова *thunder* оказывается на словообразовательном уровне семантического развития.

В процессе исследования нами были выделены семантические признаки, релевантные для развития лексемы на разных уровнях семантического развития. Отметим, что под семантическим признаком мы понимаем компонент значения, выявляющийся одновременно в двух или более семемах многозначного слова и/или производных лексических единицах и лежащий в основе развития значений данного слова. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые семантические признаки мотивируют развитие слова на всех трех уровнях, некоторые – только на двух, другие – всего на одном. Так, для семантического развития лексемы *гром* оказались релевантными шесть семантических признаков: **неблагоприятное воздействие природного явления** (пока гром не грянет), **интенсивность проявления природного явления** (громоыхать), **непредсказуемость проявления природного явления** (как (будто) гром среди ясного неба), **распространение природного явления** (семема K1 «слава, известность»), **защита от природного явления** (громоотвод) и **бесполезность природного явления** (не из тучи гром, из навозной кучи). Из них всего один семантический признак – **неблагоприятное воздействие природного явления** – выявлен на всех трех уровнях семантического развития слова; один семантический признак – **интенсивность проявления природного явления** – на двух уровнях семантического развития слова, четыре семантических признака – **распространение природного явления**, **защита от природного явления**, **непредсказуемость проявления природного явления** и **бесполезность природного явления** – на одном из уровней.

Изучение лексемы *thunder* выявило четыре семантических признака, лежащих в основе ее семантического развития: **природное явление** (*thunderpeal* – удар, раскат грома), **неблагоприятное воздействие природного явления** (*thunderstone* – «гроза» (о человеке)), **интенсивность проявления природного явления** (*thundering* – оглушающий), **непредсказуемость проявления природного явления** (*thunderstruck* – ошеломленный). Обращает на себя внимание тот факт,

⁶ Обозначается лексико-грамматическая полисемия (подробнее об этом см.: Стернина 1999).

что два семантических признака – *неблагоприятное воздействие природного явления* и *интенсивность проявления природного явления* – мотивируют семантическое развитие слова на трех уровнях, один семантический признак – *непредсказуемость проявления природного явления* – выявлен на двух уровнях, один семантический признак – *природное явление* – только на одном уровне.

Для определения важности семантического признака в семантическом развитии слова нами был введен такой формализованный параметр, как индекс продуктивности семантического признака, под которым мы понимаем отношение количества производных семантических единиц, мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных семантических единиц, образованных от семемы Д1 данной лексемы.

В процессе изучения развития лексем *гром* и *thunder* были выявлены три общих семантических признака, характерных для семантического развития обеих лексем: *неблагоприятное воздействие природного явления*, *интенсивность проявления природного явления*, *непредсказуемость проявления природного явления*. Однако индексы их продуктивности различны: индекс продуктивности семантического признака *неблагоприятное воздействие природного явления* в русском языке составляет 35,3%, в английском – 43,3%, индекс продуктивности семантического признака *интенсивность проявления природного явления* в русском языке равен 35,3%, в английском – 23,3%, индекс продуктивности семантического признака *непредсказуемость проявления природного явления* в русском языке – 11,7%, в английском – 6,7%.

Помимо общих семантических признаков, в семантическом развитии каждой лексемы были выявлены и эндемичные семантические признаки, свойственные семантическому развитию только одной из рассматриваемых лексем. Например, у лексемы *гром* эндемичными являются три признака: *распространение природного явления*, *защита от природного явления*, *бесполезность природного явления*. Индексы продуктивности этих признаков совпадают и равны 5,9%. У лексемы *thunder* выявлен один эндемичный семантический признак – *природное явление* (индекс продуктивности - 26,7%).

Само наличие эндемичных семантических признаков уже говорит о национальной специфике развития лексем, но для определения степени ее проявления нами был введен совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков, равный общей сумме значений индексов продуктивности этих признаков и показывающий, насколько продуктивными в каждом из языков являются эндемичные признаки семантического развития. Совокупный индекс продуктивности эндемичных семантических признаков для лексемы *гром* оказался равным 17,7%, для лексемы *thunder* – 26,7%.

С помощью шкалы оценки степени проявления национальной специфики семантики С.В. Колтаковой (Колтакова 2008, с.17) представилось возможным сравнить национальную специфику семантического развития сопоставляемых лексем.

Так как различия индексов представленности семемного уровня семантического развития лексем *гром* и *thunder* варьируется в пределах от 1% до 5%, то, согласно указанной шкале, мы признаем их *видимыми*. Разница индексов представленности словообразовательного и фразеологического

уровней семантического развития лексем *гром* и *thunder* превышает 10%, что, согласно той же шкале, говорит о *существенных* национальных различиях семантического развития данных слов. Различия индексов продуктивности семантических признаков, общих для обеих лексем, и расхождения значений совокупных индексов продуктивности эндемичных семантических признаков варьируются от 5% до 10%. В соответствии со шкалой, мы их считаем *заметными*.

Наличие заметных и существенных различий превалирует, что, согласно шкале определения выраженности национальной специфики С.В. Колтаковой (Колтакова 2008, с.18), свидетельствует о *ярко выраженной* национальной специфике семантического развития этих слов.

Применение описанной методики к рассмотрению других пар соотносимых наименований природных явлений в русском и английском языках подтвердило продуктивность предложенных способов описания национальной специфики семантического развития слова. Таким образом, мы вправе констатировать, что с помощью сопоставительно-параметрического метода и введенных в его рамках новых формализованных параметров можно сделать обоснованные выводы о степени проявления национальной специфики семантического развития слова.

Литература

1. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Колтакова. – Воронеж, 2008. – 20с.
2. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж. 1978. – 143с.
3. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка/ М.А. Стернина. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 1999. – 160с.
4. Стернина М.А., Стернин И.А. Параметрический метод в сопоставительных исследованиях / М.А. Стернина, И.А. Стернин // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – С.3-6.

С.Н. Черникова

Фразеологизмы, включающие компонент *гора* в русском и английском языках

При реконструкции языковой картины мира и выявлении в ней национально-специфического особая роль отводится фразеологии, так как именно фразеологизмы часто ассоциируются с культурными и национальными стереотипами и при употреблении в речи отражают характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет. Фразеологическая картина мира особенно ярко раскрывает национально-культурную специфику различных языков.

Мы поставили своей целью на примере небольшой группы устойчивых оборотов, а именно русских и английских фразеологических единиц (далее ФЕ), включающих элемент ландшафта *гора*, показать соотношение универсального, присущего обоим языкам, и национального, специфичного для каждого языка.

Путем сплошной выборки из фразеологического словаря русского языка А.И. Молоткова, фразеологического словаря русского литературного языка А.И. Фёдорова и англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина в

русском языке было выявлено 16 фразеологизмов, включающих лексему *гора*, в английском языке – 6 единиц с соотносимой лексемой *mountain*.

Путем семантического анализа в обоих языках были определены семантические признаки, которые легли в основу фразеологического переноса. В русском языке было выявлено четыре таких признака, в английском – два.

Семантические признаки, являющиеся основой фразеологического переноса в русском языке, следующие: *большая масса*, *удаленность*, *высота*, *защита*. Для оценки важности того или иного семантического признака мы используем введенный Н.А. Портнихиной (Портнихина 2008, с.48) *индекс продуктивности семантического признака*, под которым понимается отношение количества производимых семантических единиц, мотивированных данным семантическим признаком, к общему количеству производных семантических единиц, образованных от семемы Д1 данной лексики. Для рассматриваемой лексики *гора* в русском языке эти показатели следующие: *большая масса* – 37.5%, *высота* – 31.2%, *удаленность* – 18.8%, *защита* – 12.5%.

Как показало исследование, наиболее продуктивными для фразеологического переноса в русском языке является семантический признак *большая масса*. Так, семантический признак *большая масса* лег в основу фразеологического переноса в шести ФЕ: *гора на душе, на сердце (лежит)* – о тягостном душевном состоянии, о тяжелых заботах (Так жить нельзя, Варенька. Я так измучился за всё это время... Если бы ты знала, какая гора лежит у меня на душе /Д.Мамин-Сибиряк/), *как гора с плеч свалилась, упала* – о прекращении тягостного душевного состояния, окончании забот, о чувстве душевного облегчения (Ух, гора с плеч, слава богу! – сказал Петр Иванович, когда Александр уехал. М.Гончаров/), *обещать (сулить) золотые, златые горы* – обещать слишком много (Ведь жених сулил ему златые горы – вечный участок, паровая мельница что-нибудь да значат! / Н.Сухов/), *пир горой* – о шумном веселом пире с обильными угощениями (Там у соседей — пир горой, И гость — солидный, налитой, Ну а хозяйка — хвост трубой — Идёт к подвалам: В замок врезаются ключи, И вынимаются харчи; И с тягой ладится в печи, И с поддувалом /В.Высоцкий/), *кто-либо гора горой* — об очень толстом, грузном человеке (Лошади отменные, кучер по форме... и седок гора горой, жиром заплыл П.Бажов/), *гору (горы) сдвинуть (своротить), ворочать (двигать) горами* – делать дело, требующее огромных усилий (Есть такие особенные люди, которые целую жизнь горы ворочают, а их считают чуть ли не шалопаями /Д.Мамин-Сибиряк/).

Семантический признак *высота* является основой переноса в следующих ФЕ: *идти, лезть, двигаться, переть в гору* – начать преуспевать (Жизнь разбросала их по всей нашей земле, а кое-кто полез высоко в гору /А.Фадеев/), *идти, катиться под гору* – 1) развиваться в неблагоприятном направлении, ухудшаться (Дела его вовсе под гору пошли. Охотиться стало не на что, последние денежки перевелись, последние люди разбежались. М.Тургенев/), 2) близиться к концу (о жизни) (Но жизнь заметно шла под гору; здоровье Василия Максимовича ухудшалось с каждым днём /А. Алтаев/), *горы волн, воды* — о высоких волнах (Вот показалась между горами волн черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась М.Лермонтов/), *горой (нагружать, накладывать и т.п.)* — выше краев, верхом. (Ведут на двор осьмнадцать кляч, В возок боярский их впрягают... Горой кибитки нагружают /А.Пушкин/),

плевать с высокой горы на кого-либо, что-либо — быть абсолютно безразличным к чему-либо, кому-либо.

Семантический признак *удаленность* лег в основу переноса в таких ФЕ, как: **не за горами** – 1) недалеко, очень близко (*Песок рядом, на Суре. Камень-известняк подальше, но тоже не за горами. /А.Андреев/*), 2) скоро в ближайшем будущем наступит, произойдет что-либо (*Настанет время (и оно не за горами), - русский язык начнут изучать по всем меридианам /А.Толстой/*), **за горами, за долами** – далеко (*За горами, за долами Уж гремел о нем рассказ, и померяться главами Захотелось им хоть раз /М.Лермонтов/*), **славны бубны за горами** – неизвестное всегда представляется хорошим (*Там [на Кавказе] ты как раз определишься [на место]! — сказал отец. — Да! Славны бубны за горами! /Н.Успенский/*)

Такой семантический признак, как *защита* нашел свое отражение в двух ФЕ: **горой за кого-либо встать, подняться, стоять** – всеми силами заступаться за кого-либо, защищать кого-либо или что-либо (*Слабоват характером у вас командир. Я уж и Василию Федоровичу об этом говорил, а тот за него горой — лучший, говорит, у меня артиллерист. /А.Степанов/*), **как на каменную гору (стену) надеяться, как за каменной горой жить** – вполне (целиком) полагаться на кого-либо (*Я надеялся на эти тропики как на каменную гору: я думал, что настанет, как в Атлантическом океане, умеренный жар, ровный и постоянный ветер /И.Гончаров/*).

Семантические признаки лексемы *mountain*, которые легли в основу фразеологического переноса в английском языке, следующие: *высота и большая масса*.

Индексы продуктивности данных семантических признаков для рассматриваемой лексемы являются одинаковыми и равны 50%.

Семантический признак *высота* нашел отражение в трех ФЕ, а именно: **a mountain to climb** – трудновыполнимое дело (*President Obama has no official engagements for the Thanksgiving weekend but that does not mean that his Blackberry will be switched off. Behind the scenes he has a mountain to climb to sell his new climate change commitments to a sceptical American public. /Internet/*), **rolling mountains** – огромные валы, волны (высотой) с горы, **run mountain(s) high** – высоко вздыматься (о волнах).

Признак *большая масса* был обнаружен в трех ФЕ: **make a mountain out of a molehill** – преувеличивать важность, значение чего-либо, делать из мухи слона (*You're both making a mountain out of a molehill. David doesn't love me madly and I don't love him. /N. Coward/*), **the mountain has brought forth a mouse** – гора родила мышь - эзоповское выражение; впервые употребляется Горацием, высмеивающим плохих стихотворцев (*I tell you he's become a legend on this coast. I've never dared to say these things about him to anyone but you. And all the time I was at sea I could see how they wondered that such a mountain could bring forth such a mouse. /G.Greenel/*), **remove, move mountains** - горы своротить (*"You know it! said Mr Carter with a great appearance of relief. "It removes a mountain from my breast." /Ch. Dickens/; A sound near the floor made me bend down hastily with a stern: "Don't laugh," for in his grotesque, almost burlesque discourses there seemed to me to be truth, passion, and horror enough to move a mountain /J. Conrad/*)

Как показало исследование, нами обнаружены как одинаковые признаки, так и национально-специфические. К одинаковым признакам мы можем отнести

такие признаки, как *большая масса* и *высота*. Однако следует отметить, что индексы продуктивности данных признаков в русском и английском языках различны. Так, индекс продуктивности признака *высота* в английском языке составляет 50%, тогда как в русском языке – всего 31.2%; индекс продуктивности семантического признака *большая масса* в английском языке – 50%, русском языке – 37.5%. В результате исследования нами были выявлены национально-специфические семантические признаки в русском языке, к которым относятся *удаленность* (индекс продуктивности – 18.8%) и *защита* (индекс продуктивности – 12.5%).

Проведенное исследование ярко продемонстрировало наличие универсального и национально специфичного в восприятии элементов ландшафта носителями русского и английского языков.

Литература

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1984.
2. Портнихина Н.А. Сравнительный анализ семантического развития лексем *gain* и *дождь* в русском и английском языках //Сопоставительные исследования 2008. – Воронеж, 2008. – С. 48-53
3. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М., 2008.
4. Фразеологический словарь русского языка /под. ред. и с послесл. А.И. Молоткова. – М., 2006.

Н.И. Чернова

Характер национально-специфических различий в тематической группе лексики «Наименования зданий и помещений» в русском и английском языках

Объективное и наглядное сопоставительное описание лексических группировок представляется возможным благодаря использованию системы формализованных параметров, позволяющих представить качественные национально-специфические различия лексических группировок также и в количественном выражении. Для выявления и описания национальной специфики семантики исследуемых лексических единиц тематической группы «Наименования зданий и помещений» в русском и английском языках релевантными оказываются следующие показатели:

Номинативная плотность (Карасик 2004, с.111) - количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (вычисляется в абсолютных числах)

Индекс полисемантической (Шишкина 2004, с.34) - отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной структурной единицы, к общему количеству ее лексем (вычисляется в абсолютных числах)

Индекс однозначности лексем группы (Колтакова 2008, с. 38) - отношение количества однозначных лексем к общему количеству лексем данной группы (вычисляется в процентах)

Индекс первичной денотативной отнесенности лексем к группе (Колтакова 2008, с. 38) - отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д1 (терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой – Копыленко, Попова 1989, с. 31-32), к общему количеству лексем данной структурной единицы (вычисляется в процентах)

Индекс вторичной денотативной отнесенности лексем к группе (Колтакова 2008, с. 38) - отношение количества лексем, входящих в структурную единицу по семеме Д2, к общему количеству лексем данной структурной единицы (вычисляется в процентах)

Индекс принадлежности к исследуемой тематической группе (Шишкина 2004, с. 34) - отношение общего количества развиваемых лексемами данной подгруппы семем с семой тематической группы к общему количеству семем этой подгруппы (вычисляется в процентах)

Индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы (Чернова 2006, с.38) - отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной группы (вычисляется в процентах)

Индекс семантической близости единиц группы (Чернова 2006, с.38) - отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данной группы (вычисляется в абсолютных числах)

Индекс яркости подгруппы внутри тематической группы (Чернова 2006, с. 38) - отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы (вычисляется в процентах).

Последовательное применение данных параметров позволило определить в целом степень проявления национальной специфики тематической группы лексики «Наименования зданий и помещений» в русском и английском языках.

Так, исследование показало, что *номинативная плотность* тематической группы наименований зданий и помещений в английском языке составляет 754 лексические единицы, что значительно превышает соответствующий показатель в русском языке – 407 лексических единиц.

Проведенное исследование также показало, что средние *индексы полисемантической* в тематических группах русского и английского языков невелики и составляют соответственно 1,86 и 2,04.

Следует отметить преобладание однозначных лексем над многозначными в обеих тематических группах. *Индексы однозначности лексем группы* равны 62,65% в русском языке и 56,1% – в английском.

В обоих языках абсолютное большинство лексем входит в структурные единицы рассматриваемых тематических групп по семеме Д1. В русском языке число таких лексем составляет 356 единиц, таким образом *индекс первичной денотативной отнесенности* равен 87,5%. В английском языке 598 лексем включены в структурные единицы рассматриваемой тематической группы по семеме Д1, соответственно *индекс первичной денотативной отнесенности лексем* для данной группы составляет 79,3%. Количество семем Д2, по которым лексемы входят в структурные единицы тематических групп сравниваемых языков, в русском языке равно 84, что соответствует *индексу вторичной денотативной отнесенности лексем к группе* в 20,6%. Данный индекс английской тематической группы равен 26,9%, поскольку в исследуемую тематическую группу по семеме Д2 входят 203 лексемы.

Как показало проведенное исследование, *индекс принадлежности к исследуемой тематической группе лексики* в английском языке (71,64%) превышает *индекс принадлежности* в русском языке (63,74%). *Индекс же*

внутригрупповой структурно-семантической связности группы в русском языке (7,86) превышает аналогичный индекс в английском языке (5,43).

Исследование семантики единиц рассматриваемых лексических групп сравниваемых языков показало наличие в их составе лексем, демонстрирующих синонимические отношения. Обращает на себя внимание тот факт, что, как в русском, так и в английском языках выявлены структурные единицы, целиком состоящие из синонимических рядов, как, например, минигруппа **Характеристика зданий и помещений по состоянию** в русском языке и **Характеристика зданий и помещений по длительности использования** в английском. При этом число таких структурных единиц в английском языке значительно выше, чем в русском, как и общее количество лексем, демонстрирующих синонимические отношения (439 и 85 соответственно). В целом *индекс семантической близости единиц группы* в английском языке составляет 0,58, что существенно превышает аналогичный индекс (0,21) в русском языке.

Как следует из разработанных С.В. Колтаковой шкал оценки степени проявления национальной специфики тематических групп (Колтакова 2008), национально-специфические различия могут быть охарактеризованы как **существенные, заметные, видимые и несущественные**.

Использование предложенных шкал оценки к тематической группе лексики «Наименования зданий и помещений» в русском и английском языках показало, что **существенные** национально-специфические различия выявлены лишь по двум параметрам, выраженным в абсолютных числах, таким, как *номинативная плотность* – индекс относительной номинативной плотности составляет 1,8; *относительный индекс семантической близости единиц группы* равен 2,7. **Заметные** расхождения отмечены по четырём параметрам: *индекс принадлежности к исследуемой тематической группе* – разница между данными индексами английской и русской групп составляет 8,51%; *индекс однозначности лексем группы* – расхождения в показателях данных индексов равны 6,61%; *индекс первичной денотативной отнесённости лексем к группе* – показатели данных индексов в русском и английском языках различаются на 8,2%; *индекс вторичной денотативной отнесённости лексем к группе* – разница в показателях данных индексов равна 6,3%. **Видимые** различия выявлены по одному параметру: *индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы* – расхождения в показателях данных индексов составляют 2,43%. **Несущественные** расхождения выявлены по такому параметру, как *индекс полисемантической* – показатель относительного индекса полисемантической для изучаемых групп составил 1,0.

Представляется также возможным применение шкалы оценки степени проявления национальной специфики внутри тематических групп к такому параметру, как *индекс яркости подгруппы внутри тематической группы*, определяющему отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы и вычисляемому в процентах. Наибольшую степень яркости внутри рассматриваемых групп в обоих языках демонстрируют подгруппы **Здания и помещения для определённых целей и категорий лиц**, при этом индекс яркости у этой подгруппы в русском языке выше, чем в английском (74,03% и 62,44% соответственно). В то же время в английском языке намного более ярко, чем в

русском, представлена подгруппа **Здания и помещения для жилья** – индекс ее яркости выше, чем в русском языке – 25,12% и 15,72% соответственно. Таким образом, можно отметить наличие **существенных** (11,59%) различий в показателях данного индекса для подгруппы **Здания и помещения для определённых целей и категорий лиц** и **заметных** расхождений, составляющих 9.4%, для подгруппы **Здания и помещения для жилья**.

В целом исследование тематических групп «Наименования зданий и помещений» в русском и английском языках показало, что в сравниваемых группах преобладают **существенные** и **заметные** национально-специфические различия. Этот факт, в соответствие с предложенной С.В. Колтаковой шкалой выраженности национальной специфики лексической группировки (Колтакова 2008), позволяет сделать вывод, что данные группы демонстрируют **ярко выраженную** национальную специфику.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004.
2. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.
3. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
4. Стернин И.А., Стернина М.А. Параметрический метод в сопоставительных исследованиях/ Сопоставительные исследования. – Воронеж: 2009, с.3-6.
5. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
6. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Раздел 3.

Сопоставительные исследования концептосфер

И.А. Барабушка, Н.В. Костенко

Национальная специфика фразеосочетаний как способа вербализации концепта «счастье»

(на материале английского, русского и французского языков)

В свете новой парадигмы научного знания, сложившейся относительно недавно, язык рассматривается как инструмент приобретения, хранения и передачи информации, тогда как лингвистику можно назвать одной из важнейших составляющих когнитивистики, объединяющей целый комплекс смежных дисциплин, изучающих человеческий разум и процесс познания. Среди форм репрезентации знаний, т.е. моделей, посредством которых знания «извне» структурируются и систематизируются в мозгу человека, одну из важнейших позиций занимает концепт – единица ментальных и психических ресурсов

нашего сознания, своеобразный «квант» структурированного знания (Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с.90).

Концепт значительно шире, чем лексическое значение. Значение слова или фразеосочетания представляет лишь один или несколько из аспектов концепта – многомерного этнопсихического образования. Концепт выступает мыслительным субстратом значения, на котором лингвокреативное мышление наращивает различные смыслы оценочного, эмотивного и экспрессивно-образного характера. Следует говорить не о подмене значения слова концептом, а о реализации в значении определенных признаков, образных потенций концепта (Карасик 1996). При восприятии значения «происходит обратный процесс его декодирования с целью «схватить» сущность выражаемого концепта. В этом отношении концепт может «подменять» значение, облегчая тем самым взаимопонимание общающихся, так как снимаются различия в понимании значения» (Алефиренко 2005, с. 63-64).

Термин «концепт» применим также к анализу фразеологизмов, при этом замена термина «понятие» на термин «концепт» не является произвольной, ибо концепт – это всегда структурированное знание. «Он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знаниями о сущности» (Телия 1996, с. 96). Таким образом, предметом внимания лингвистов в решении различных аспектов когнитивной фразеологии становятся процессы фразеологизации, связанные с семантическим преобразованием компонентов свободных словосочетаний, проблемы полевой организации лексико-фразеологических единиц, механизмы когнитивного моделирования и описания конкретных лексико-фразеологических полей.

Как правило, исследователи рассматривают лексико-семантический уровень репрезентации концептов. Известно, что чаще всего в языке концепт выражается словом (Воркачев 2004, с. 35; Вежбицкая 1997, с. 77-79; Арутюнова 1998, с. 543-640), которое получает статус имени концепта – языкового знака, передающего содержание концепта наиболее полно и адекватно. На соотношении концепта со словом основано составление словарей концептов (Степанов 2001). Вместе с тем, концепт может соотноситься более чем с одной лексической единицей и находить выражение с помощью разнородных синонимических (собственно лексических, фразеологических) единиц, описывающих его в языке.

Задачей данного исследования было выявление особенностей репрезентации в русском, английском и французском языках концептуальной сущности такой реалии из жизни человека как «счастье» с помощью фразеосочетаний, т.к. именно эти особенности несут в себе ценную этнокультурную информацию.

Источником фразеосочетаний и устойчивых коллокаций с компонентом «happy», существующих в английском языке, послужили Longman Language Activator и Oxford Collocations Dictionary for Students of English, во французском языке – словари Centre National de ressources Textuelles et Lexicales и Collins Français-Anglais Dictionnaire, в русском языке - Комплексный словарь русского языка под ред. А.Н. Тихонова и Большой русско-английский фразеологический словарь. Для каждого фразеосочетания был найден переводной эквивалент, наиболее полно передающий его смысл, а также была построена система межъязыковых соответствий в рамках всех трех языков исследования.

На основе результатов исследования были составлены таблицы межъязыковых соответствий фразеосочетаний, содержащих компонент «счастье, счастливый». В таблице 1 представлены:

- Фразеосочетания английского языка с компонентом «счастье, счастливый»
- Французские и русские переводные эквиваленты, а также толкование фразеосочетания, при условии, что в языке перевода нет адекватного словесного, идиоматического или понятийного эквивалента. Следует отметить, что в большинстве случаев толкование и переводной эквивалент совпадают.

Таблица 1.

Английский язык	Французский язык	Толкование	Русский язык
Future happiness	Bonheur futur	Будущее счастье	
Sigh with happiness	Pousser un soupir de bonheur	Счастливо вздохнуть	
Achieve happiness	Trouver son bonheur	Обрести счастье	
Sound happy	-----	По голосу казаться счастливым	Голос звенит от счастья
Happy camper	Heureux mortel	Человек, довольный жизнью и тем, что он делает	Счастливчик
Happy event	Nouveau-né	Рождение ребенка; новорожденный	-----
Happy slapping	-----	Хулиганское нападение на прохожего группой подростков, снятое на видеокамеру мобильного телефона	-----

В таблице 2 представлены фразеосочетания французского языка с компонентом «счастье, счастливый», не вошедшие в представленную выше таблицу, т.к. они являются национально-специфичными для данной культуры, и, как следствие, либо не имеют переводных эквивалентов в одном из языков исследования, либо при переводе теряют лексический компонент «счастье, счастливый». Этот факт служит прекрасной иллюстрацией того, что способы отражения действительности и концептуализации мира культурно обусловлены.

Таблица 2.

Французский язык	Английский язык	Толкование	Русский язык
Au petit bonheur	At random	Наудачу; наугад; без разбора, кое-как; стихийно	-----
Nager dans le bonheur	Be in perfect bliss, in the seventh heaven	Быть на верху блаженства	Быть на седьмом небе от счастья

Siroter le bonheur	-----	Справлять медовый месяц	-----
Chaîne du bonheur	Chain letter	Письма, рассылаемые по цепочке	"Письмо счастья"
L'heureux du jour	King for a day	Халиф на час	-----

Что же касается фразеосочетаний русского языка (Таблица 3), то оказалось, что, несмотря на довольно высокую степень сочетаемости лексем «счастье», «счастливый» (более 200 вариантов - см. Комплексный словарь русского языка – Тихонов 2005), большинство словарей выделяют лишь 16 фразеосочетаний с этими компонентами. Все они имеют эквиваленты, как в английском, так и во французском языках, например:

Таблица 3.

Русский язык	Английский язык	Французский язык
Не родись красив, а родись счастлив	It's luck, no looks, that counts	Bonheur passe mérite
Счастье твое, (что)...	(It's) lucky for you (that)... You are lucky (that)...	C'est une chance pour vous de ...
На счастье	For (good) luck; as a good-luck charm	En fait de bonheur
Баловень счастья	Child (darling, favourite, minion) of fortune; fortune's child (darling, favourite, minion)	Heureux mortel

В ходе проведения сопоставительного анализа русского, английского и французского языков были получены следующие результаты:

- 67% фразеосочетаний имеют почти полные соответствия во всех языках исследования
- 30% фразеосочетаний не имеют словесного, идиоматического, а иногда даже понятийного эквивалента (так называемые лакуны)
- Около 3% при переводе теряют лексическую составляющую выражения концепта «счастье», «счастливый»

На основании результатов анализа мы пришли к следующим выводам: несмотря на то, что многие фразеосочетания можно считать эквивалентными друг другу, английский концепт «happy», отражая состояние, близкое по значению к «рад, доволен, удовлетворен», несет менее сильную экспрессивную нагрузку, чем его русский эквивалент, описывающий эмоциональное состояние, сильно отклоняющееся от нормы.

С семантической точки зрения можно довольно четко проследить ряд основных смыслов, которые передаются в составе различных фразеосочетаний английского, французского и русского языков:

- счастливый, довольный, весёлый (*happy face, Air heureux*)
- приносящий счастье; удачный (*by happy coincidence / chance, Heureusement, par bonheur, par chance, по счастью*)
- благоприятный; подходящий (*happy marriage, Mariage heureux*)
- одержимый (*Trigger-happy*)

- желание что-либо сделать (*I'd be happy to show you around, Je suis heureux/ content/ bien aise de faire qch*)
- пожелание счастья, удачи (*Happy days! Bonne année*)
- пренебрежение к чему-либо (*Happy clapper*)
- вызывающий состояние алкогольного/наркотического опьянения (*happy juice, happy dust, happy pills*)
- судьба, участь (*It's luck, no looks, that counts, Bonheur passe mérite, He родись красив, а родись счастлив, баловень счастья*) и др.

Как показал анализ, большинство выявленных смыслов характерны для английского и французского языков. Часть из них чужеродна для русской культуры, в результате чего появляются языковые лакуны (например, «happy» в значении одержимости чем-либо (Trigger-happy)).

Во фразеосочетаниях русского языка отражены только 2 основных смысла:

- удача, везение
- судьба, участь

В русском языке «счастливый» объясняется преимущественно с позиции удачи, благополучия, то есть значений, не затрагивающих внутреннего состояния человека, что легко увидеть при переводе фразеосочетаний русского языка на один из языков исследования (английский – в 94% случаев используется компонент «*luck, lucky*», во французском же языке лексем, используемых для передачи данного смысла, больше – *bon, bonheur, chance, fortune*, etc).

Таким образом, проведенное исследование концепта «счастье», «счастливый» и особенностей его репрезентации на материале фразеосочетаний позволяет сделать вывод о том, что в русской, английской и французской лингвокультурах представления о счастье, характеризуются сложностью и многоплановостью. Они организуют жизненный мир человека, во многом определяют то, как он воспринимает окружающую действительность. Вместе с тем, представления о счастье выступают как оценочные суждения о жизни в целом: они формулируют цель существования, определяют критерии выбора образа жизни за пределами индивидуального бытия.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
4. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004.
5. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград, 1996.- С. 3-16.
6. Комплексный словарь русского языка /под ред. А.Н. Тихонова.— М., 2005.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 2001.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспект. – М., 1996.

Семантическая структура лексем «закон» и *das Gesetz* в свете когнитивного подхода

Сфера правовых отношений занимает одно из ключевых мест в жизни общества. Благодаря праву из хаоса межчеловеческих отношений возникает структурированное сообщество. Со временем право начинает регулировать не только межчеловеческие отношения, но и отношения между социальными коллективами, в последующем – государствами.

Право возникает из ритуала, который помогает упорядочить жизнь социального коллектива. В мифопоэтической традиции право понимается более широко, чем современная категория. На современном этапе обычай, ритуал, регулировавшие жизнь социального коллектива, вытесняются из сферы правовых отношений в сферу культуры. В праве господствующее положение занимает закон. Вместе с тем на уровне бытового сознания регулирующая функция обычая, ритуала, национально-культурной традиции не теряет своего значения, что находит отражение в языковой семантике.

Предметом нашего рассмотрения является семантическая структура ключевых для сферы правовых отношений лексем «закон» и *das Gesetz*, репрезентирующих некоторые важные культурно обусловленные особенности объективации концепта «закон» в русском и немецком языках. Анализ лексических средств позволяет обнаружить национальную специфику семантического «измерения» концепта в современном языковом сознании, а также особенности процессов концептуализации и категоризации в целом.

В русском языковом пространстве «закон» – явление многогранное.

Этимологически слово *за-кон* происходит от *кон* “начало” и “конец”, первоначально, вероятно, “кол, столб” (служащий для различных целей, например, как межа земельного участка или для коновязи).

На определенном историческом этапе наряду с лексемой «закон» употреблялось слово «покон», зафиксированное в «Русской Правде» и означавшее «обыкновение, обычай». Существование этого термина помогает представить картину древнейшего права, которое существовало не в силу постановлений государственной власти, закона, а по обычаю.

Анализ семантической структуры лексемы «закон» выявляет семемы различного статуса, свидетельствующие о разноформатных уровнях преломления концепта «закон» в русской языковой картине мира.

В современном русском языке лексема «закон» в статусе семемы абстрактного уровня, выражающего теоретическое знание, означает «связь и взаимосвязь каких-нибудь явлений действительности; необходимое и устойчивое отношение между явлениями»: *законы общественного развития, законы природы, закон сохранения энергии*.

На уровне специально-научного юридического знания реализуется значение «постановление государственной власти»: *кодекс законов о труде, соблюдать законы, согласно закону, согласно букве закона, по закону, в соответствии с законом*.

В сочетаниях *законы нравственности, неписанные законы* («сложившиеся нравственные устои, нормы») реализуется семема «общеобязательное и

непреложное правило»; аналогично в сочетании *закон Божий* (устар.) – «вероучение, свод правил какой-н. религии».

Значение «общеобязательное и непреложное правило, обычай» реализуется в сочетаниях *закон гор, закон джунглей* (заимств. из англ.яз.), приобретая статус коннотативного.

Вместе с тем паремиологические единицы, фиксирующие установки бытового сознания, представляют закон не только как незыблемое правило, стандарт, которому следуют, но и явление, с которым довольно свободно обращаются: *закон, что дышло: куда повернул (повернешь), туда и вышло*. Выделяется часть людей, которая не подчиняется закону: *дуракам закон не писан*.

Таким образом, в семантической структуре лексемы «закон» представлены различные уровни знания, отражающие особенности специально-научной трактовки и бытового восприятия концепта «закон».

В немецкой языковой картине мира на древнейшем этапе существования правовых отношений основными понятиями выступают мера, порядок и организация. Взаимоотношения членов общества регулируют установления, формирующиеся по образцу космогонического закона, управляющего Вселенной (Топорова 1994, с. 4). В немецкой, как и в русской правовой традиции, наряду с законом существует обычай (*die Sitte, der Brauch*).

Аналогично русской лексеме «закон» немецкая лексема *das Gesetz* означает «изданное государством правовое предписание»: *ein Gesetz beschließen* - принимать закон, *ein Gesetz auslegen* - толковать закон, *ein Gesetz einbringen* - вносить закон, *ein Gesetz erlassen* - издавать закон.

Общность семантического развития русской и немецкой лексем проявляется также по семемам «твердый принцип, который определяет положение или протекание какого-либо процесса» (*das Gesetz der Natur, Ohmsches Gesetz*) и «общеобязательное и непреложное правило» (*ein ungeschriebenes Gesetz*).

Аналогично русскому языку, немецкая лексема *das Gesetz* развивает коннотативную семему в заимствованном из английского языка выражении *das Gesetz des Dschungels*.

Характерным для русского и немецкого языкового сознания является использование пространственной метафоры как средства семантической репрезентации концепта «закон»: *быть вне закона; отношения, на которые распространяется данный закон; в рамках закона, im Rahmen des Gesetzes; преступить закон, das Gesetz übertreten; eine Lücke im Gesetz finden, найти брешь в законе; обойти закон и т.д.*

Как видно из данных примеров, общей для двух языков является метафора «предела», выражающая осуществляемую законом функцию упорядочивания, ограничения. Вместе с тем исследования культурологического плана выявляют нюансы семантики предела, определяющие национально-культурную специфику концепта «закон», представленного в русском национальном сознании. Так, по определению Ю.С.Степанова, «в русской культуре закон мыслится как “предел”, за которым лежит какая-то иная сфера жизни или духа. Взгляд “с той стороны этого предела” не обязательно преступный – вот, пожалуй, основная черта русского культурного концепта» (Степанов 2004, с.597).

Если специфика представленной выше пословично-образной оценки закона (*закон, что дышло...*) обусловлена экстралингвистически, доминантными

особенностями быта, то в последнем случае речь идет о чертах менталитета, сформированных под влиянием длительного социально-исторического и духовного опыта народа. Уровень обыденного языкового сознания ярко воплощает результаты освоения и осознания этого опыта.

Разноуровневые знания, представленные в семантической структуре лексем «закон» и *das Gesetz*, развертывают различные стороны содержания обозначаемого культурного концепта, высвечивая регулятивные функции национально-культурной традиции.

Когнитивно ориентированное описание языковой семантики выявляет значимость обращения к исследованию характера семантической репрезентации разноформатного знания, воплощенного в культурных концептах.

Литература

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2004.
2. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. – М., 1994.

А.Л. Великанова, С.А. Моисеева

Сопоставительное исследование концепта «возвышенность» во французском и русском языках

Понятие географического пространства является важной составляющей концептосферы языка. Средства объективации пространства отражают результаты формирования многих фундаментальных концептов в сознании человека (Корнева 2006, с. 16). Фрагмент концептуальной картины мира (ККМ), соотносящийся с рельефом, включает в себя когнитивные структуры, отображающие представление народа о пространственно-географических компонентах организации объектов окружающего мира. В данной статье исследуются лексические обозначения элемента рельефа *возвышенность* во французском и русском языках с целью выявления особенностей их концептуального содержания. Структура номинативных полей концепта *возвышенность* в русском и французском языках не обнаруживает принципиальных отличий. При изучении пространственной лексической репрезентации концептов во внимание берутся признаки «горизонталь» и «вертикаль», именно последний формирует информационный компонент рассматриваемого концепта. Особенности вербализованной части концепта *возвышенность*, '*hauteur*' (f), '*élévation*' (f) во многом характеризуются экстралингвистическими факторами вследствие её устойчивости, обусловленной связью с освоением человеком окружающей его природы. В группе *возвышенность* были выделены следующие подгруппы: 1) незначительное повышение поверхности земли, 2) обширное, но незначительное ее повышение, 2) высокое пространство.

Денотатом конститuentов группы *незначительное повышение* являются элементы рельефа, занимающие малую площадь, как, например, холмы, номинируемые во французском языке единицами *tertre* (m), *colline* (f), *monticule* (m), *mamelon* (m), *butte* (f), *coteau* (m), *éminence* (f). Лексическая единица (ЛЕ) *monticule* носит обобщённый характер и в словаре *Petit Robert* определяется как *petite montagne* (PR 1992, p. 1225). Инвариантной для единиц *colline*, *tertre* и

coteau выступает сема *небольшая возвышенность со сглаженной вершиной*. Лексема *tertre* обозначает небольшой холм и содержит семантический компонент *пригорок*. Микроконцепт *colline* отождествляется в сознании французов с небольшой горой; признаком меньшей высоты обладает ЛЕ *coteau*, определяемая как *petite colline*. Значение лексемы *éminence* конкретизируется семой *изолированное положение*. Особый вид холма (географическая реалья Руссильона) с семами *каменистое образование* и *расположение у подножия горы*, представлен в языке лексемой *aspre* (f), лакунарной в русском языке. Лексема *vallonement* (m) отличается признаком *обширность*, номинируя тип ландшафта: холмистая местность. Отметим, что в русском языке определяющими информационное содержание признаками являются *небольшая возвышенность* и *наличие сглаженной вершины*, во французском – *небольшая гора* и *наличие сглаженной вершины*, т.е. образ концепта связан с визуальными ощущениями человека и складывается в сознании русских из представлений о возвышенности в целом, а у французов – о горе, возвышенности, характерной наличием вершины. Элементы, дополняющие информационное содержание концепта, формируют его интерпретационное поле, в котором выделяют оценочную, энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, социально-культурную, паремиологическую зоны (Попова 2006, с. 78). В основе образного компонента макроконцепта *возвышенность* лежат визуальные ощущения, связанные со зрительным восприятием исследуемых объектов. Как показал анализ семантических компонентов ЛЕ, используемых для номинации холма, в обоих языках преобладающей в интерпретационном поле концепта является энциклопедическая зона. К её признакам относятся: *положение, происхождение, площадь, размер*. Семы, отображающие представление французов об элементе рельефа *холм*, могут быть связаны и с прагматическим отношением человека к денотату концепта, указывая на объективацию признаков утилитарной зоны. Для следующего типа объекта признаками, составляющими информационное содержание соответствующего концепта, являются *песчаное возвышение*, вербализующееся единицами *grève* (f), *dune* (f), *nebk(h)a* (f) с признаками *местонахождение вокруг преграды в пустыне*, что характерно для возвышения, обозначаемого географическим термином *nebk(h)a* - 'небка'; признак *способность перемещаться*, реализуемый существительным *dune*, и *прибрежное положение*, свойственный ЛЕ *grève*. Песчаные дюны - *dunes continentales* по признаку *расположение* относятся к пустыням, им в русском языке соответствует лишь одна ЛЕ 'дюна' (НФРС 2005, с. 347, 500, 703). Интерпретационное поле концепта *песчаная возвышенность* представлено признаками энциклопедической зоны, классификатором *месторасположение*, более конкретным во французском языке в связи с обозначением наличия или отсутствия способности перемещаться и присутствия определенных объектов. Во французском языке существуют также наименования каменистых возвышенностей, представленных в Сахаре и называемых *hamada* (f) и *gour* (m).

Группа *обширное, но незначительное повышение* предполагает наличие более масштабных объектов рельефа. Вербализации данного концепта объективируют как свойство горизонтали, так и периферии, связанные с *местонахождением*. Информационное содержание этого концепта соответствует лексическому значению единицы *plateau* (m) - 'плато' (НФРС 2005, с. 803), т.е. возвышенная равнина, и выражается признаками *большая протяжённость* и *ровная*

поверхность, которые также представляют перцептивный образ. Этот концепт номинируется следующими субстантивными единицами: *tassili* (m), *causse* (m) - 'косс', *mesa* (f) - 'меса'. Слово *mesa*, заимствованное из испанского языка, номинирует плато, образованное лавой после вулканического извержения, представляя как в русском, так и во французском языках геологический термин. В русском более актуализирована лексема *плоскогорье*, дифференцируемая по признакам *большой масштаб* и *наличие плоских вершин* (см., например, Среднесибирское плоскогорье). Географический термин *tassili*, лакунарный в русском языке, объективирует признаки *образованное песчаником, в виде крутого обрыва, местонахождение* в Северной Сахаре. Лексема *causse* реализует сему *известняковые отложения*, обозначая конкретный вид плато – *косс* (Choix de lectures...1971, p. 32). В России соответствующая реалья отсутствует. Признаки, определяющие разновидности плато, а также *происхождение, структура* относятся к энциклопедической зоне, признаки *доступность для использования и обитания* – к утилитарной и регулятивной.

Большая часть когнитивных признаков концепта *высокое пространство* соотносится с максимальными показателями высоты, наиболее полно объективируя когнитивный классификационный признак *вертикаль*. Наиболее коммуникативно релевантными как в русском, так и во французском языке являются общие номинации гор и горных хребтов: *montagne* - 'гора', *mont* (m). ЛЕ, обозначающая ещё большее возвышение, *crête* (m) - 'горный выступ' (лакуна в русском языке) и *chaîne* (f) *de montagnes* - 'горный хребет' (НФРС 2005, с. 174, 255, 683), участвуют в создании зрительного образа. Содержание метафорического образа ЛЕ *гора* связано с ее свойствами как географического объекта и как места, а также с наличием определённых элементов, формирующих целостное представление о ней. В Северной Африке существует своё наименование горы – *djebel* (m), вошедшее во французский язык как заимствование. Во французском языке выделяются национально специфические элементы номинаций высоких пространств: так единица *riu* (m) служит для обозначения горы в Центральном массиве. Образ гор в сознании французов связан с Альпами, что выражается в вербализации этого понятия лексемой *les monts*. Среди разновидностей гор выделяют *пики* с наличием остроконечной вершины, *pic* (m) и *piton* (m), причём последняя единица содержит дифференциальную сему *изолированное положение*.

В группе *высокое пространство* выделяется тип возвышенности, основным дифференциальным признаком которого является *коническая форма*, например, вулкан, '*volcan*' (m), объект, имеющий в своём строении вулканический конус - '*cône de volcan*' (БРФС 2005, с. 62). Грязевой вулкан во французском языке номинируется лексемой *salse* (f), 'сальса' (Скиннер и др. 1999, с. 56). Значительная часть признаков информационного содержания концепта *высокое пространство* во французском и русском языках реализуется существительными *montagne* 'гора', представленной семами: *сильное возвышение* и *обширность*. Важное значение в содержании соответствующего концепта имеет утилитарная зона интерпретационного поля, объективируемая признаками, связанными с жизнедеятельностью человека, причём более высокая степень признаков детализации отмечается во французском языке. Когнитивные классификационные признаки этого концепта: *высота, принадлежность к суше/дну океана, моря*, указывают на соотнесённость с регулятивной зоной, т.е.

преодолением опасных препятствий и опасностью для жизни различных организмов. Энциклопедическая зона реализуется признаками *протяжённость, принадлежность к определённым горным системам, структура, угол уклона, форма вершины*, последние два признака более актуализированы во французском фрагменте рассматриваемой концептосферы. Будучи коммуникативно релевантным и характеризуясь денотативной представленностью на территории Франции, концепт *гора*, обладающий семами, характеризующими обращённость склонов к солнцу, форму вершины, особенности подножия гор, включает в себя и элементы оценочной зоны.

Концепт, формируемый понятием о скале, утёсе, во французском языке объективируется синонимическими ЛЕ *roc* (m), *roche* (f), *rocher* (m), *falaise* (f), *nunatak* (m). Отличительные характеристики лексемы *roc* – *массивность, горная порода, откос*, которые выступают в качестве центральных сем при семантическом описании. Дифференциация этих ЛЕ осуществляется по признаку *береговое положение* и *морское происхождение*. Наиболее близки к ним *roc* и *rocher*, объединяемые по признаку *крупное каменистое отложение*. Наименее близкими по своему компонентному составу являются *roche* и *rocher*, для которых минеральная составляющая является дифференциальной семой. Существительное *nunatak* вербализует видовое понятие, обозначая ледниковую скалу с наличием ледниковой шапки (щита) – ‘*calotte glacière*’. Разновидностью подводных скал является ЛЕ *étoc* (m), лакунарная в русском языке и дифференцируемая по признаку *прибрежное положение* и *выступ при отливе*. Таким образом, к признакам информационного компонента концепта *скала* относятся *горная порода* и *массивность*. Конкретизирующим свойством обладают семы *происхождение, строение, месторасположение*, они реализуют энциклопедическую зону, являющуюся более содержательной в соответствующем фрагменте французской концептосферы, что подтверждается чёткой дифференциацией видов скал.

Итак, номинативное поле концепта *возвышенность* в русском не обнаруживает принципиальных различий по сравнению с французским языком, но исследуемая лексическая группировка во французском языке является более многочисленной по составу, что свидетельствует о том, что исследуемый концепт является более разработанным и более значимым во французской лингвокультуре. Семантика лексем, репрезентирующих фрагмент соответствующей концептосферы в обоих языках является достаточно ёмкой, но в ней наблюдаются некоторые различия в трактовке микроконцептов носителями языка.

Литература

1. Корнева В.В. Ландшафтная лексика в языковом сознании этноса (по данным ассоциативного словаря) // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2006. – №1. – С. 16 – 23.
2. Попова З.Д. Когнитивно-семантический анализ языка. – Воронеж, 2006.
3. Скиннер М., Редферн Д., Фармер Дж. География. А – Я: Словарь-справочник. – М., 1999.
4. БРФС – Большой русско-французский словарь / Л.В. Щерба, И.И. Матусевич, С.А. Никитина и др. – М., 2005.
5. НФРС – Новый французско-русский словарь/В.Г. Гак, К.А. Ганшина, – 10-е изд. – М., 2005..
6. Choix de lectures sur la géographie de la France. – Ecole Supérieure. – М., 1971.

7. PR – Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le petit Robert. P., 1992.

О.М. Воевудская

Авторские интерпретации как источник лексикографического описания языка (на примере концепта ОГОНЬ в русском и английском языках)

Мир постоянно меняется, вместе с ним меняется и язык: появляются новые имена для новых предметов и явлений, у одного и того же имени возникают новые значения. Ведется непрерывная лексикографическая работа по составлению новых словарей или приложений к уже существующим. Чтобы внести изменения в словарь, лексикографам приходится просматривать огромное количество художественных и публицистических произведений, научной литературы, фиксируя новые значения.

Приводимые ниже данные представляют собой результат исследования авторских интерпретаций концепта ОГОНЬ в русском и английском языках с целью выявления новых точек зрения на уже известное явление. Был рассмотрен корпус авторских высказываний писателей и публицистов XIX-XXI веков, взятый из национальных корпусов русского и английского языков (www.ruscorpora.ru и www.natcorp.ox.ac.uk). Традиционные авторские трактовки, совпадающие с дефинициями, закрепленными в авторитетных русских и английских словарях, не были включены в данный анализ.

Так, в словарях русского языка встречаются следующие значения лексемы, репрезентирующей концепт ОГОНЬ: 1) раскаленные светящиеся газы, отделяющиеся от горящих предметов, 2) свет осветительных приборов, 3) светящийся предмет, пятно свет, 4) стрельба ружейная или артиллерийская, 5) страстность, живость, душевный подъем, 6) о горячем, пылком человеке, 7) разгоряченное, лихорадочное состояние, 8) чувство, с силой охватившее кого-либо, овладевшее кем-либо, 9) блеск глаз.

Зафиксированные в национальном корпусе русского языка нетрадиционные, авторские интерпретации можно распределить по следующим семантическим группам:

1. Рыжий цвет (о волосах)

*Меж стволами то здесь, то там мелькал **огонь** ее рыжих волос. (А. Ходасевич. Младенчество)*

2. Чувство жжения

*Во рту горел **огонь** после солёной красной икры и сёмги, мы утоляли жажду чаем. (М. Булгаков. Театральный роман)*

3. Бензин, мазут

*- Эй, боец с лопатой, - крикнул начальник инженерной службы генерал Ткаченко, - прокопайте скоренько тут канавку, а то ещё потечёт **огонь** с той горки! (В. Гроссман. Жизнь и судьба)*

4. Лава

*По дороге к золотым воротам Рима, - а может быть, разрушенных землетрясениями в те дни, когда вдруг просыпалась Этна, извергая из своих семи кратеров **огонь** и дым и швыряя в небо раскалённые каменные бомбы, заставляя*

трескаться землю, обжигая виноградники и обволакивая остров клубами сернистых газов, озарёнными снизу отсветами преисподней. (В. Катаев. Алмазный мой венец)

5. Закат

Дорога летела с холма на холм, всякий раз предъявляя новые богатства, разбросанные вокруг, и глаз уже привыкал к этому блеску и жару, - как вдруг горизонт распахнулся настезь, чтобы открыть огромное пространство, перевязанное поблескивающей лентой неправдоподобно синей и широкой Оки, сгустившей вокруг себя весь **огонь** и сияние медленной и роскошной смерти. (А. Волос. Недвижимость)

6. Румянец

Юра видел, что щеки у Жени тоже пылают, как будто **огонь** горит не снаружи, а у нее внутри. (А. Берсенева. Возраст третьей любви)

7. Боль

Я схватил её за шею, и тут же ослепительный **огонь** вывернул глаза, растянул их до ушей. (Ю. Коваль. Гроза над картофельным полем)

8. Громкое, страстное пение

Весеннее солнце дробится в глазах, в канавы ныряет и зайчиком пляшет, на Трубную выйдешь - и громом в ушах **огонь** соловьиный тебя ошарашит... (В. Катаев. Алмазный мой венец)

Таким образом, русские писатели обратили внимание на:

- природную сущность огня: это и огненно-красный **закат**, и нечто, что может приобретать свойства воды, становясь текучим и жидким, например, **лава**;
- неразрывную связь между человеком и огнем; так, **огонь** может быть **румянцем** на девичьей щеке или **волосами** огненно-рыжего цвета, ассоциироваться с **чувством жжения**, испытываемым человеком после приема острой пищи, или с **сильной болью**, разливающейся по всему телу, т.е. отражать какие-то физические и физиологические параметры состояния человека;
- стихийную, не поддающуюся контролю природу огня; в данном случае автор сравнил **огонь** со **страстным пением соловья**.

Что касается английского языка, то в большинстве лексикографических источников зафиксированы следующие дефиниции лексемы, репрезентирующей концепт ОГОНЬ: 1) fire is an occurrence of uncontrolled burning which destroys buildings, forests, crops, 2) burning material used to heat a room, cook food etc, or get rid of things you do not want, 3) a gas or electrical apparatus for warming a room, 4) shots from guns, 5) strong criticisms, 6) energy and enthusiasm, 7) liveliness of imagination or fancy, 8) intense love or hate, passion, 9) the heating powers of a substance (as liquor), 10) fever or inflammation esp. from a disease .

Взятые из национального корпусов английского языка авторские интерпретации концепта FIRE условно можно распределить по нескольким семантическим группам:

1. Светящаяся точка, пятно света

As he watched he saw, high above his own aircraft, a small pinpoint of red **fire** moving through the band of stars, heading the same way as he. (F. Forsyth. The Negotiator)

2. Заря, восход или закат солнца

Beyond the flour mill, the rim of the horizon was on **fire**; mynahs and parakeets were calling to roost. (W. Dalrymple. City of Djinns)

3. Краска стыда, румянец

"I have not hooked Nathan Bryce"; she snapped, her cheeks on **fire** as a kaleidoscope of images whirled through her brain. (D. James. Bay of Rainbows)

4. Блеск глаз

*But as night came, the girl's nervous excitement increased and even Sikes was alarmed by the paleness in her cheeks and the **fire** in her eyes. (Ch. Dickens. Oliver Twist)*

5. Угроза во взгляде

*So it was now, in his own parlour, with these women twisting in their chairs under his gaze, lighting cigarettes, blowing smoke, touching their sun-fired hair and examining their blazing fingernails as if they had caught **fire** from his look. (R. Bradbury. Fahrenheit 451)*

6. Боль

*Patrick was just about to ask what she was going to do when he felt something cold touch his scalp and then it was as if his head had caught **fire**. (A. Dillon. Another Time, Another Season)*

7. Средство для уничтожения духовных ценностей

*Montag gazed beyond them to the wall with the typed lists of a million forbidden books. Their names leapt in **fire**, burning down the years under his axe and his hose which sprayed not water but kerosene. (R. Bradbury. Fahrenheit 451)*

8. Чувство собственного достоинства, честь

*Er and that's one thing that stands out in my, of course he died, but the point is at least he died with a **fire**. (J. Bow Jane's Journey)*

9. Жизнь, смысл жизни

*What is it that breathes **fire** into the equations and makes a universe for them to describe... (S. Hawkings. A Brief History of Time)*

10. Поле битвы

*Any of a thousand princes who had crawled away from the **fire** to shed their blood and start a legend... (R. Holdstock. Lavondyss)*

11. Метеорит, комета, сгусток газа

*According to him the universe sprang from **fire** and will end in **fire**. (G.J. Whitrow. Time in History)*

12. Свет или сияние, исходящие от какого-то объекта

*Within this ancient pyramid the eternal **fire** of the phoenix burns. (B. King, A. Chambers. High Elves)*

13. Блеск волос

*Theda shook her head a little, sending the **fire** rippling down the tresses, and looked away. (E. Bailey. Hidden Flame)*

14. Треск пламени

*Beatty opening a fresh tobacco packet, crumpling the cellophane into a sound of **fire**. (R. Bradbury. Fahrenheit 451)*

13. Вражда

*That day in the park when we sat together, I knew that some day you might drop by, with **fire** or friendship, it was hard to guess. (R. Bradbury. Fahrenheit 451)*

14. Революция, восстание

*"Can't trust people, that's the dirty part. You and I and who else will set the **fires**?" (R. Bradbury. Fahrenheit 451)*

15. Лава

*The whole world pouring down. The **fire** gushing up in a volcano. All rushing on down around in a spouting roar and rivering stream toward morning. (R. Bradbury. Fahrenheit 451)*

16. Зажигалка

*He pulled out his igniter, felt the salamander etched on its silver disc, gave it a flick... Two moonstones looked up at him in the light of his small hand-held **fire**. (R. Bradbury. Fahrenheit 451)*

17. Чувство наслаждения

*The touch of his fingers set every nerve-ending on **fire**. (J. Evans. A Dangerous Diagnosis)*

18. Блеск, великолепие

*If she had not quite the **fire** and the golden glow of her ancestors, nobody remarked it.*
(B. Wood. *The Lost Prince*)

Таким образом, рассмотрев употребления лексемы FIRE англоязычными писателями, можно сделать вывод о том, что авторские трактовки позволяют посмотреть на данный феномен с новой точки зрения, придавая рассматриваемому концепту более широкое значение:

- Огонь как оружие, средство уничтожения духовных ценностей; в данном случае огонь является символом власти, орудием правосудия и кары.

- Огонь выступает в роли небесных тел, он может быть сгустком газа, метеоритом, с помощью которого зародилась Вселенная. С одной стороны, огонь предстает в материальном воплощении, с другой стороны, олицетворяет божественное начало, являясь источником жизни.

- Некоторые авторы проводят параллели между физиологическим состоянием человека и огнем. Так, через лексему FIRE обозначается румянец, сияние и блеск здоровых волос. С другой стороны – болезнь, лихорадка или боль, испытываемая человеком.

- В сознании англоговорящих авторов отражается негативная, разрушающая сила огня: так, лексема FIRE используется для обозначения войны, восстания, революции, поля битвы.

- Восприятие ОГНЯ как нечто одушевленного, живого находит свое отражение через отождествление его с блеском, великолепием, а также чувством чести и достоинства, потому что человек издревле поклонялся, уважал и восхищался силой и могуществом огня.

- В авторских интерпретациях нашла свое выражение естественная, природная сущности огня. Огонь в природе существует в различных и достаточно необычных формах, что дало некоторым авторам основание для сравнения ОГНЯ с извергающейся лавой и огненно-красным закатом.

Анализ авторских интерпретаций лексем ОГОНЬ и FIRE дает основания считать, через какое-то время некоторые из авторских интерпретаций, благодаря их частому употреблению и установлению стойких ассоциаций, будут зафиксированы в словарях и станут общепринятыми.

М.В. Долгова

Русская «коммуналка» как лакуна в «картине мира» английского языка

Настоящая статья посвящена проблеме несовпадений в «картинах мира» двух неродственных языков – русского и английского, когда конкретная образная составляющая одной из них (назовем эту составляющую типизированным представлением) – выявляет лакуну в «галерее» ментальных репрезентаций, которые объективируются средствами другого языка.

Под типизированными представлениями понимаются сформированные в нашем сознании и «языковленные» стереотипные образы предметов и явлений в их обобщенном (упрощенном) и эмоционально окрашенном формате (Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 177).

Необходимо отметить, что типизированные представления часто являются культурно-маркированными сущностями, так как отражают условия бытования

того или иного народа, а, следовательно, и национальные особенности менталитета отдельно взятого лингвокультурного социума.

Из всего многообразия стереотипных представлений остановимся на представлениях о социально-значимых объектах, существующих в виде пространств, а значит – занятых кем-то или чем-то местах, в которых что-либо происходит, совершается, осуществляется. По уточнению А.В. Кравченко, пространство выступает не просто в качестве вместилища объектов, оно конструируется ими; пространство всегда заполнено и всегда вечно, вне вещей оно не существует (Кравченко 1996, с.45).

Когда мы говорим о социально-значимых реалиях, объектах пространственного типа, мыслится, что тот или иной локус (от лат. “locus” – место) не просто выступает на фоне неких «вещных декораций», – он является еще и «очеловеченным», т. е. функционально предназначенным для определенного вида человеческой деятельности.

Сказанное выше приводит к выводу о том, что «социализированное» пространство объективируется в сознании в виде знакомой нам модели – фрейма как особой структуры представления знаний. Напомним, что фреймовая структура подразумевает комплексное видение ситуации. Это своего рода рамка, в которую сводится все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств (Бабушкин 1996, с. 55). Попадая в поле зрения, одна или несколько ключевых деталей способны пробудить в сознании образ места в целом. Типизированные представления о соответствующем локусе будут реализовываться в форме своеобразной «объемной картинки», обладающей признаками, которые известны всем или большинству представителей данного лингвокультурного сообщества.

С приведенных выше позиций обратимся к конкретным примерам, а именно контекстуальному анализу лексем, в словарных определениях которых содержится указание на «место» или «пространство».

В рамках настоящей статьи остановимся на таком слове русского языка как «квартира».

По толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «квартира» - жилищное помещение в доме, имеющее отдельный вход, обычно с кухней и передней. В свою очередь родовое понятие «помещение» трактуется как «внутренность здания, место, где кто- что-нибудь помещается (жилое помещение)»(Ожегов, Шведова 2004).

Считаем невыполнимой задачей представить «квартиру – вообще», хотя возможно, например, воспроизвести в мыслях типичную коммунальную квартиру – феномен недалекого прошлого нашей страны и, к сожалению, ее настоящего (особенно в больших городах).

Рассмотрим фрагменты художественных текстов, включающих слово «коммуналка» (сокращение от простонародного выражения «коммунальная квартира»).

1) *Это были 5-6-комнатные квартиры с общей кухней и санблоком и умывальником в каждой комнате. В каждой комнате — одна молодая семья. Типичная коммуналка! Все-таки лучше, чем комната в бараке* (Д. Фейгин. На те же грабли);

2) *Типичная коммуналка тех лет, почти по классике – " ...на двадцать комнаток – одна уборная...", население – в основном бабушки-одуванчики* (http://club.ifmo.ru/list_answer/438/90/);

Количество комнат в коммуналке, возраст и пол населяющих ее людей – величины переменные, но антураж описываемых квартир весьма узнаваем даже без указаний на их типичность. Каждый последующий пример вносит свой вклад – новую деталь, обогащающую фреймовую структуру, которая «считывается» сознанием при объективации слова «коммуналка»:

3) *Типичная московская коммуналка вмещает в среднем пять-шесть, случается и до десяти семей. Над почтовым ящиком у входа привинчена пожелтевшая от времени табличка. В нашу комнату положено звонить четыре раза («К.П.», 14. 10. 2009).*

Табличка у входа в коммунальную квартиру с информацией о количестве звонков к жильцам той или иной комнаты в коммуналке включается в типизированное представление о ней (по числу звонков жильцы общей квартиры определяют, кому открывать входную дверь, когда к ним приходят посетители). Еще один признак коммунальной квартиры – длинный общий коридор, по обеим сторонам которого размещаются комнаты:

4) *Дверь открылась, как всегда. Сначала наружная, затем внутренняя. Дальше – длинный коридор-прихожая; двери в комнаты с замками куда лучшими, чем на входной. Типичная коммуналка (Е. Борисов. Это все);*

5) *<...> в полумраке общего коридора веревки с развешанным для просушки бельем <...>, а на плите постоянно что-то кипит ("День");*

Вещи, загромождающие «длинный коридор», – еще один признак коммунальной квартиры:

7) *Лампа горит тускло. Типичная питерская коммуналка. Длинный коридор с облупившимися стенами, висящий под потолком велосипед, вешалки с верхней одеждой, какое-то барахло вдоль стены (Б. Корнилов. Утро);*

8) *<...> настоящая коммуналка, с велосипедами и корытами по стенам... (А. Кабаков. Считается побег).*

Именно подвешенные велосипеды и детские ванночки на стенах общего коридора «оживают» в кинолентах в стиле «ретро», делающих «экранные» коммуналки узнаваемыми.

Отметим, что понятие «коммунальная квартира» - это порождение быта наших соотечественников, и в англоязычной культуре рассматривается, прежде всего, именно как реалья советской действительности:

1) *The two women meet in a shabby flat inhabited by several families, the most typical of Soviet environments, one preserving shreds of old Russian tradition (Tomas Venclova. Poetry and Remembrance);*

2) *After the 1917 revolution, most urban housing was nationalized and the "communal" apartment was born. A flat in which an entire family would inhabit each room, the kommunal'ka often brought together dozens to share a single kitchen, toilet, bath and telephone (Dan Healey. Carving Privacy From Communal Space).*

Даже при подробном описании на английском языке, феномен «коммуналки» остается непонятным для представителей других лингвокультурных сообществ. Возникает вопрос, почему такая квартира не имеет владельца, сдающего свободные комнаты внаем (Микулина 1981, с. 79). В этой связи, сочетание «a communal flat» у тех, для кого родным языком является английский, способно

вызвать недоумение. И, хотя выявляемая лакуна в отдельных случаях восполняется средствами «чужого языка» согласно стандартным представлениям его носителей, казусы восприятия почти неизбежны. Так, в книге М. Артемьева «Прощайте, Толстой и СССР!» читаем: *«Как-то, поясняя американским студентам реалии советского коммунального быта, <...> он (профессор Л. Лосев) два часа объяснял им, как устроена типичная коммуналка, даже начертил мелом схему на доске. И в первом же сочинении американской студентки он прочитал: «С папой, мамой и братьями мы ютимся в коммунальной квартире. Гостиная и кухня у нас на первом этаже, а наши спальни на втором...».*

Таким образом, типизированные представления о «коммуналке» рассматриваются нами как атрибуты русского национального сознания. В плане содержания английского языка «коммуналка» формирует «пробел», «нишу», «белое пятно» – так в литературе метафорически именуют семантическую лакуну.

Литература

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
2. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 1996.
3. Краткий словарь когнитивных терминов – М., 1996.
4. Микулина Л. Национально-культурная специфика и перевод// Мастерство перевода. Сборник двенадцатый. 1979. – М., 1981. – С. 79 - 99.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М., 2004.

А.И. Звягина

Роль метафоры в формировании концепта «транспорт» в русском и английском языках

Л.Л. Нелюбин писал, что метафора – это языковой феномен, которому соответствует некая модель действительности, определяемая мышлением человека и влияющая на выбор альтернатив в процессе принятия решений (Нелюбин 2003, с.109). Различия в картине мира, формируемые метафорами разных языков, коррелируют со структурой мышления и способом познания мира. Они также отражаются на различии в репрезентации одних явлений по отношению к другим явлениями действительности.

В данной статье речь пойдет о метафорах транспортного дискурса (далее – ТД), где, как показывает проведенное исследование, метафора играет важную роль среди используемых коммуникантами разнообразных языковых средств и активно участвует в формировании концепта «транспорт». При этом сопоставление метафор, используемых в русском и английском языках, позволяет выявить как универсальные черты, так и культурно-национальные особенности.

И в русском, и в английском языках метафоры выступают в качестве структуры, моделирующей функционирование транспортных систем через концепты, отражающие обычные для человека явления и объекты окружающего мира: «транспортные сады», «транспортный поток», «транспортная операция»,

«автомобильный секонд-хэнд», «автомобильная пробка», «автомобильный поезд», «лоб паровоза», «веерное расписание», «рельсовая пушка», «рельсовая война», «рельсовый башмак», «головка рельса», «тело рельса», «двуглавый рельс», «хвост поезда», «голова поезда», «железнодорожная ветка», «листовая пружина», «земляное полотно»; «auto enthusiast», «auto graveyard», «arm of wheel», «rail bottleneck», «rail foot», «rail fork», «rail tongue», «rail yard», «railbird», «railroad ton», «dry port», «green car», «kneeling bus».

Метафоры предстают как способ обработки и кодирования информации, имеющий в своей основе установление различного рода подобий. При установлении такого рода подобий происходит не переименование понятийных полей, а своеобразное сканирование одного концептуального поля в другое. Такие метафоры описаны Дж. Лакоффом и М. Джонсоном как концептуальные метафоры (Lakoff, Johnson 2003, с.210), представляющие собой информацию, закрепленную в образах. В русских и английских метафорах ТД эти образы могут совпадать полностью, относительно, либо различаться.

Сопоставим некоторые метафоры, обозначающие аналогичные объекты: «тело рельса» – rail, «транспортный поток» – traffic flow, «автомобильная пробка» – traffic jam, «лоб паровоза» – train head, «рельсовая пушка» – rail accelerator, «рельсовый башмак» – rail shoe, «головка рельса» – rail head / top, «двуглавый рельс» – bullheaded rail, «железнодорожная ветка» – railway line, «земляное полотно» – road bed. Мы видим, что метафоры ТД основаны не просто на мгновенной узнаваемости, но на более глубокой составляющей данных явлений

Различия в стиле мышления и особенности менталитета коммуникантов становятся причиной несовпадений при выборе источника метафоры, вербализующей одно и то же явление в русском и английском языках. Приведем в качестве примера фрагмент статьи из американской газеты The Sun Day Times (2008 г.):

If anyone has seen one of these big, mainline steam locomotives in excursion service (such as former Southern Pacific 4449 or one of Union Pacific's two big steam engines), then the impression of immense power as one of these behemoths blasts by at 60 mph is obvious. And when it's gone - it's gone!

Сопоставив коммуникативные функции метафоры «behemoths» в привязке к транспортному термину «train» мы видим, что данная метафора не характерна для русской картины мира, в которой поезд скорее может ассоциироваться со змеей, птицей, динозавром и даже крокодилом. Можно сказать, что приведенный пример выражает закрепившийся в результате метафоризации концепт, основанный на подобии между структурой и функцией поезда.

Сравнительный анализ метафор русского и английского языков показывает, что несовпадения в культурных картинах мира в некоторых случаях могут почти полностью нивелировать метафору ТД при переводе. Так, словосочетание «автомобильная пробка», где автомобильный затор метафоризируется при помощи существительного «пробка», (а дорога соответственно негласно превращается в бутылку, из которой, словно вода, пытаются просочиться автомобили), может передаваться на английский язык метафорами «traffic block / jam / congestion/ pile-up». При сопоставлении данных метафор видно, как проявилась та разница в картинах мира русскоговорящих и англоговорящих коммуникантов, которая и становится причиной изменения механизма

метафоризации. В английском варианте видна корреляция с хаотичностью, перенасыщенностью, скоплением, заклиниванием, нагромождением и давкой. Русская метафора «автомобильная пробка» скорее наталкивает на мысль о прямом и очень плотном заторе.

Широкое использование метафоризированной транспортной лексики в некоторых случаях может вызвать скептические возражения, но в тоже время такая лексика помогает завоевать внимание и в полной мере донести информацию до коммуниканта. Метафоры, устанавливая различного рода подобия, представляют информацию инновационным способом, заставляя по-новому интерпретировать явления, ими обозначаемые.

Итак, можно сказать, что метафора ТД вносит в обозначение характеристик транспортных систем и транспортных русского и английского языков средств новые яркие краски, способствуя языковому оформлению концепта «транспорт».

Литература

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago, 2003
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М., 2003.

Е.В. Зилова

Исследование концепта «благополучие» /«prosperity» в русской, британской и американской лингвокультурах (на материале ассоциативного эксперимента)

Каждая языковая культура обладает собственными специфическими особенностями, которые отделяют ее от других культур, и определенными чертами, которые сближают ее с другими культурами. Исследование национальной концептосферы является одним из способов выявить уникальность и универсальность данной культуры.

Данная статья ставит своей целью рассмотреть концепт «благополучие» /«prosperity» в русской, британской и американской лингвокультурах для выявления их специфики. Чтобы сопоставить особенности русского, британского и американского мировосприятия, мы сочли целесообразным прибегнуть к свободному ассоциативному эксперименту, который в настоящее время является одной из часто используемых и «работающих» методик при изучении языкового сознания. Поскольку, изучая ассоциации информантов, мы, таким образом, апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики, то данные, полученные в результате проведенного эксперимента, могут быть интерпретированы как отражение сознания англоязычной и русскоязычной наций и дают возможность достаточно полно определить специфику образов сознания носителей культур.

В результате ассоциативного эксперимента предполагается выяснить специфическую структуру исследуемого концепта, глубинные связи и отношения, которые складываются у человека через речь и мышление и могут быть обнаружены через анализ ассоциативных связей слова.

Процедура ассоциативного эксперимента заключалась в следующем: мы обратились к представителям русской, британской и американской лингвокультур с просьбой ответить первыми, приходящими в голову, словами на предъявленное слово-стимул БЛАГОПОЛУЧИЕ и PROSPERITY

соответственно. В эксперименте принимали участие 300 человек -100 русских, 100 британцев и 100 американцев. В эксперименте принимали участие информанты различных возрастных групп, с различным социальным положением и образованием. Респонденты были поделены на 3 возрастные группы: от 17 до 30 лет, от 31 до 45 лет и от 46 до 60 лет.

Сравним наиболее частотные ассоциации в русской и англоязычной выборках. Десять наиболее частотных реакций, выявленных в русской выборке, были (в порядке убывания частотности): *достаток* 38, *здоровье* 34, *счастье* 21, *работа* 20, *семья* 19, *всё хорошо* 16, *спокойствие* 14, *успех* 12, *уверенность* 11, *взаимопонимание* 10. В американской выборке такими реакциями являются следующие: *wealth* 56, *success* 55, *happiness* 38, *fortune* 25, *money* 21, *riches* 20, *abundance* 20, *flourishing* 11, *accomplishment* 10, *comfort* 8. В британской выборке мы находим следующие наиболее частотные реакции: *wealth* 66, *success* 58, *riches* 31, *fortune* 23, *money* 20, *affluence* 19, *thriving* 14, *happiness* 13, *flourishing* 11, *abundance* 10. Проанализировав полученные данные, мы выделяем три реакции, которые совпадают во всех этих списках: *wealth*, *success*, *happiness* и *достаток*, *счастье*, *успех* – хотя их места в соответствующих списках не совпадают, они вошли в первую десятку. Наблюдается сходство в занимаемых позициях реакций *wealth* и *success* в британском и американском обществах: *wealth* в обоих случаях стоит на первом месте (66% и 56% соответственно), *success* – на втором (58% и 55%). В русском социуме на первом месте располагается *достаток* – 38% опрошенных, а на втором – *здоровье* (34% респондентов дали такой ответ). Третья позиция в американской и русской выборках сходятся – *счастье* (38% и 21 % опрошенных соответственно), в британской культуре – 13%. В британской и американской выборках совпадают такие реакции как *fortune*, *money*, *abundance*, *flourishing*, *riches*.

Наибольшие различия касаются следующих реакций:

- *работа* отмечена у 20% русских респондентов, английский эквивалент *work* отмечен у 4% американцев и только у 1% у британцев, что, скорее всего, связано с уровнем безработицы в России;
- *здоровье* отмечено у 34% русских, у 4% британцев и 6% американцев;
- *семья* отмечена у 19% русских, 4% британцев и 5% американцев;
- *спокойствие* отмечено у 14% русских, не зафиксированная у британцев и отмечено только у 1% американцев;
- *riches* отмечено у 31% британцев, 20% американцев и только у 2% русских;
- *fortune* отмечено у 23% британцев, 25% американцев и только у 4% русских.

Обратимся подробнее к анализу ассоциаций, данных представителями разных культур. На лексему PROSPERITY было получено 213 реакций от респондентов-британцев.

Реакции на стимул PROSPERITY у информантов самые разнообразные. Самая частотная реакция – *wealth* 66. Такие ассоциаты, как *riches* 31, *money* 20, *affluence* 19, *abundance* 10, *luxury* 9, *opulence* 8, *comfort* 6, *well-off* 5, *comfortable* 4, *plenty* 4, *material things* 2, *quality of life* 2, *property* 2, *good living* 2, *living comfortable*, *material comforts*, *plentitude*, *plentiful*, *gold*, *goods*, *estate*, *land*, *houses*, *have everything*, *value*, *earnings*, *legacy*, *inheritance*, *standards* являются

отражением того, что британцы ценят комфорт, обладание материальными вещами.

Носители британской культуры ассоциируют лексику PROSPERITY с успехом и удачей: *success* 58, *fortune* 23, *luck* 5, *fortunate* 2, *advantage*. Благополучие у британцев всегда ассоциировалось с преуспеванием в сфере бизнеса и предпринимательства: *thriving* 13, *flourishing* 11, *boom* 3, *financial success* 3, *prosperous* 2, *do well* 2, *business* 2, *prosperity in business*, *benefit*, *profitability*, *profit*, *profitable*, *lucrative*, *improving*, *high income*, *productive*, *prosper*, *blossom*, *finance*. Для достижения высокого уровня жизни британцам необходимо много работать, вследствие чего легко объяснить наличие следующих реакций: *diligent*, *hard-working*, *responsibility*. Немаловажным представляется для британцев возможность развития и продвижения: *growth* 4, *grow* 2, *social elevation*, *development*, *technology* и конечный результат их деятельности: *achievement* 6, *achieve* 2, *gain* 2, *accomplishment* 4, *fulfillment*, *completion*, *reward*, *rewarding*, *harvest*. Для достижения благополучия британцам необходимо такое качество, как оптимизм, что проявляется в следующих ассоциатах: *optimism* 2, *good future* 2, *looking good for future*, *hope*, *self-belief*.

Последние события, происходящие во всем мире, в частности, финансовый кризис, отразились на ассоциативном ряде на стимул PROSPERITY: *economy* 3, *security* 3, *stability* 2, *financial security*, *social security*, *job*, *work*, *stable*, *secure*, *survival*, *fear*. В условиях наступившего экономического кризиса, британцы дают следующие ассоциаты, которые раскрывают их душевное состояние и настрой: *well-being* 4, *ease*, *stress-free*, *unstressed*, *peace*.

Учитывая, что средний возраст британцев, вступающих в брак для мужчин сейчас составляет 31,8 года, а для женщин - 29,7 года, молодыми британцами были даны такие реакции, как *happiness* 8, *family* 2, *health* 2, *love*, *friendship*. У британцев в возрасте от 31-45 такие ассоциаты: *health* 4, *healthy life style*, *happiness* 3, *happy*, *family* 2, *love*, *love life*. У британцев в возрасте от 46-60 такие ассоциаты: *happiness* 2, *health* 2.

Некоторые реакции на стимул PROSPERITY у британцев являются отрицательно окрашенными: *capitalist*, *vanity*, *indulgence*, *parochialism*, *selfishness*, *greed*, *waste*. Следующие ассоциаты на стимул PROSPERITY носят единичный характер: *friendship*, *longevity*, *power*, *freedom*, *charity*, *middle class*, *illusive*, *gratitude*.

От респондентов-американцев на лексику PROSPERITY было получено 246 реакций. Количество реакций на слово-стимул в американском обществе является самым большим, что можно объяснить склонностью данного общества к проявлениям индивидуализма. Тем не менее, самая частотная реакция – *wealth* 56. Такие ассоциаты как *riches* 14, *rich* 3, *richness* 3, *money* 21, *affluence* 8, *abundance* 19, *luxury* 8, *opulence* 8, *comfort* 8, *cars* 5, *houses* 4, *well-off* 3, *plenty* 3, *plentiful* 3, *wellness* 2, *life* 2, *goods* 2, *finances* 2, *goodness* 2, *comfortable*, *plethora*, *excess*, *material stuff*, *philanthropy*, *stocks*, *welfare*, *social status*, *food*, *real estate*, *suit*, *financial status*, *value*, *quantity*, *quality*, *well-heeled*, *well-dressed*, *palmy*, *leisure*, *utopia*, *surplus*, *exorbitance*, *in clover*, *high on the hog* являются отражением того, что американцы ценят высокий уровень жизни и дорогие вещи, изобилие и собственность.

Обладание материальными благами дают возможность американцам возможность наслаждаться уважением, свободой, властью, гордостью за себя и

свою страну: *freedom 2, power, respected, America, pride, Exxon, George Bush*. Чтобы разумно распоряжаться нажитым и заработанным, американцам необходимо быть мудрыми: *thrift, wisdom*.

Образование, Господь Бог и удача помогают американцам преуспеть и достичь высот в жизни: *education 2, God*. Также немаловажными представляются внутренние черты характера американцев, вследствие чего легко объяснить наличие следующих реакций: *perseverance, creativity, notoriety, hard-working, strive, confidence, commitment, strength*.

Носители американской культуры ассоциируют лексему PROSPERITY с успехом и удачей: *success 55, fortune 25, fortunate, luck 2, advantage 2, privileged, blessed 2, entitled, blessing 2, favourable*. Благополучие у американцев всегда ассоциировалось с преуспеванием в сфере бизнеса и предпринимательства: *thriving 8, flourishing 12, growth 4, financial growth, grow 2, do well, business, prosper 2, prosperous, benefit 3, excel, boom, goal 2, expansion 2, perfection*. Немаловажным представляется для американцев и возможность развития и продвижения: *growth 4, career* и конечный результат их деятельности: *achievement 5, accomplishment 9, accomplished, fulfillment 3, attainment, victory 2*.

В виду финансового кризиса легко объяснить наличие в американском обществе таких реакций: *peace 9, security 5, work 3, economy 2, stability 2, safety, job, survive*. В условиях наступившего экономического кризиса, американцы дают следующие ассоциаты, которые раскрывают их душевное состояние и настрой: *well-being 6, ease, calmness, no worrying*, что подтверждает позитивный настрой данного общества, готовность преодолеть все трудности с улыбкой на лице.

Интересным оказывается тот факт, что американцы-мужчины дают реакции *family 5, less divorce* – видимо, это связано с всеобщим стремлением женщин к независимости и нежеланию связывать себя обязательствами, а также такие реакции как *friendship, friends 2*.

Некоторые реакции на стимул PROSPERITY у американцев являются отрицательно окрашенными: *notoriety, xenophobia, smugness, snob, boredom, overweight, exploitation*. Следующие ассоциаты на стимул PROSPERITY носят единичный характер: *time, longevity, long-lasting*.

Положительное эмоциональное состояние информантов всех возрастных групп актуализируется в таких ассоциатах: *happiness 38, contentment 2, fun, joy 2, pleasure 3, good moments 2 positive, upbeat, satisfied, self-satisfaction, felicity*.

На слово-стимул БЛАГОПОЛУЧИЕ русскими представителями была дана 191 реакция. Следует отметить, что лексема БЛАГОПОЛУЧИЕ у респондентов всех трех возрастных групп ассоциируется, прежде всего, с *материальным достатком (38 реакций)*, можно отметить такие реакции как *материальная обеспеченность 5, деньги 3, материальное благосостояние 2, богатство 2, доход 2, материальные блага, дом, машина, полная чаша, достойная пенсия*.

Большое количество ассоциатов отражают наивно-бытовую сферу жизни людей, в которой русские люди еще не обеспечены достойными условиями для жизни, работы и отдыха: *комфорт 4, уют, уют в доме, жилищные условия, достойная зарплата 3, дом 2, машина 2, отсутствие материальных проблем 2, нет нужды 3, отдых 2, независимость, свобода, достойная пенсия, достойный заработок 3, независимость от обстоятельств, достойно оплачиваемый труд, денег столько - сколько нужно*.

Ассоциат *здоровье (34 реакции)* находится на втором месте: *нет проблем со здоровьем 2, здоровье близких*. В ответах испытуемых в возрасте от 30 до 60 лет отмечается перевес в сторону *здоровья (19 реакций)* – *все живы и здоровы, я и мои близкие здоровы, нет проблем со здоровьем, здоровье нации*. Желание многих людей иметь гармонию во всем проявляется в таких реакциях как *душевное равновесие 4, гармоничные отношения с близкими и окружающими людьми 4, гармония 3, душевный комфорт 2, физический комфорт, всё на своих местах, желания и возможности совпадают*.

Женщины всех возрастных групп ассоциируют БЛАГОПОЛУЧИЕ с наличием семьи и гармоничных отношений в семье: *семья 10, взаимопонимание 10, мир в семье 9, дети 4, любовь 3, полная семья 3, уют и тепло в доме 2, близкие и любимые люди 2, лад 2, хорошие отношения 2, любовь близких, дом, полноценная семья, муж, любящий и любимый человек, гармоничные взаимоотношения, любовь, удачное замужество, счастье в семейной жизни 15, уют в доме*. В отличие от британского общества, для русских мужчин семья и взаимоотношения представляют особую значимость, подтверждением этому служат такие реакции как *семья 9, счастье 6, дети 5, мир в семье 2, гармония 2, мир 2, согласие, дом, хорошие отношения в семье, взаимопонимание*.

Большое количество испытуемых связывают БЛАГОПОЛУЧИЕ с наличием работы и достижением высот в карьере: *успех на работе, успехом, успех в карьере 2, карьера, уверенность в себе, любимая работа, интересная работа, процветание, профессиональный рост, продвижение, достижение поставленных целей*.

Как и в британском и американском обществах, в условиях мирового финансового кризиса у русскоязычных респондентов типичными являются следующие реакции: *стабильность 5, надежность 2, безопасность 3, защищенность 2, свобода, независимость 2, нет страха за будущее*. В силу сложившейся обстановки в мире для русских является необходимой уверенность в будущем и в завтрашнем дне: *уверенность 11*.

Немаловажным для всех возрастных групп русских информантов является чувство спокойствия, подтверждением этому являются следующие конкретные ассоциаты: *спокойствие 6, нет проблем 2, спокойное душевное состояние, на душе спокойно, душевное равновесие, спокойное течение жизни, покой, умиротворенность, жизнь без потрясений и неудач, мир в душе, порядок, душевный и физический комфорт*.

Анализируя данные, полученные в ходе эксперимента, следует отметить, что русскоязычные испытуемые демонстрируют тенденцию к обобщению: *всё хорошо 16, всё есть 5, всё складывается хорошо, на всё хватает, всё спокойно, всё отлично 3, всё в полном порядке 2, всё на своих местах, всё в гармонии в жизни 2, в жизни всё хорошо, всё устраивает, всего хватает*.

У испытуемых всех возрастных групп БЛАГОПОЛУЧИЕ ассоциируется с особым эмоциональным состоянием - удовлетворенностью жизнью и радостью – и актуализируется в таких ассоциатах как *добро 3, друзья 3, удовлетворенность 4, радость 7, довольство жизнью 3, удовольствие, хорошее настроение 2, хочется жить 4, улыбка, тепло, положительные события, радость общения, свет*.

Также респонденты отмечают такой признак БЛАГОПОЛУЧИЯ как случайность: *удача 4, везение*, но данный признак не так ярко выражен у

носителей русской культуры, как у представителей британской и американской культур, где он является основным.

Анализируя реакции, мы пришли к выводу, что и женщины, и мужчины обеих возрастных групп ассоциируют БЛАГОПОЛУЧИЕ с гармонией. Это подтверждают следующие реакции: *гармония 3, согласованность желаний и возможностей 3, возможность позволить себе всё, что хочешь 2, духовное и физическое равновесие 2, финансовое и душевное равновесие, хорошие отношения со всеми, гармония души и тела, желания совпадают с возможностями.*

Исследуя результаты эксперимента, прослеживается специфика ассоциативных реакций, полученных в условиях различных культур. В языковом сознании носителей британской и американской лингвокультур концепт PROSPERITY характеризуется следующими признаками: PROSPERITY – источник: в основном владение материальными ценностями: *wealth 66, riches 31, money 20, affluence 19*, и *wealth 56, riches 20, money 21*; PROSPERITY – случайность: *success 58, fortune 23* и *success 55, fortune 25*; PROSPERITY – изобилие: *abundance 10* и *abundance 20*. Полученные в ходе эксперимента данные от респондентов-британцев, полностью совпадают с данными, зафиксированными в Эдинбургском ассоциативном словаре (Edinburgh Associative Thesaurus of English 1972), в котором основным признаком данного концепта является PROSPERITY – источник: в основном владение материальными ценностями. Об этом свидетельствуют такие ассоциации как *wealth 31, rich 17, money 12, riches 2, cash 1, notes 1, pools 1, prosperous 1, richness 1, house 2, comfort 1, insurance 1, possessions 1, property 1, wine 1, lush 1*. В то время как признак PROSPERITY – случайность имеет всего лишь 2 ассоциации: *success 2*.

В свободном ассоциативном эксперименте, который проводился с русскими респондентами, на первый план выходит такой признак изучаемого концепта, как БЛАГОПОЛУЧИЕ – источник: *здоровье 22, семья 19 и работа 19*, но в основном это владение материальными благами: *достаток 38*. Данные эксперимента подтверждают ассоциации на слово-стимул БЛАГОПОЛУЧИЕ, зафиксированные в Русском Ассоциативном Словаре: *материальный 3, удобства 2, достаток, деньги, иметь, машина, сделка, стипендия* (Караулов 1994). Другим признаком исследуемого концепта является: БЛАГОПОЛУЧИЕ – состояние и его внешние признаки: *счастье 21, спокойствие 14 и уверенность 11*. Данные нашего ассоциативного эксперимента совпадают и с результатами, зафиксированными в словаре ассоциативных норм Университета Южной Флориды (The University of South Florida word association, rhyme and word fragment norms), по которым основной признак данного концепта - PROSPERITY – источник: *wealth 31, rich 29, money 19, profit 9*.

В результате ассоциативного эксперимента, рассмотрев языковое выражение концепта, описав и проанализировав особенности языкового сознания, мы можем говорить о специфических чертах и определенной общности в восприятии и представлении о содержании исследуемого концепта PROSPERITY – БЛАГОПОЛУЧИЕ в сознании носителей русского и английского языка.

Литература

1. Караулов А. Ю. Русский ассоциативный словарь. 1994.

2. The Associative Thesaurus of English. – Edinburgh, 1972. ([http://www.eat.rl.ac.uk/Edinburgh Word Association Thesaurus](http://www.eat.rl.ac.uk/Edinburgh%20Word%20Association%20Thesaurus))
3. The University of South Florida word association, rhyme and word fragment norms – [http://www.usf.edu/ Free Association](http://www.usf.edu/Free%20Association)

О.А. Лаврёнова

Национальная специфика репрезентации концепта ДОЖДЬ в семантическом пространстве русского и английского языков

Значительная часть концептосферы народа представлена в семантическом пространстве языка. Концептосферы разных народов, как показывает изучение семантического пространства языков, существенно отличаются и по составу концептов, и по принципам их структурирования. Сопоставление семантических пространств различных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии, выделить специфику национальных языковых систем.

Данная статья посвящена сравнительному анализу концепта «атмосферные осадки в виде капель воды» в русском и английском языках. Сравним данный концепт по составу.

Номинативное поле концепта в русском языке включает 4 лексические единицы (далее ЛЕ): *дождь, ливень, гроза, морось* – все они в своём значении содержат компонент *атмосферные осадки в виде капель*. ЛЕ *дождь* является ключевым словом-репрезентантом концепта, в то время как ЛЕ *ливень, гроза, морось* – его системные синонимы.

Номинативное поле концепта «Atmospheric precipitation in the form of water drops» (осадки в виде капель воды) в английском языке включает 17 ЛЕ: *rain, rainfall, downpour, cataract, deluge, rainstorm, thunderstorm, cloudburst, torrent, pelter, soaker, drizzle, sprinkle, mizzle, shower, rain shower, scurry*. ЛЕ *rain* является ключевым словом-репрезентантом концепта, в то время как остальные ЛЕ – его системными синонимами.

Для более точного описания концепта было проведено контекстуальное исследование сочетаемости ЛЕ, вошедших в русское и английское лексико-семантические поля (далее ЛСП) «атмосферные осадки в виде капель воды». Материал исследования составил 11000 примеров из произведений русских и английских писателей, поэтов и СМИ, почерпнутых из Национального корпуса русского языка и Британского национального корпуса. Контекстуальный анализ показал, что данные ЛЕ преимущественно сочетаются с глаголами и прилагательными.

Контекстуальный анализ выявил признаки, формирующие концепт «осадки в виде капель воды» в русском языке: имеют определенную динамику (начинаются, продолжаются, усиливаясь или слабея, заканчиваются), обладают различной интенсивностью, проявляются внезапно, имеют определенную продолжительность, направление, комфортную / некомфортную температуру, выпадают в значительном / незначительном количестве, различаются по размеру капель, плотности их расположения, падают, висят в воздухе, сопровождаются характерным звуком, визуальным эффектом, запахом, возникают в определенное время года, суток, могут быть предсказуемыми, влияют на эмоциональное состояние и деятельность человека.

Контекстуальный анализ позволил выявить множество признаков, формирующих концепт «Atmospheric precipitation in the form of water drops» (осадки в виде капель воды): имеют определенную динамику (начинаются, продолжаются, усиливаясь или слабея, заканчиваются), обладают различной интенсивностью, порывистым, быстрым характером движения, проявляются внезапно, несвоевременно, имеют определенную продолжительность, направление, комфортную / некомфортную температуру, выпадают в большом / маленьком количестве, различаются по размеру капель, плотности их расположения, сопровождаются характерным звуком, визуальным эффектом, природными явлениями, особенностями для определенной местности, возникают в определенное время года, суток, могут быть предсказуемыми / непредсказуемыми, проявляются регулярно / нерегулярно, способны причинять вред, смывать грязь, просачиваться, влияют на эмоциональное, физическое состояние человека, результат деятельности человека, его планы, на вещи, используемые человеком.

Таким образом, контекстуальный анализ показал различное восприятие данного вида осадков в русской и английской концептосфере. Англичане воспринимают дождь с точки зрения несвоевременности, регулярности / нерегулярности проявления (*Scotland enjoys legendary high and persistent rainfall* – Шотландия наслаждается легендарными сильными и регулярными дождями) (Langholm. Disadvantaged rural Europe)), что не отмечается у русского народа. Более того, английский народ подчеркивает негативное влияние осадков в виде капель воды на результаты его деятельности, планы и эмоциональное состояние (*A smart shower at eleven had evidently quenched the enthusiasm of the young ladies... – Сильный ливень в 11 охладил энтузиазм молодых девушек...*) (Alcott. Little Women)).

Рассматриваемое поле в русском языке хорошо структурировано. В нём чётко выделяется ядро, ближняя, дальняя периферии. Ядро поля составляет ЛЕ **дождь**, так как она обладает высокой частотностью (Частотный словарь русского языка 1977), наиболее общая по значению, стилистически нейтральна, без эмоционально-экспрессивных ограничений, в минимальной степени зависит от контекста. К ближней периферии относятся ЛЕ **ливень**, **гроза**, которые стилистически нейтральны, но обладают меньшей частотностью. ЛЕ **морось** относится к дальней периферии, т.к. отличается низкой частотностью.

Внутри английского ЛСП «Atmospheric precipitation in the form of water drops» (осадки в виде капель воды) были выделены 4 парцеллы: «Atmospheric precipitation in the form of water drops» (осадки в виде капель воды) (**rain, rainfall**); «Heavy atmospheric precipitation in the form of water drops» (осадки в виде капель воды значительной силы) (**downpour, cataract, deluge, rainstorm, thunderstorm, cloudburst, torrent, pelter, soaker**); «Light atmospheric precipitation in the form of water drops» (осадки в виде капель воды незначительной силы) (**drizzle, sprinkle, mizzle**); «Brief atmospheric precipitation in the form of water drops» (осадки в виде капель воды незначительной продолжительности) (**shower, rain shower, scurry**). Ядро поля составляет ЛЕ **rain**, которая, по данным частотного списка Британского национального корпуса (Frequency list for the complete BNC), обладает высокой частотностью, наиболее общая по значению, стилистически нейтральна, без эмоционально-экспрессивных ограничений, в минимальной степени зависит от контекста.

Анализ частотности и стилистической окрашенности не дали необходимых результатов для распределения ЛЕ по зонам периферии ЛСП «Atmospheric precipitation in the form of water drops» (осадки в виде капель воды). Для более точных данных была проанализирована сочетаемость данных ЛЕ с прилагательными и глаголами в Британском национальном корпусе. Таким образом, в ближнюю периферию была включена ЛЕ *shower*, т.к. она обладает наибольшей сочетаемостью (1527 случая). В дальнюю периферию вошли 6 ЛЕ: *rainfall* (405 случаев), *sprinkle* (315 случаев), *torrent* (253 случая), *drizzle* (231 случай), *deluge* (122 случая), *downpour* (121 случай). В крайнюю периферию были включены 9 лексем: *cataract* (79 случаев), *thunderstorm* (74 случая), *rainstorm* (45 случаев), *cloudburst* (19 случаев), *pelter* (1 случай), *mizzle* (1 случай), *scurry* (1 случай), *soaker* (0 случаев).

Таким образом, исследование показало, что русское и английское ЛСП «Атмосферные осадки в виде воды» различаются:

- По количеству ЛЕ – английское ЛСП включает большее количество ЛЕ, что объясняется климатическими особенностями Великобритании.
- По структуре – в русском ЛСП нет возможности выделить парцеллы из-за незначительного количества ЛЕ, в английском ЛСП четко выделяются 4 парцеллы, характеризующие данный вид осадков по интенсивности (значительная / незначительная), по продолжительности (значительная / кратковременная).

Наличие выделенных различий объясняется национальной спецификой языков и климатическими особенностями данных стран.

Литература

1. Национальный корпус русского языка / www.ruscorpora.ru.
2. British National Corpus (BUY-BNC) / www.corpus.byu.edu/bnc/.
3. Frequency list for the complete BNC / www.ftpi.itri.bton.ac.uk/bnc/all.num.o5.
4. Частотный словарь русского языка. / Под ред. Л.Н.Засориной. – М.:, 1977.

Ю.А. Литвинова

Номинативное поле концепта «город» в английском и русском языках по данным словарей

Построение номинативного поля концепта является первым условием его лингвокогнитивного анализа. Под номинативным полем в когнитивной лингвистике понимается совокупность языковых единиц, объективирующих содержание концепта в определенный период развития общества (Попова, Стернин 2007, с. 66). «Построить» номинативное поле концепта можно двумя способами. Первый предполагает выявление только прямых номинаций концепта – ключевого слова и его синонимов. Второй, более трудоемкий, предполагает выявление всего доступного исследователю номинативного поля концепта, включая гипонимы и наименования различных отдельных признаков концепта, обнаруживающихся в разных ситуациях его обсуждения. (Попова, Стернин 2007, с.176-177). В данной статье мы будем использовать первый способ построения номинативного поля.

Рассмотрим средства лексической объективации концепта «город» в современном русском языке на материале словарей.

Словари разных исторических периодов представляют систему значений слова «город» по-разному.

В современном толковом словаре русского языка С.И. Ожегова слово «город» имеет следующие значения: 1) крупный населенный пункт, административный, промышленный и культурный; 2) центральная главная часть этого населенного пункта в отличие от окраин и пригородов; 3) в старину на Руси: огражденное стеной, валом поселение; крепость; 4) городская местность в отличие от сельской, деревенской (Ожегов, Шведова 2005).

В словаре живого великорусского языка В.И. Даля лексема «город» представлена значениями: 1) городьба, ограда около жилья, населения; 2) крепость, укрепленное стенами место внутри селения, кремль; 3) селение, обнесенное городьбой, городок; 4) населенное место, признанное за город, которому правительство дало городское управление (Даль 1981).

Мы видим, что в старину первым значением была *крепость*, что является третьим значением в современных толковых словарях.

Синонимический ряд лексем, репрезентирующих концепт «город», представлен следующими словами:

1) *мегаполис* – город с многомиллионным населением

2) *полис* – в Др. Греции и Др. Риме: город-государство

3) *городок* – комплекс отдельно расположенных сооружений, зданий, учреждений

// городок (в старину) – острог, острожек, укрепленное тыном заселение (Даль 1981)

// городок (вологод. значение) – большое богатое село, с несколькими церквями (Даль 1981)

4) *град* – устаревшее высокого стиля – то же, что и город в первом значении, т.е. крупный населенный пункт, административный, промышленный, культурный

// град – застроенное населенное место и жители его (Даль 1981)

5) *городище* – место, где в древности был город или укрепленное поселение

// *городище* – остатки и развалины селенья, города или укрепления земляных и каменных работ, жилья (Даль 1981)

6) *городец* – городок, укрепленное тыном местечко, селение в Нижней губернии (Даль)

7) *градец* – городок, поселение (Даль 1981)

8) *городбище* – остатки древнего поселения (Даль 1981)

9) *посад* – вообще город, не село, не деревня (Даль 1981)

Итак, концепт «город» представлен в русском языке девятью номинациями, большинство из которых зафиксировано только в Словаре живого великорусского языка В.И. Даля.

Теперь, также на материале словарей, рассмотрим средства лексической объективации концепта «город» в современном английском языке. Нами были проанализированы следующие словари: Webster's New World Dictionary, Collins Cobuild English Language Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English. В данных словарях система значений слова «city» представлена одинаково: city - 1) a large town where there are many houses, offices, shops, theaters, factories etc. and where many people live and work; 2) the people who live in a city; 3) the part of

London where many important financial institutions, e.g. the Bank of England and the stock Exchange, have their main offices.

Синонимический ряд лексем, репрезентирующих концепт «город» в английском языке, представлен следующими словами и словосочетаниями:

- 1) *town* – 1) place with many streets and buildings where people live and work. Towns are larger than villages but smaller than a city. Towns have factories, shops, offices and places of entertainment;
- 2) *Borough* - is a town or district within a large town, which has its own council;
- 3) *Ghost town* – is a town which was once busy and prosperous but which people no longer live in, especially where the buildings are still standing;
- 4) *County town* – is the most important town in a county from which a country is administered;
- 5) *New town* – is a town that has been planned and built as a whole including shops, houses, factories etc. rather than one that has developed gradually;
- 6) *Market town* – a town where there is an outdoor market usually once or twice a week;
- 7) *Metropolis* – a very large city that is the most important city in a country or area;
- 8) *Cathedral city* – a city with a cathedral;
- 9) *Municipality* – a town, city or rather small area which has its own government that makes decisions about local affairs;
- 10) *City-state* – a city, especially in former times, that forms an independent state with the surrounding country area.

Таким образом, концепт «город» в английском языке представлен десятью номинациями, которые были найдены во всех словарях, что не характерно для данного концепта в русском языке. Если посмотреть на первые значения ключевых слов-репрезентантов (город – city) в двух языках, то они совпадают. Что же касается синонимов в русском языке, то они в основном имеют значение древнего укрепленного поселения (градец, городбище, городище, городец, городок). Номинации же в английском языке характеризуют город по размеру, способу управления (*town*, *county town*, *metropolis*, *municipality*, *borough*). Номинации *city-state* и *ghost town* совпадают по своим значениям с номинациями русского языка – *полис* и *городище* соответственно.

Таким образом, мы видим, что номинативные поля изучаемого концепта в русском и английском языках имеют сходные и различные по своим значениям номинации, что свидетельствует о национальных особенностях языков.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. –М., 1981.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2005.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.
4. Collins Cobuild English Language Dictionary. – Collins Publishers, 2001.
5. Longman dictionary of Contemporary English. – Pearson Education Ltd., 1999.
6. Webster`s New World Dictionary. – Third College Edition, 2000.

Критерии разграничения близких по содержанию концептов (на материале концептов *толерантность*, *терпимость* в русском и английском языковом сознании)

Предметом данного исследования является содержание и структура концептов «*толерантность*» и «*tolerance*» в языковом сознании носителей русского и английского языков и концепта «*терпимость*» в сознании носителей русского языка. Автор ставит своей целью выработать критерии разграничения близких по содержанию концептов с помощью введения новых формализованных параметров в рамках сопоставительно-параметрического метода (см. Стернина, Стернин 2009).

Как показало исследование, концепт «*толерантность*» состоит из 78 когнитивных признаков, концепт «*tolerance*» – из 80. Наибольшее количество когнитивных признаков удалось обнаружить у концепта «*терпимость*» – 100. Для сопоставления выделенных когнитивных признаков нами был введен **индекс когнитивного разнообразия** концепта как отношение количества когнитивных признаков, образующих структуру концепта в одной концептосфере, к количеству когнитивных признаков, образующих концепт в концептосфере сопоставления. *Индекс когнитивного разнообразия* концепта «*терпимость*» относительно концепта «*толерантность*» для русской концептосферы составляет 1,28, что свидетельствует о существенно более высокой яркости концепта «*терпимость*» в сознании носителей русского языка, и как следствие, о большей развитости и более детальной концептуализации соответствующего явления в русском языковом сознании, нежели концепта «*толерантность*». *Индекс когнитивного разнообразия* концепта «*tolerance*» относительно концепта «*толерантность*» составляет 1,02, что говорит о незначительной разнице в количественном составе когнитивных признаков, образующих данные концепты.

Нами также был вычислен **индекс разнообразия когнитивных классификаторов** как отношение количества когнитивных классификаторов одного концепта к количеству когнитивных классификаторов другого. Индекс разнообразия когнитивных классификаторов концепта «*толерантность*» относительно концепта «*tolerance*» составляет 1,00, концепта «*терпимость*» относительно концепта «*толерантность*» – 1,20, концепта «*терпимость*» относительно концепта «*tolerance*» – 1,20. Таким образом, как мы видим, данный индекс невысок.

Нами также был использован **индекс существенности различий совпадающих когнитивных классификаторов** как отношение количества когнитивных классификаторов, между индексами яркости которых существует существенная разница, к общему количеству совпадающих когнитивных классификаторов. Существенными мы считаем различия более чем на три сотых единицы.

Так, у концептов «*толерантность*» и «*tolerance*» индекс существенности различий когнитивных классификаторов составляет 0,25.

Был также вычислен **индекс идентичности структуры концепта** как отношение удельного веса ядра, ближней, дальней и крайней периферий одного

концепта к соответствующим элементам структуры другого концепта. Так, *индекс идентичности ядра* концепта «**толерантность**» относительно концепта «**tolerance**» составил 0,52, ближней периферии – 0,34, дальней периферии – 2,34 и крайней периферии – 0,84. Выявленные показатели свидетельствуют о заметных различиях в удельном весе структурных элементов исследуемых концептов, и как следствие, о существенных различиях самих концептов.

Индекс идентичности структуры концепта «**толерантность**» относительно концепта «**терпимость**» следующий: индекс идентичности ядра – 0,65, ближней периферии – 0,64, дальней периферии – 1,64 и крайней периферии – 0,81.

Индекс идентичности структуры концептов «**терпимость**» и «**tolerance**» выглядит следующим образом: индекс идентичности ядра – 0,80, ближней периферии – 0,53, дальней периферии – 1,43 и крайней периферии – 1,03.

Таким образом, мы видим, что индексы идентичности структуры концептов различны. Данный факт свидетельствует о количественных различиях в удельном весе полевых структур концептов, и как следствие, о различиях самих концептов.

В целом, как показало исследование, у концептов «**толерантность**» и «**tolerance**» совпадает 31 когнитивный признак. Нами был вычислен *индекс идентичности содержания концептов* как отношение количества совпадающих признаков двух концептов к общему количеству когнитивных признаков двух концептов (158). Индекс идентичности содержания двух концептов составляет 0,20. Тот факт, что у концептов «**толерантность**» и «**tolerance**» совпадают только 20% когнитивных признаков свидетельствует о том, что содержание данных концептов существенно различается в русском и английском языковых сознаниях.

У концептов «**толерантность**» и «**терпимость**» *индекс идентичности содержания* составляет 0,17 (17%), а *индекс идентичности содержания концептов* «**tolerance**» и «**терпимость**» – 0,10 (10,0%).

Нами также был вычислен *интегральный индекс идентичности трех концептов* как отношение количества признаков, совпадающих у трех концептов к сумме их когнитивных признаков. Данный индекс составляет всего 0,06 (6%).

Анализируемые концепты можно также сравнить по *индексу идентичности яркости* совпадающих когнитивных признаков. Данный индекс вычисляется как процентное отношение совпадающих или незначительно различающихся по яркости когнитивных признаков к общему количеству совпадающих когнитивных признаков концептов.

Так, у концептов «**толерантность**» и «**tolerance**» по *индексу яркости* совпадают только 3 когнитивных признака из 31 совпадающего по содержанию, поэтому *индекс идентичности яркости* совпадающих когнитивных признаков данных концептов составляет всего 0,10 (10,0%), что позволяет сделать вывод о существенном различии данных концептов в соответствующих национальных концептосферах.

Рассматриваемые концепты также различаются по наличию интегральных, дифференциальных и эндемичных признаков. Под интегральными мы понимаем признаки, совпадающие по содержанию у двух сравниваемых концептов. Дифференциальные признаки – это такие, которые отличают один концепт от другого, эндемичные – такие, которые встречаются только у одного концепта из трёх сопоставляемых.

Сравнение исследуемых концептов по всем описанным выше критериям свидетельствует о невозможности их отождествления. У рассмотренных концептов заметно различаются индексы когнитивного разнообразия, индекс идентичности структуры концепта, индексы идентичности содержания концептов, индекс яркости совпадающих когнитивных признаков, количество и качество интегральных признаков. При этом количество дифференциальных признаков преобладает над количеством интегральных, дифференциальные же признаки отличаются по набору. Количество эндемичных признаков также превышает количество интегральных. Индексы же идентичности содержания и идентичности яркости совпадающих когнитивных признаков трех концептов незначительны. Таким образом, разработанные критерии разграничения близких по содержанию концептов показали свою состоятельность.

Литература

4. Стернина М.А., Стернин И.А. Параметрический метод в сопоставительных исследованиях // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж, 2009, с.3-6.

С.Н. Погожая

Особенности репрезентации концепта «Восхищение» в английском и русском языках

На протяжении многих лет исследование эмоций занимает приоритетное место, как в психологии, так и в лингвистике. Ученых интересует не только психологические и физиологические проявления эмоций, но и их языковое выражение. Такой интерес к эмоциям не случаен, ведь, как отмечает Л.Г. Бабенко: «Эмоции пронизывают жизнь человека, сопутствуют любой его деятельности, они – важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность» (Бабенко 1989, с. 3).

По словам Н.А. Красавского, постоянный интерес исследователей к эмоциям обусловлен также физиолого-психологической значимостью этого явления, с одной стороны, а с другой – сложностью его природы и, следовательно, объективными трудностями изучения данного феномена. Для лингвистов проблема эмоций интересна сложностью изучения чувственной сферы языкового пространства, нечеткостью вербализации ее фрагментов (Красавский 2008, с. 26).

В исследованиях последних лет учеными лингвистами предпринимаются попытки выявить когнитивные основания концептуализации эмоций и способы их выражения лексическими средствами.

В фокусе внимания данной статьи находится рассмотрение эмоционального концепта «Восхищение» и его репрезентация аффективными лексемами в английском и русском языках. Выбор аффективной лексики для исследования данного эмоционального состояния не случаен. Как отмечает А.А. Худяков, именно прилагательные и причастия в английском языке выражают стальные предикаты, которые отражают эмоциональные состояния (Худяков 2005, с. 102).

Для того чтобы определить содержание концепта «Восхищение», обратимся к анализу дефиниции лексемы «**восхищение**» в различных английских словарях.

В толковом словаре Macmillan English Dictionary for Advanced Learners лексема «**admiration**» имеет следующее лексикографическое толкование: *a*

feeling of respect and approval. Толковый словарь Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English дает нам следующую дефиницию данной лексемы: *a feeling of respect, warm approval or pleasure*. The Free Dictionary by Farlex предлагает следующее определение: *a feeling of pleasure, wonder, and approval* (FD, <http://www.thefreedictionary.com/admiration>).

Проанализировав словарные дефиниции данной лексемы, можно сделать вывод о специфике понимания данного концепта в английской лингвокультуре, в которой, как видно из данных дефиниций, понятие «восхищение» тесно связано с такими понятиями как «уважение», «удивление», «одобрение, похвала».

Данное утверждение находит подтверждение при анализе отобранных нами адъективных единиц, репрезентирующих данный концепт в английском языке. Объединение данных лексем в один синонимический ряд представляется возможным на основании общего значения «вызывающий восхищение». Отметим, что под синонимическим рядом в нашем исследовании мы понимаем лексические единицы, «принадлежащие к одной и той же части речи и имеющие одинаковые семантические описания с большой общей частью» (Апресян 1995, с. 255-256).

Как уже упоминалось выше, отобранные нами адъективные лексемы имеют общее значение «вызывающий восхищение».

Однако анализ фактического материала показал, что, несмотря на наличие общей словарной дефиниции «вызывающий восхищение», некоторые из отобранных нами лексем в большей степени репрезентируют такие понятия, как «уважение», «удивление», «похвала».

Рассмотрим такие прилагательные как «**respected**», «**amazing**», «**praiseworthy**». Обратимся к их словарным дефинициям, полученным из выше перечисленных словарей:

- **respected** – *admired and approved of by many people*;
- **amazing** – *inspiring awe or admiration or wonder*;
- **praiseworthy** – *deserving praise and admiration*.

Мы видим, что уже в словарных дефинициях данных лексем, наряду со значением «вызывающий восхищение», заложены такие значения как «вызывающий похвалу, удивление, уважение». Таким образом, можно сделать вывод, что в английском языке концепт «Восхищение» тесно связан с такими концептами, как «Похвала», «Удивление», «Уважение».

Найдем подтверждение этому в примерах фактического материала:

I only meant that the coincidence is amazing.

Your resemblance to your mother is quite amazing.

В данной группе примеров прилагательное «**amazing**» реализует концептуальный признак «вызывающий удивление», а не «вызывающий восхищение». Ведь, определенное стечение обстоятельств или столь сильное сходство человека с матерью вызывают у говорящего, скорее всего, удивление, а не восхищение.

Рассмотрим несколько примеров с лексемами «**praiseworthy**» и «**respected**»:

In terms of performance the film is praiseworthy, with a consistent, naturalistic, undeclamatory style that still respects the poetry...

В приведенном примере прилагательным **praiseworthy** в сочетании с существительным «film» актуализируется значение «заслуживающий похвалу»

(Фильм достоин похвалы за его натуралистический, невычурный стиль).

The Rector, the Squire and the schoolmaster were the respected members of the community to whom the village looked for advice and help.

В данном примере лексема **respected**, наряду со значением «вызывающий восхищение» имеет значение «вызывающий уважение». Объектом восхищения здесь являются такие люди как директор, педагог, сквайр, к которым люди часто обращаются за советом и за помощью и которые, несомненно, заслуживают уважения.

Таким образом, анализ фактического материала подтвердил ранее выдвинутое нами утверждение о том, что концепт «Восхищение» в английском языке тесно связан с такими эмоциональными концептами, как «Уважение», «Удивление», «Похвала».

Теперь обратимся к словарной дефиниции лексемы «**восхищение**» в русских словарях. Толковый словарь С.И. Ожегова дает нам следующее определение данной языковой единицы: *высшее удовлетворение, восторг*. В толковом словаре Д.Н. Ушакова лексема «**восхищение**» имеет следующее лексикографическое толкование: *чувство радостного удовлетворения, состояние очарованности, восторг*.

Как уже отмечалось ранее, анализ словарных дефиниций английских лексем позволил нам сделать вывод о тесной связи концепта «Восхищение» с такими эмоциональными концептами как «Удивление», «Уважение», «Похвала». Словарные же дефиниции из русских словарей нам такой связи не показали.

Базовой адъективной лексемой, вербализующей концепт «Восхищение» в русском языке, является прилагательное «**восхитительный**». Обратимся к словарным дефинициям данного прилагательного:

- *приводящий в восхищение, очаровательный, замечательный* (Ожегов);
- *приводящий в восхищение, очаровывающий; прелестный, очаровательный, производящий приятное впечатление, необыкновенно хороший* (Ушаков).

Исходя из данных синонимических словарей русского языка, нами был составлен синонимический ряд адъективных лексем, репрезентирующих концепт «Восхищение». Он представлен следующими прилагательными: **восхитительный, красивый, прекрасный, благовидный, благолепный, благообразный, великолепный, взрачный, видный, живописный, изящный, казистый, картинный, миловидный, нарядный, прелестный, привлекательный, пригожий, смазливый, хороший, хорошенький, художественный; пышный, роскошный, щегольской, разубранный, разукрашенный; бесподобный, божественный, блестящий, дивный, чудный, обворожительный, пленительный, распрекрасный**.

Обратимся к словарным дефинициям некоторых адъективных лексем из вышеперечисленного синонимического ряда, взятых из толкового словаря русского языка С.И. Ожегова:

- **красивый** - *доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасный. Красивое лицо. Красивый вид. Красивый голос;*
- **прекрасный** - *очень красивый, очень хороший. Прекрасное лицо. Прекрасный характер;*
- **великолепный** - *отличающийся великолепием, превосходный, отличный. Великолепный вид. Великолепный обед;*

- **прелестный** - *полный прелести. Прелестное дитя;*
- **привлекательный** - *такой, который привлекает, располагает к себе, нравится. Привлекательная внешность. Привлекательная перспектива (заманчивая);*
- **пригожий** - *красивый, миловидный, а также вообще хороший. Пригожая девица. Пригожий денек;*
- **роскошный** - *отличающийся роскошью, богатством; очень хороший, замечательный. Роскошные волосы;*
- **бесподобный** - *превосходный, ни с чем несравнимый. Бесподобный голос;*
- **чудный** - *прелестный, очаровательный; очень хороший, великолепный. Чудные звуки. Чудное видение. Чудный обед. Чудный характер.*

Как видно из данных дефиниций, ни одно из прилагательных, являющихся синонимами лексемы **«восхитительный»** не актуализирует значение «вызывающий восхищение, приводящий в восхищение». Словосочетания с данными адъективными лексемами, взятыми из словаря Ожегова, описывают в большинстве случаев внешность человека (*красивое, прекрасное лицо; привлекательная внешность; роскошные волосы*), его внутренние качества и таланты (*бесподобный, красивый голос; чудный характер*), положительную характеристику человека в целом (*пригожая девица, прелестное дитя*), либо усиливают положительную эмоциональную оценку различных объектов и понятий (*пригожий денек, привлекательная перспектива, великолепный вид, великолепный обед, красивый вид*). Все это, несомненно, позволяет нам сделать вывод о том, что, являясь синонимами прилагательному **«восхитительный»**, имеющему значение «вызывающий восхищение, приводящий в восхищение», данные адъективные лексемы репрезентируют в большей степени концепт «Красота».

В заключение следует отметить, что в английском языке концепт «Восхищение» репрезентируется большим количеством адъективных лексем, имеющих общее значение «вызывающий восхищение» и тесно связан с такими эмоциональными концептами, как «Удивление», «Похвала», «Уважение». В русском языке значение «вызывающий восхищение, приводящий в восхищение» актуализируется только одной адъективной лексемой **«восхитительный»**, а остальные лексемы, являющиеся синонимами данного прилагательного, имеют значение «красивый, доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом», что позволяет нам сделать вывод о тесной связи в русском языке концепта «Восхищение» с концептом «Красота». Исходя этого, можно говорить о том, что репрезентация концепта «Восхищение» адъективными лексемами в английском и русском языках различна.

Однако следует отметить, что описать содержание эмоционального концепта, основываясь только на словарных дефинициях репрезентирующих его лексем, невозможно, и данная проблема, несомненно, требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. – М., 1995.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989.
3. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М., 2008.

4. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. Пособие для студ. филол. фак. ин. яз. высш. учеб. заведений. – М., 2005.

Т.Ю. Тамерьян

К вопросу о структуре и содержании гендерного концепта-образа в русской и осетинской концептосферах

Лингвокультурный концепт как зонтиковый термин (Воркачев 2004) объединяет различные виды ментальных явлений, поэтому типология концептов может строиться по типу знания и способу его структуризации.

Фактологическим материалом для нашего исследования послужили, с одной стороны, русскоязычные и осетиноязычные пословичные изречения, обладающие прямым значением, с другой стороны, индивидуально-авторские афоризмы. Осетинские изречения, признанные афоризмами, написаны на двух языках – осетинском (иронский вариант) и русском, поскольку их авторы, главным образом поэты, писатели, драматурги, просветители, являются билингвами. Однако это обстоятельство не ставит под сомнение тот факт, что тексты, написанные осетинами на русском языке, отражают осетинскую картину мира. Ведь даже величайший представитель осетинского народа Коста Хетагуров писал на двух языках. В настоящей статье осетинские народные авторские афоризмы приводятся только в переводе на русский язык или в оригинальных русскоязычных вариантах.

Обращение к фольклору и литературному творчеству позволило рассмотреть фрагменты концептосфер «маскулинность» и «фемининность» в двух плоскостях – как репрезентанты установок культуры, зафиксированные в коллективном языковом сознании, и как индивидуальные представления, входящие в интерпретационное поле концептов.

Образный стержень концептов-образов (на примере бинарных концептов «мужчина» и «женщина» в русской лингвокультуре, и аналогичных концептов «нæлгоймаг» и «сылгоймаг» в осетинской лингвокультуре) выполняет скрепляющую функцию, подчиняя себе понятийную, ценностную составляющие и факультативные пласты концептов.

В структуре концептов-образов возможно вычленение различных составляющих в зависимости от выбранного подхода и материала исследования. Сопоставление данных концептов в русской и осетинской концептосферах позволяет выявить национальную специфику, основанную на разнообразии когнитивных признаков и большом количестве способов их репрезентации. Однако в любом случае образная составляющая приобретает статус доминанты.

Концептосоставляющие пласты – природно-физический, эмоционально-психологический и статусно-ролевой – формируют когнитивные признаки концептов «мужчина» и «женщина»/«нæлгоймаг» и «сылгоймаг», образующих концепт «человек»/«лæг» в гендерном аспекте, и объективирующих определенный фрагмент русской и осетинской картин мира.

В рамках концептов «мужчина» и «женщина» на материале народных афоризмов были выделены субконцепты «баба», «мужик», «жених/молодец», «невеста/девушка» и «мать». Причем, культурно-маркированные лексемы «мужик» и «баба» явились ключевыми словами-репрезентантами концептов «мужчина» и «женщина» в рассматриваемом фольклорном пласте. В рамках

концептов «нæлгоймаг» и «сылгоймаг» на материале народных афоризмов были вычленены субконцепты «мад» («мать»), «чызг» («девушка, невеста»), «æфсин» («хозяйка») и субконцепт «лæг» («мужчина; муж»).

Образы «мужика» и «бабы» (народные афоризмы) и «мужчины» и «женщины» (авторские афоризмы), а также «мады» («матери»), «чызгы» («девушки, невесты»), «æфсины» («хозяйки») и «лæгы» («мужчины; мужа») на материале народных афоризмов и «нæлгоймаг» («мужчина») и «сылгоймаг» («женщина») на материале авторских афоризмов складываются на основе семантико-когнитивных признаков, отраженных в номинативных полях концептов. Сюда, кроме общих именовании по признаку «лицо мужского или женского пола», многочисленных номинаций по видам деятельности, семейным отношениям, кровному или некровному родству, относится значительное количество образных номинаций и коннотаций.

Отдельную позицию занимают личные имена, входящие в ядро номинативного поля концептов «мужчина» и «женщина»: личные имена в обобщающем значении («мужчина», «женщина», «муж», «жена», «парень», «девушка») и в характеризующем значении (напр., Емеля «болтун, бездельник», Федора «нескладная баба высокого роста»).

Антропонимы, входящие в ядро номинативного поля концептов «нæлгоймаг» и «сылгоймаг» представлены, главным образом, именами мифологических или сказочных персонажей: Сослан, Сатана, Батрадз, Акола, Зигда, Дулата (Нартский эпос), Амыран (Грузинский эпос); мифологических персонажей: Уастырджи (Святой Георгий), Хуыцау (Бог), Фалвара, Тутыр, Цацилло (языческие божества); сказочных персонажей: Сико, Гало, Кабал; парными личными именами в обобщающем значении «парень», «девушка», «мужчина», «женщина», объединенными на основе фонетико-фонологических ассоциаций: Сатти – Батти, Бето – Чето, Павел – Петр; названиями осетинских праздников: Балдаран, Ночь Тутыра, День Дзигур; личными именами в индивидуализирующем значении: Сем Сената «православный мудрец»; собственными именами, называющими представителей осетинских родов: Дудатти, Сармасовы, Гагкаевы, род Тохти.

Личные имена в символическом значении – прецедентные имена, обладающие не только денотацией, но сигнификацией и коннотацией, входят в ядерную зону данных концептов. При интенциональном употреблении прецедентные имена в предложении занимают позицию семантического предиката – второго члена метафорической модели (напр., прецедентные имена Дон Жуан «ловелас», Дон-Кихот «мечтатель, романтик», Ватерлоо «крах, поражение», Нарцисс «самовлюбленный юноша» и др. в русской когнитивной базе и Отелло «ревнивец», Яго «клеветник», Дон Кихот «борющийся с мнимыми врагами» – в осетинской). Как отмечает С.Г. Воркачев, включенность лингвокультурных концептов в «вертикальный» контекст формирует его прецедентные свойства (Воркачев 2004, с.48).

Таким образом, на уровне репрезентантов номинативных полей концептов-образов «мужчина» и «женщина» / «нæлгоймаг» и «сылгоймаг» выделяются области прямых номинаций, коннотаций, образно-метафорических номинаций, образно-символьных номинаций, многозначных номинаций-символов (например, голубки – символ любящей пары, брака в русской культуре), а также переходные случаи авторских употреблений прецедентных имен в качестве

нарицательных (дон жуаны, христы, иуды).

Образная составляющая концептов включает в себя перцептивный и чувственный образы, созданные когнитивными признаками концепта, и национально-культурные метафорические образы, объективированные в прецедентных текстах культуры, а также индивидуально-авторские образы, воплощенные в текстах в виде художественных образов и представлений. Именно образная составляющая фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании (Воркачев 2004, с.7).

На материале народных и авторских афоризмов в структуре концептов «мужчина» и «женщина» было выделено более 50 видов когнитивных метафор. Самые типичные из них – это природная, анималистическая, ботаническая, антропоцентрическая, соматическая, предметная, мифологическая.

Как показал анализ пословичных изречений, анималистическая метафора является наиболее распространенным способом репрезентации концептов «мужчина» и «женщина»: она представлена моделями «мужчина-животное», «мужчина-птица», «женщина-животное», «женщина-птица», «женщина-насекомое».

«Мужчина – это бык (вол, конь, лошадь, рысак, баран, свинья, козел, осел, собака, кот, заяц, жаба, уж, икриной карась), «мужчина – орел (сокол, тетерев, ворона, петух, гусь, голубь)». «Женщина – это лиса (кошка, овца, барашек, коза, змея, жаба), «женщина – это курица (наседка, клуша, гусыня, лебедушка, птичка, голубка, пава), «женщина – муха». Например: *Силен как бык, а смирен как корова. В людях Илья, а дома свинья; Видом сокол, а голосом ворона. Жена без грозы – хуже козы. Мать любит дитя, а кошка котя. Брежжит, что худая муха в осень.*

По материалам авторских афоризмов, «мужчина – это самец, зверь, паразит, козел, петух, воробей», «женщина – это змея, коза, кошка, корова, наседка». Например: *Невежда без души – зверь. Д. Фонвизин. Когда пригреешь на груди змею, на душе становится теплее. Г. Малкин. Женатый повеса: воробью подобен. К. Прудков. Женищина это бедная наседка / Сиди себе да выводи цыплят. А. Пушкин*

На материале народных и авторских афоризмов в структуре концептов «нэлгоймаг» и «сылгоймаг» было выделено немногим более 10 видов когнитивных метафор – анималистическая, мифологическая, предметная, вещественная, медицинская, генетическая, сервисная, статусная, социально-статусная, ботаническая, эмоциональная, метафора-антитеза и др. Таким образом, осетинская фольклорная картина мира характеризуется широкой варьированностью мифологических репрезентаций

В результате анализа осетинских пословичных изречений было также выявлено, что наиболее распространенным способом метафоризации данных концептов является анималистическая метафора. Анималистическая метафора в структуре концептов «нэлгоймаг» и «сылгоймаг» на материале народных афоризмов представлена следующими моделями: «мужчина – это бык», «мужчина – это медведь», «женщина – это птица», «женщина – это змея», «женщина – это медведь». Например: *Он – что бык, ни гей, ни му не разумеет; Неженатый (холостой) мужчина – это бесноватый бык; Тот, у кого коварная жена, разве испугается змеи; Уставший юноша бывает сердит как жалающая змея; В одной берлоге двум медведям не ужиться, одному мужчине с двумя*

женами не справиться.

Когнитивные модели демонстрируют широкий спектр характеристик, репрезентирующих образы осетинского мужчины и осетинской женщины, конвенционально закрепленные в лингвокультуре. Осетинка – это хрупкое создание, особенно девушка: *Женщина – это стекло; Девушка, что тонкое стекло* (вещественная метафора). Поскольку дом держится на женщине, то: *Хозяйка – это достаток в доме* (статусная метафора). Но вместе с тем, *Хозяин без забот – это лоза без гроздьев* (ботаническая метафора). Как полагает афсин «хозяйка дома», *Хороший зять, что сын* (генетическая метафора).

Если мать особо почитаема у горцев, то образ мачехи несколько обособлен от всего родового клана: *Отцова жена – отцова болезнь* (т.е. все проблемы с ней возникающие, должен разрешать только он).

Нравственная максима заключена в высказывании *Чужая жена – не жена* (метафора-антитеза). В осетинской ментальности друг – это брат: *Отцовский друг – драгоценность* (предметная метафора), т.е. старый друг семьи – самый надежный.

Амбивалентная гендерная маркированность проецируется на представителей мужского и женского пола безотносительно возрастной и статусной дифференциации: *Люди – это зеркало; Односельчане, что зеркало* (предметная метафора).

Отдельный блок составили пословичные высказывания о детях, свидетельствующие о том, что до достижения половой зрелости для осетинской культуры гендерные признаки не значимы. Так, *Ребенок – это забота* (сервисная метафора); *Ребенок – это забава* (эмоциональная метафора); *Ребенок – это царь* (социально-статусная метафора); *Чужие дети – зубная боль* (медицинская метафора).

В авторских афоризмах выявлены мифологическая, ботаническая и предметная метафоры, причем значительно преобладает мифологическая метафора, сквозь призму которой национально-специфичекый образ осетинских мужчины и женщины зафиксирован в мифологемах и архетипах, объективированных в осетинском и русском языках. Мифологическая метафора представлена моделями: «мужчина – титан», «мужчина – жрец Богов», «женщина – ангел». Например: *Амыран – титан* (Е. Бритаев); *...художник – жрец Богов* (К. Хетагуров); *Хорошая женщина (хозяйка) – ангел дома*.

По данным авторских афоризмов «женщина – это драгоценность» (предметная метафора) и «женщина – птица» (анималистическая метафора): *Для мужа жена драгоценность, которую нельзя продать* (С. Гадиев); *Каждая птица вьет гнездо, каждая девушка хочет выйти замуж* (М. Кочиев).

Итак, когнитивные метафоры, конвенциональные и креативные, актуализирующие концепты-образы в различных лингвокультурах, отражают национально-специфические представления, цементирующие культурное пространство, а изучение соотношения структурных элементов концептов, находящихся в непосредственной зависимости от типов концептов, представляет широкое поле для исследований в области лингвоконцептологии.

Литература

1. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004.

**Семантический анализ наименований правовых концептов
методом свободного ассоциативного эксперимента
(на материале английского и русского языков)**

Каждый этнос характеризуется своими особыми системами восприятия мира. Они формируются в процессе практической деятельности людей на основе их собственного опыта и традиций, унаследованной от предыдущих поколений. «В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено; видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» (Леонтьев 1993, с.20).

Проверенным средством определения особенностей языкового сознания того или иного народа является ассоциативный эксперимент. Нами был проведен такой эксперимент с носителями русского языка и американского варианта английского языка. В качестве стимулов американцам предлагались наименования правовых концептов **CRIME, PUNISHMENT, FREEDOM (LIBERTY), JUSTICE, LAW**, россиянам – **ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, СВОБОДА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЗАКОН**.

Отметим, что межъязыковое сопоставление экспериментальных материалов позволило выявить такие параметры ассоциативного поля, которые могли остаться незамеченными при анализе данных на уровне отдельных слов.

Эксперимент проводился в письменной форме. Испытуемым предлагались бланки со словами-стимулами, в которые необходимо было записать первую реакцию (слово, словосочетание, предложение). Время работы не ограничивалось. Испытуемые не получали ограничительных инструкций относительно языковой формы или смыслового содержания реакций.

В эксперименте принимали участие 50 американцев в возрасте от 17 до 25 лет, и 34 – в возрасте от 25 до 60 лет, а также 125 россиян (80 респондентов в возрасте от 17 до 25 лет и 45 опрашиваемых старшего возраста), что позволило разделить участников эксперимента на 2 группы. Фиксировались возраст и профессии испытуемых. В группы вошли студенты и представители следующих профессий: официанты, учителя, водители, пожарные, библиотекари, плотники, охранники, механики, продавцы, экономисты, что позволило получить наиболее полное представление об отражении заданных правовых концептов в языковом сознании представителей не юридических профессий американского и российского социума.

Анализ полученных данных, дает возможность проследить общность и специфику ассоциативных реакций, полученных от представителей различных культур. Так, в отношении слова-стимула **CRIME – ПРЕСТУПЛЕНИЕ** представители английской и русской лингвокультуры дают схожие реакции: *punishment* 17 – наказание 19; *murder* 5 – убийство 7; *breaking the law* 5 – нарушение закона 10; *criminal* 6 – преступник 3; *prison* 3 – тюрьма 6. У респондентов обеих лингвокультур сформировано отношение к правонарушению и представление о его последствиях. Однако русскоязычные участники ассоциируют **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** еще и со *страхом, ужасом, болью*.

Частичное совпадение ассоциатов наблюдается и на лексемы **PUNISHMENT** – **НАКАЗАНИЕ**: *justice* 8 – *справедливость* 5; *crime* 9 – *преступление* 5; *pain* 3 – *боль* 7; *prison* 3 – *тюрьма* 8, *court* 2 – *суд* 5. Реакции россиян, в отличие от американцев, эмоционально окрашены: *страх* 3, *возмездие* 7, *кара* 2, *несправедливость* 2, *расплата* 2. Представители американской группы более практичны и сдержанны: *police* 2, *law* 2, *murder* 2, *judge* 2, *fine* 3.

СВОБОДА в понимании русских и американцев имеет ряд существенных отличий. Американский социум с первых шагов своего становления формировался как социум либерально-демократический, на практике доказывающий реальную жизненность идеала свободного развития. Поэтому такие реакции, как: *USA* 5, *peace* 3, *love* 2, *free* 3, *happiness* 2, *laws* 2, *America* 3, *justice* 2 не совпадают с ассоциатами у русских респондентов.

Наличие у россиян ассоциатов: *воля* 17, *демократия* 6, *независимость* 9, *воздух* 5, *море* 3, *отдых* 3, *право* 2, *отпуск* 2, может свидетельствовать о том, что граждане нашей страны имеют представление об основах государственности социума, в котором должны быть регламентированы права и свободы личности. Однако большое количество ассоциатов россиян отражают наивно-бытовую сферу жизни людей и отражают тот факт, что русские люди еще не обеспечены достойной работой и достойным отдыхом.

Индивид с «наследственной памятью коллектива» (Лотман 1999) получает не только древние, но и наслоившиеся веками особенности, свойственные только данной культуре, следовательно, неизбежны расхождения в интерпретации действительности у представителей исследуемых сообществ. Налицо почти полное несовпадение ассоциатов на слова-стимулы **JUSTICE** – **СПРАВЕДЛИВОСТЬ**: *judge* 11, *fairness* 5, *freedom* 2, *court system* 3 – *честность* 17, *порядочность* 3, *законность* 3, *редкость* 2, *наказание* 2, *равенство* 3. Русские и американские респонденты едины лишь в следующих реакциях: *truth* 3 – *правда* 10; *court* 9 – *суд* 3, *law* 3 – *закон* 2, *punishment* 2 – *наказание* 2.

На слова-стимулы **LAW** – **ЗАКОН** и англоговорящие, и русскоговорящие опрашиваемые дали по две одинаковые реакции: *justice* 2 – *справедливость* 6, *equality* 2 – *равенство* 2. Очевидно некоторое расхождение в восприятии понятия **ЗАКОН**: *lawyer* 8, *freedom* 2, *President* 2, *rules* 3, *court* 3, *judge* 3, *legal* 2 – *право* 10, *обязанности* 6, *конституция* 8, *исполнение* 4, *равенство* 2, *ограничения* 3, *порядок* 3. Ассоциаты россиян несколько возвышенны, идеологизированны. Американцы же, напротив, уверены в завтрашнем дне, доверяют своему президенту, уважают законы. Сознательное и ответственное законопослушание большинства американцев, является гарантией их гражданских прав.

Очевиден тот факт, что нравственная, законодательная и нормативно-правовая определенность американского общества способствует формированию у американцев достаточно устойчивого общественного мнения, которое нашло отражение в реакциях, полученных на слова-стимулы **CRIME, PUNISHMENT, FREEDOM (LIBERTY), JUSTICE, LAW**.

Подводя итог аналогичному эксперименту с русскоговорящими респондентами, отметим, что испытуемые-студенты демонстрируют тенденцию к обобщению. Они общаются в кругу своих сверстников и родителей, получая информацию о таких морально-правовых категориях, как **ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, СВОБОДА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЗАКОН** только из средств

массовой информации, своего окружения и в процессе обучения. Студенты воспринимают эти слова-стимулы не так широко, как работающие, часто основывают свои реакции на «цитатах» из учебников, телепрограмм и т.п.

Анализируя результаты эксперимента в группе работающих, следует отметить, что взрослые дают более конкретные ассоциаты, опираясь на уже сложившиеся взгляды и понятия о правовой сфере. Круг их общения больше, отсюда и больше количество источников информации.

Установлено, что русскоязычные респонденты имеют определенные установки и взгляды в области права, однако большее количество данных ими ассоциатов на слова-стимулы юридической направленности относятся к наивно-бытовой сфере.

Исходя из полученных результатов, можно проследить специфику приоритетов у представителей американского и российского общества. Однако связь с базовыми представлениями о мире является общей для носителей двух исследуемых лингвокультур и служит основой идентичности восприятия.

Литература

1. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: Парадоксальная рациональность. – М., 1993.
2. Лотман Ю.М. Текст как смыслопорождающее устройство // Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. – М., 1999.

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в области лингвокультурологии, дискурса и коммуникативного поведения

А.П. Бабушкин

Извинения в зеркале культур

Слова с просьбой о прощении занимают важное место в языке этики или языках этики, которыми руководствуются представители разных национальных культур. Они связаны с содержанием таких понятий сферы нравственности, как «вина», «стыд» и «совесть».

По Н.Д. Арутюновой, «стыд» и «совесть» выражают внутреннюю способность ЭГО реагировать на оценку своих действий ДРУГИМ (Арутюнова 2000, с. 57).

Чувства вины, стыда и угрызений совести свойственны всему цивилизованному миру, однако их проявление варьируется в рамках географических границ проживания людей, говорящих на разных языках.

Исключительную роль извинения играют в жизни японцев. В «стране восходящего солнца» принято извиняться в самых различных ситуациях. По свидетельству очевидцев, когда европеец, владеющий японским языком, в первый раз приезжает в Японию, его удивляет, как часто звучит здесь японское «простите», даже если, с позиции европейского стандарта, для извинений нет видимых причин, и только потом он начинает понимать, что в этой традиции заключается характерная черта повседневного общения жителей этой страны. С

другой стороны, для японцев, изучающих европейские языки, распространённой ошибкой является употребление извинений в ситуациях, когда этих форм вежливости от них никто не ожидает (Вежбицкая 2001).

Согласно культурным нормам, принятым в Японии, никогда нельзя оправдываться, то есть нельзя сказать: «Я не сделал ничего плохого» – вместо этого необходимо попросить извинение.

Даже испытывая чувство горя, носители японского языка просят прощения у других. Это значит, что они сожалеют о том, что неприятное известие об их личном несчастье может принести огорчение, вызвать душевный дискомфорт у других лиц; они извиняются за то чувство «неудобства», которые их проблемы приносят незнакомым людям (Вежбицкая 2001, с. 130). Таким образом японцы проявляют бдительное внимание к любому затруднению, причиной которого они стали.

Любопытно, что в речи японцев стирается грань между благодарностью и извинением. Покидая после званого ужина дом друзей, каждый японец считает своим долгом попросить прощения у хозяев за предоставленные хлопоты, вместо того чтобы сказать им «спасибо» за приятно проведённый вечер (Вежбицкая 2001, с.133).

Всё это свидетельствует не только о частоте речевых актов извинений в Японии, но и об их качественном отличии от западных образцов, например, английских и русских извинений, которые строятся по собственным сценариям, хотя, казалось бы, – эти сценарии обыгрывают одну и ту же морально-этическую тему.

Так, Лонгмановский словарь английского языка и культуры отмечает, что сказать «I'm sorry» – значит испытать искреннее чувство стыда и неудобства за свой поступок и выразить сожаление по поводу происшедшего, а в словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «извини(те)» толкуется как выражение сожаления по поводу причиняемого беспокойства, а также как форма вежливости при обращении или вопросе.

Вместе с тем, извинения по-английски и по-русски диктуются «грамматикой культуры» (термин А. Вежбицкой), которая по сравнению с только что описанным этикетом японцев носит более умеренный характер, определяемый «своей» национальной психологией и нормами, принятыми в «своём» социуме.

Невозможно перечислить, когда и за что носители английского и русского языков просят извинения. Диапазон таких ситуаций исключительно широк, поэтому проиллюстрировать их конкретными примерами представляется невыполнимой задачей.

С нашей точки зрения, интерес заключается в другом. Слова, обозначающие извинения в обоих языках, не всегда употребляются в их привычном значении.

Цель настоящей статьи видится в том, чтобы показать нетрадиционные формы использования английской фразы «excuse me» и русского «простите» / «извините», которые не совместимы с японской языковой традицией.

Извинение по-английски может носить юмористический (но не без доли злого сарказма) характер, совершенно не приемлемый для японцев: «Excuse me for living». Это выражение, переводимое на русский язык, как: «Простите меня, что я живу (на этом свете)», употребляется, когда хотят указать на беспочвенность чьей-то обиды или выразить чувство раздражения на сделанное замечание: «You weren't very polite to your Mother». «Well, excuse me for living. I'm not perfect!»; «I

wish you hadn't embarrassed me by telling those bad jokes». «Well, excuse me for living» (Longman).

Обескуражуще выглядела бы в глазах японцев следующая реакция человека, у которого просят прощение (пример из книги А. Хэйли «Аэропорт»):

«I'm sorry, I was held up. There've been problems at the airport. It's a pretty big storm ...»

«Damn you, get down here fast!».

Данный фрагмент романа служит в качестве хорошей иллюстрации широко известной английской поговорки: «I'm sorry that you are sorry but leave your sorry for yourself».

В русском языке «извините» способно выразить протест или несогласие с кем-то или с чем-то: «Гулять под дождём? Нет уж, извините!»; «Мне унижаться перед этим нахалом? – Извиняюсь!».

То же с «простите»: «Опять мне дежурить? Нет уж, простите!» (Ожегов, Шведова).

Просторечное выражение «извини-подвинься» означает: «Нет уж, этого не будет, и не жди!»; «Ну и пусть! – думаю я. – А бегать за Холиным я не буду! Что попросит – сделаю! Но ходить за ним и напрашиваться – это уж, как говорится, извини-подвинься!» (Фразеологический словарь).

Перечисленные нюансы в семантике интересующих нас лексических единиц ни в коей мере не умаляют значимости речевых актов извинений в среде носителей английского и русского языков. Они, как и везде, обусловлены порядком поведения людей, уровнем их воспитания, ибо человек – существо социальное и, по известному изречению, «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества».

Данные примеры демонстрируют лишь одну из особенностей мировосприятия, свойственную представителям разных культур: необычное использование слов, обозначающих извинения, в приведённых здесь контекстах вызвало бы непонимание или недоумение при их буквальном переводе на японский язык, а, возможно, и «культурный шок».

Литература

1. Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000. – С. 54-78.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. – М., 2001.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. доктора филолог. наук А. И. Фёдорова. – М., 1995.
5. Longman Dictionary of English Language and Culture. New Edition. – Longman, 2000.

Н.В. Бойченко

Социальные функции **PIUDANS** в готском языке и **PEÓDEN** в древнеанглийском языке

Долгие годы ученые проявляют интерес к вопросу о том, почему в готском и в древнеанглийском языках существовало несколько наименований правителей (сравните, *piudans* (Goth), *peóden* (Old Saxon) ‘король’, *kindins* (Goth), *kind*;

kuning (Old Saxon,) 'правитель' *frauja* (Goth), *frō, frao* (Old Saxon) 'господин', 'повелитель'). А. Гуревич, например, указывал: «Римляне сталкивались, прежде всего, с германскими воинами и их вождями; употребляемая латинскими авторами терминология заведомо неточна, и потому едва ли ее анализ может быть результативен» (Гуревич 1999, с.45). Изучая древнеанглийский, Ю.С. Григорьева указывала, что «...анализ языкового материала свидетельствует о нечеткости разграничения понятий «вождь» и «король», ... поэтому понятия «вождь» и «король» в настоящем исследовании равнозначны» (Григорьева 2007, с. 75).

Прежде всего, следует отметить, что в древних германских письменных памятниках можно выявить несколько существительных со значением 'король', 'вождь'. Е. А. Сорокина считает, что «такое многообразие обозначений для повелителя связано, вероятно, со структурой власти древнегерманского общества, по поводу которой в современной науке нет единодушного мнения» (Сорокина 2007б, с. 332).

Действительно, можно ли установить причины, по которым наблюдается такое терминологическое разнообразие? Существо проблемы, вероятно, заключается в тех различных функциях, которые были закреплены в древнегерманском обществе за каждой из этих номинаций. В частности, К. Тацит писал о том, что у германцев существовали и вожди, и короли, но различались их функции (Тацит, 2002). Возможно ли выявить эти специфические функции? По мнению многих исследователей-лингвистов, семантическая реконструкция позволяет выяснить не только особенности дописьменного состояния общества, но и дает возможность воссоздать его структуру. «Наиболее надежным и достоверным источником для семантической реконструкции древнегерманской лексики являются, несомненно, тексты, написанные на древних германских языках, которые хотя и относятся к более поздним периодам, но дают исследователю-лингвисту возможность проследить развитие значений слов и вероятность реконструировать их первичные значения» (Сорокина 2008, с. 104).

Анализ древнегерманских словарей (Balg 1889, Bosworth 1898, Zoega 1910) позволил выделить несколько терминов, восходящих к древнегерманскому периоду и обозначающих предводителей социальных групп: гот. *þiudans* «король», др.-англ. *ðeoden* «правитель», др.-исл. *þjóðann* «князь»; гот. *kindins* «правитель», др.-англ. *cyning* «король», др.-исл. *konungr* «король», др.-англ. *dryhten* (*drihten*) «правитель, король, лорд, принц», др.-исл. *drottinn* «господин, князь». Все они являются производными от обозначения различных социальных групп людей, а именно: **þiudo*, **kunjo*, **druxtiz*. Сравните: гот. *þiuda* «народ», др.-англ. *ðeod* «народ», др.-исл. *þjóð* «народ»; гот. *kunja* «род, раса, племя», др.-англ. *cy(n)* «раса, люди, семья», др.-исл. *kyn* «род, родственник»; др.-англ. *dryht* «толпа, армия, множество слуг, люди», др.-исл. *drott* «домочадцы, народ», «дружины короля» (Сорокина 2008, с. 106).

В данной работе мы ограничимся разбором готского термина *þiudans* и древнеанглийского термина *þeóden* и сравним полученные данные.

Начнем анализ с готского термина *þiudans*. Несмотря на малочисленность дошедших до наших дней готских письменных памятников, в основном религиозного характера, выявление основных функций *þiudans* не вызывает

затруднений, так как во всех контекстах четко прослеживается калькирование греческого слова *βασιλευς*.

«Один из способов обозначения царя в греческом – *βασιλευς*» (Бенвенист 1995, с.258). Потребовались бы многие и многие страницы, чтобы перечислить и проанализировать с необходимой тщательностью все трактовки данного греческого титула, поэтому приведем лишь то общее, в чем единодушны большинство ученых. Итак, *βασιλευς* – племенной вождь греческих племен (фил); управляющий наряду с советом старейшин и народом городской общины; *βασιλευς* также назывался военный глава (Сергеев 2002).

Логичным в данном случае, пожалуй, было бы предположение о том, что функции, выполняемые *βασιλευς* совпадают с *þiudans*.

Анализ примеров из готского перевода Евангелия позволил выделить несколько функций *þiudans*. Во-первых, воплощать власть или представлять группу в целом. Эта функция «заложена» в значении слова *þiudans* – предводитель народа. Еще Эмиль Бенвенист писал о том, что «*βασιλευς* – это не более чем традиционный титул, которым обладает глава племени (*genos*)» (Бенвенист 1995, с. 259).

«Древнегерманское **þiudo*- представляло собой социальную группу людей от 15 до 35 человек, язычников по верованиям, принадлежащую к одному народу, проживающую на территориях, объединенных единым местом захоронения, имеющую собственные традиции и язык, т.е. образующую этническую общность, единый этнос. Важно особо подчеркнуть, что ни в одном из исследуемых языков не обнаружено указание на включение в состав данной группы только кровных родственников, или только свободных людей, что дает возможность предположить о территориально-этнической сущности термина **þiudo*-» (Сорокина 2007а, с.196). И этому находим подтверждение в многочисленных примерах. Сравните:

ip Iesus stop faura kindina, jah frah ina sa kindins qipands: þu is þiudans Iudaie? ip Iesus qap du imma: þu qipis. – *ὁ δε ἰησοῦς ἐστάθη ἐμπροσθεν τοῦ ἡγεμόνος: καὶ ἐπηρώτησεν αὐτόν ὁ ἡγεμὼν λέγων, σὺ εἶ ὁ βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων; ὁ δὲ ἰησοῦς ἐφη, σὺ λέγεις.* – «Иисус же был поставлен перед правителем. И спросил Его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус же сказал: ты говоришь» (Matthew).

þiudans Israelis – [*καὶ*] *ὁ βασιλεὺς τοῦ ἰσραήλ.* – «Царь Израилев!» (John); // *σὺ εἶ ὁ βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων;* // «Ты - Царь Иудейский?» (John); - *βασιλεα τῶν Ἰουδαίων;* - Царя Иудейского?(John chapter 18 verse 39); *þiudans Iudaie!* - King of the Jews! - *ὁ βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων* – «Царь Иудейский!» (John).

Во-вторых, проанализированные примеры показывают, что этот титул получают не по происхождению, это, скорее, «выборная» должность.

ip Iesus kunnands þatei munaidedun usgaggan jah wilwan ina ei tawidedeina ina du þiudana, afiddja aftra in fairguni is ains. – *ἰησοῦς οὖν γινούς ὅτι μέλλουσιν ἐρχεσθαι καὶ ἀρπάξειν αὐτόν ἵνα ποιήσωσιν βασιλεα ἀνεχώρησεν πάλιν εἰς τό ὅρος αὐτός μόνος.* – «Сам же Иисус, узнав, что собираются прийти и захватить Его, чтобы сделать царем, удалился снова на гору один» (John).

ip baurgjans is fijaidedun ina jah insandidedun airu afar imma qipandans: ni wileima þana þiudanon ufar unsis. jah warþ, biþe atwandida sik aftra, andnimands þiudangardja jah haihait wopjan du sis þans skalkans þaimeī atgaf þata silubr, ei gakunnaidedi hva hvarjizuh gawaurhtedi. – *οἱ δὲ πολῖται αὐτοῦ ἐμίσουν αὐτόν, καὶ ἀπέστειλαν πρεσβείαν ὀπίσω αὐτοῦ λέγοντες, σὺ θέλομεν τούτον βασιλευσαι ἐφ' ἡμᾶς. καὶ*

ἐγένετο ἐν τῷ ἐπανελθεῖν αὐτόν λαβόντα τὴν βασιλείαν καὶ εἶπεν φωνηθῆναι αὐτῷ τοὺς δούλους τούτους οἷς δεδώκει τὸ ἀργύριον, ἵνα γνοί τί διεπραγματεύσαντο. – «Но сограждане ненавидели его и отправили вслед за ним посольство, чтобы сказать: "не хотим, чтобы этот воцарился над нами". И было: когда он возвратился, получив царство, приказал он позвать к нему тех слуг, которым дал деньги, чтобы узнать, кто что приобрел» (Luke).

Сравните это с доводами, приведенными в работе Эмиля Бенвениста: «Конечно, в гомеровских выражениях *βασίλευς* – это «рожденный от Зевса», «вскормленный Зевсом»; ... Все его значение и все его владение, знаки достоинства и права доверены ему богами, но ими он обладает *не по своему божественному происхождению*» (Бенвенист 1995, с. 261).

Об ограничениях, накладываемых на применение власти такого происхождения, указывают многие ученые, например, А.И. Бардаков, который отмечает то, что Басилей не может осуществлять властных функций по отношению к гражданам, так как равен им по социальному основанию, а его естественный статус не является достаточным основанием для обладания властью (Бардаков 2007). Подобного мнения придерживается и Х. Туманс, который указывал в своей работе «Две потестарные модели в древней Греции: Проблемы античной истории» на то, что Гомеровский басилей – скорее военный предводитель, чем облеченный «священными» полномочиями монарх. Власть его неустойчива, неинституализирована и может быть оспорена в отсутствие бásiлея (цит. по: История мировой культуры).

В Евангелие от Луки говорится о нежелании граждан жить под началом данного царя, что, на наш взгляд указывает на возможность выбора. Слова «получив царство», являются еще одним подтверждением этого. Итак, царем можно сделать, царство можно получить, а народ может не принимать того царя, который находится у власти и желать другого.

Об этих функциях писал Эмиль Бенвенист, когда описывал функции греческих бásiлеев «Он (*biudans*) не был царем от рождения, а становился им в результате выбора: его выбирали из народа...» (Бенвенист 1995, с. 202).

Подтверждение этому можно найти и у Ф.Энгельса: «...следует предположить, что у греков бásiлей должен был либо избираться народом, либо же утверждаться его признанными органами – советом или агорой...» (Энгельс) и в других источниках, описывающих, например, процедуру избрания бásiлея в неких «форс-мажорных» обстоятельствах: «во время войны один (иногда два) из бásiлеев избирался на народном собрании на должность военачальника и возглавлял ополчение общины (*ellada*).

Согласно Аристотелю, бásiлевс – это правитель, избранный или принятый народом добровольно (цит. по: Сергеев 2002). К. Богданов, подчеркивая происхождение *βασίλευς*, писал, что «Бásiлеи – это выходцы из народа, которому они и служат» (Богданов 2006).

В-четвертых, совещательная функция, которая проявлялась во время военных действий, как это описано в Евангелии от Луки. Данный пример иллюстрирует и следующую функцию, а именно: непосредственное участие *biudans* в военных действиях. Сравните:

aip̄hau hvas biudans gaggands stigqan wipra an̄parana biudan du wigan <i>na, niu gasitands faur̄pis pankeīp, siaiu mahteigs mīp taihun busundjom gamotjan pam̄ma mīp twaim tigum busundjo gaggandin ana sik? - ἢ τίς βασιλεὺς πορευόμενος ἐτέρῳ βασιλεῖ

συμβαλεῖν εἰς πόλεμον οὐχὶ καθίσας πρῶτον βουλευέσεται εἰ δυνατός ἐστιν ἐν δέκα χιλιάσιν ὑπαντήσαι τῷ μετὰ εἴκοσι χιλιάδων ἐρχομένῳ ἐπ' αὐτόν; - «Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами?» (Luke).

Еще одной функцией, отмеченной нами при анализе готского *þiudans* является распределительная функция, которая ярко проявляется в отрывке, повествующем о том, каким образом дочь Иродиады по указке своей матери попросила у Ирода голову Иоанна Крестителя:

jah atgaggandein inn dauhtar Herodiadins jah plinsjandein jah galeikandein Heroda jah þaim miþanakumbjandam, qap þiudans du þizai maujai: bidei mik þishvizuh þei wileis, jah giba þus. - *καὶ εἰσελθούσης τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ ἡρώδιάδος καὶ ὀρχησαμένης, ἤρρεσεν τῷ ἡρώδῃ καὶ τοῖς συνανακειμένοις. εἶπεν ὁ βασιλεὺς τῷ κορασίῳ, αἰτήσόν με ὁ ἅν θέλῃς, καὶ δώσω σοι* – «и вошла тогда дочь Иродиады и проплясала: и угодила она Ироду и возлежащим с ним. И сказал царь девице: проси у меня, чего хочешь, и дам тебе» (Mark).

Итак, все полученные данные указывают на то, что готским словом *þiudans* обозначался следующий тип правителя: представитель народа, которого этот народ избирает; он имеет определенные права (вести военные действия, награждать) и обязанности (коллегияльное принятие решений).

Теперь обратимся к древнеанглийскому материалу. Он достаточно обширен и включает в себя значительное количество как поэтических, так и прозаических текстов. Проанализировав примеры употребления слова *þeoden*, мы смогли прийти к ряду заключений. Во-первых, несомненно, это был предводитель народа, территориальный вождь. Приведем для иллюстрации незначительную часть словоупотреблений, подтверждающих это предположение (здесь и далее приводится авторский перевод):

þeoden Scyldinga (Beowulf) – «король данов»; *engla þeoden* (Christ, Andreas) – «ангелов или англо-король»; *þeoden engla* (The Battle of Maldon; Elene) – «король ангелов или англо-»; *Engla þeoden* (Christ) – «король англо-».

Все это, несомненно, указывает на высокий социальный статус, который, предположительно, должен выражаться в выполнении определенных социальных функций.

Действительно, следующие примеры показывают, что у этого территориального предводителя были слуги из населения, живущего на данной территории. В отрывке из текста Бытия находим пример, в котором употребляется сочетание существительного *þeoden* с последующим притяжательным местоимением *his* и существительным множественного числа дательного падежа *þegnum* (от *þegn* – servant ‘слуга’) Сравните:

þa wæs soð swa ær sibb on heofnum, fægre freoþopeawas, frea eallum leof, þeoden his þegnum (Genesis). ‘Затем было там также спокойно, как раньше в Царстве Небесном. Господь, всеми любимый, господин своим **слугам**...’.

Далее в этом же произведении встречается абзац, в котором в строках 267-268 употребляются слова *þeowian* ‘служить, быть слугой’ и *geongerdome* ‘подчинение, подчиненность, зависимость, подневольность’. Сравните:

Ne meahthe he æt his hige findan þæt he gode wolde geongerdome, þeodne þeowian (Genesis). 'Не смог он в своем сердце найти это, чтобы **подчиняться** своему правителю или **служить** ему'.

Рассмотрим еще два отрывка, из которых становится ясно, что *þeóden* обладал правом отдавать приказы, давать своим людям какие-либо поручения, позволять что-либо делать. Например:

þa se þeoden his þegnas sende, heht hie bringan to him selfum (Genesis). 'Потом этот правитель своих слуг **послал, приказал** им привести к нему ее'.

þeoden þolian, þæt wurde þegn swa monig forlædd be þam lygenum (Genesis) (Genesis) 'вождь **позволил**, чтобы слуг так много ввели в заблуждение ложью'.

to Bethania, þeoden þrymfæst, his þegna gedryht gelaðade... (Christ) 'в Бетании правитель славный, своих слуг **свиту/группу** собрал...'.

Следующий пример из поэмы «Христос», где встречается словосочетание *his þegna gedryht*, также иллюстрирует высокий социальный статус *þeóden*. Но особый интерес здесь вызывает слово *gedryht*, которое согласно словарю Bosworth (Bosworth) означает *a host* 'войнство, войско; тьма', *company* 'общество, компания', *band of retainers* (*band* — 'отряд, группа людей', *retainer* — 'слуга, постоянно живущий в какой-л. семье'). Для уточнения значения этой лексемы обратимся к статье Е.А. Сорокиной, посвященной выявлению социальных функций **druxtiz* у древних германцев на материале готских, древнеанглийских и древнеисландских письменных памятников. Автор отмечает, что «**druxtiz*, вероятно, входил в группу таких же людей, объединенных одним занятием. Неслучайно использование префикса *ga-* «совместность» в гот. *ga-drauhts* и др.-англ. *ge-driht*» (Сорокина 2007б). Кроме того, автор приходит к выводу о том, что и англосаксонское *dryht* и древнеисландское *drott*, как и готское *gadrauhts* имеют еще одно общее, вторичное, значение: «вооруженный человек». На основании этого, можно сделать предположение о том, что в подчинении у *þeoden* находятся не только слуги, но и вооруженные люди, возможно, это были дружинники или личная охрана.

Как показывает исследованный материал, вероятнее всего этот титул не получали при рождении. Рассмотрим, к примеру, строку из произведения о коронации Эдгара (The Coronation of Edgar), в котором встречаем следующее:

And him Eadmundes eafora hæfde // nigon and XX, niðweorca heard, // wintra on worulde, ða þis geworden wæs, // and þa on ðam XXX wæs ðeoden gehalgod (The Coronation of Edgar). 'И ему Эдмунда наследника имел, // девять и двадцать, битва жестокая // зимой долгой, как приказано было, // и на тридцатый был королем **освящен**'.

Особый интерес представляет последняя строка, в которой употреблена пассивная конструкция *wæs gehalgod*. В словаре An Anglo-Saxon Dictionary (Bosworth) глагол *ge-hālgian* (формой которого является причастие прошедшего времени *gehalgod*) определяется через *to consecrate* 'объявлять священным', *ordain* 'посвящать в духовный сан', *hallow* 'освящать', *make holy* 'делать священным', *sanctify* 'освящать'. Анализ дефиниций показал, что при объяснении всех этих слов присутствует слово *make* 'делать, создавать'. Кроме того, у Беды Достопочтимого читаем следующее:

Hēt se pāpa hine to bisceope gehālgian (Bede). 'Римский папа приказал рукоположить его в епископы'.

Принимая во внимание все вышеизложенное, предположим, что существовал некий обряд, сакрализованное действие, скорее всего ритуального характера, в результате которого человека объявляли *þeóden*.

Кроме того, в книге «Варвары» Терри Джонса в качестве причины борьбы германцев с Римом указывается на нежелание германцев изменить свое племенное общественное устройство «с народными вече, ...выбирающими военных вождей» (Джонс 2007, с. 151) на имперский строй.

Это в свою очередь позволяет нам сделать предположение о том, что вполне вероятно данный титул не являлся наследственным.

Итак, было установлено, что *þeóden* имел достаточно высокий социальный статус, имел в подчинении слуг и вооруженную охрану, хотя и владел этим титулом не от рождения.

Анализ следующего примера позволил сделать предположение о наличии у *þeóden* функции законодателя – того, «кто оказывает определяющее влияние на формирование норм поведения» (БСТСРЯ, с. 729), т. е. это человек, который может устанавливать некие правила и законы. Рассмотрим следующий пример из Бытия, где употребляется словоформа *larum* от слова *lar* 'инструкция, учение'. Обратившись к словарю, находим объяснение через латинские лексемы *disciplina*, *doctrina* 'учение; теория; принципы; образ жизни' (Bosworth). Сравните:

Lifge Ismael larum swilce, þeoden (Genesis). 'Пусть Измаил живет по твоим законам, о господин'.

Представленный пример указывает на вероятность того, что *þeoden* мог создавать законы, устанавливать правила для людей, и, возможно, даже подавать некий пример или образец, по которому можно или нужно жить. Следующий отрывок из поэмы Беовульф указывает на то, что, вероятно, с одной стороны, *þeóden* сам создавал некие правила, но, по-видимому, с другой стороны, мог не принимать чужих правил. Рассмотренный пример показывает, что *þeóden* не слушает совета сделать что-либо, исходящего от других людей. Вполне вероятно, что нельзя было давать какие-то советы *þeóden* а, возможно, и какими-либо своими действиями влиять на принятие и исполнение тех законов, которые уже были установлены. Сравните:

ne meahton wé gelaéran léofne þeoden ríces hyrde raéd aénigne þæt hé ne grétt (Beowulf). 'Наших советов не принял пастырь, мольбы не услышал любимый конунг (пер. В. Тихомирова)'. 'Не **могли** мы **давать** любимому правителю, защитнику королевства, **совета**, которого он не примет'.

Наибольший интерес в данной строке вызывает не слово *gelaéran* от *(ge)læran* (*to teach* 'учить', *advise* 'советовать', *persuade* 'убеждать' (Bosworth), или слово *raéd* (*advice* – 'совет' / *counsel* – 'совет'), а употребление в данном контексте претерито-презентного глагола *meahton* (от *magan*) со значением 'иметь силу, мочь' (Смирницкий 1998, с. 267). Данный факт кажется наиболее убедительным аргументом, и, исходя из контекста данного примера, вероятно можно сделать вывод о том, что автор все-таки говорит именно о невозможности давать советы своему *þeóden*.

Следующий пример, на наш взгляд, указывает на то, что *þéoden* является не только создателем законов, норм и традиций, но и их хранителем. В древнеанглийском аллитерационном стихотворении «Видсит» (*Widsith*) говорится о том, что для того, чтобы трон *þéoden* процветал или благоденствовал, люди должны жить по принятым законам, а тот, кто сидит на троне, также должен осуществлять некий надзор за соблюдением законов или правил. Сравните:

Seal þeodna gehwylc þeawum lifgan, eorl æfter oþrum eðle rædan, se þe his þeodenstol geþeon wile (*Widsith*). 'Obliged these people are in virtuous conduct to live, one earl after another their country to rule, he who his throne wishes it to prosper!' (trans. Douglas B. Killings). 'Обязать народ по всем правилам жить // один господин за другим своей страной управлять // тот, кто хочет, чтобы его трон процветал'.

Хотя в этом отрывке употребляется не само слово *þéoden*, а его производное *þeodenstol* (*the seat of a king, throne* 'трон, престол'), а для обозначения владельца трона древнеанглийский бард употребляет *se þe* 'тот, кто', на наш взгляд, этот пример можно рассматривать в данном исследовании. Таким образом, можно сделать предположение о том, что именно *þéoden* и должен обязать своих людей подчиняться установленным законам, соблюдать принятые традиции, т. е. он выступал в качестве хранителя традиций.

Кроме того, наличие слова *þeodenstol* (*the throne of a king* (Bosworth) 'трон') также позволяет предположить довольно высокий статус *þéoden*. Вероятно, *þeodenstol* – это некий атрибут власти. И то, что у *þéoden* было свое определенное место, по-видимому, являлось значимым статусным маркером, возможно даже знаком социального престижа власти. Сравните также:

ond ymb þeodenstol þringað georne (Christ) 'и вокруг трона толпились вместе'.

В отрывке из произведения «Битва при Мэлдоне» (*The Battle of Maldon*) находим такой контекст: *þéoden* удовлетворен действиями своего подчиненного и выражает ему свою благодарность, сравните:

þæs him his ðeoden þanc gesæde (*The Battle of Maldon*) 'за это ему его вождь благодарность сказал'.

В примере, взятом из поэмы «Беовульф», встречаем словосочетание «даритель колец», сравните:

þá léofne þéoden béaga bryttan (*Beowulf*) 'любимый вождь, даритель колец'.

О том, что вождь выражал благодарность не только устную, но и вполне конкретную? писал А. Гуревич: «...вождь щедро одаривает дружинников кольцами, оружием и другими ценностями» (Гуревич 1975, с. 12). Джонс Т., описывая систему ценностей древних германцев по сравнению с римской системой, говорит: «Вождь подтверждал свое положение собственной храбростью, а свое богатство – щедростью на празднествах и пирах» (Джонс 2007, с. 127). Описывая особенности героического эпоса, А. Гуревич указывает на основные ценности, сложившиеся в дружинной среде — это «жажда славы, добычи и княжеских наград» (Гуревич 1975, с. 13). В то же время, необходимо помнить, что у германцев была «культура воинов, где мужество и почет среди товарищей значили больше, чем накопленные богатства» (Джонс 2007, с. 127). То, что герои-воины жаждут наград не меньше славы, а также и «устойчивое

обозначение короля – «ломающий гривны» (Гуревич 1975, с. 13), вероятно, иллюстрирует распределительную функцию вождя. По-видимому, *þéoden* воспринимался соплеменниками в качестве благодетеля, дарителя блага. Но не только жажда наживы движет воинами в поисках подарков вождя, «в ту эпоху в акт дарения вождем драгоценности верному человеку вкладывали и более глубокий, сакральный смысл» (Гуревич 1975, с. 13). И действительно, если принять во внимание тот факт, что во время создания поэмы «Беовульф» еще сохранялась языческая вера в судьбу (судьба не как всеобщий рок, а как индивидуальная доля человека, т.е. то, что мы называем удачей или счастьем), то, скорее всего, можно говорить о том, что у одного человека везенья может быть больше, а у другого – меньше. А вождь должен быть, вероятно, самым богатым везеньем человеком, иначе не существовала бы вера в то, что везенье вождя обязательно распространяется на всю его дружину. Вместе с наградами, которыми вождь одаривает своих воинов, он передает им и частичку своего везенья.

Проведенный анализ позволяет определить термин *þéoden* как особый тип правителя, предводителя народа, социальной группы, который получал этот титул в результате особой церемонии. Этот титул давал ему не только определенные права, например, иметь в подчинении слуг и вооруженную охрану, но и позволял выполнять определенные социальные функции, например, устанавливать нормы поведения и поддерживать соблюдение традиций, а также распределять определенные блага среди соплеменников.

Итак, при ближайшем рассмотрении оказывается, что функции, присущие *þiudans* у готов и *þéoden* у англосаксов практически полностью совпадают. Это, в свою очередь, позволяет сделать предположение о том, что все перечисленные функции, скорее всего, были присущи общей праформе, к которой восходят исследованные выше *þiudans* и *þéoden*.

Литература

1. Balg G. H. A Comparative Glossary of the Gothic Language with special reference to English and German. – London, 1889.
2. Bosworth – Joseph Bosworth and T. Northcote Toller. An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth, edited and enlarged by T. Northcote Toller. – Oxford, 1898.
3. ellada – http://ellada.forever.kz/4_4.html
4. Zoega Geir T. A Concise Dictionary of Old Icelandic. – Oxford, 1910.
5. Бардаков А. И. Власть в формах организации жизнедеятельности общества : дис. ... док. полит. наук. – Волгоград, 2007.
6. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1995.
7. Богданов К. Наука в эпическую эпоху: классика фольклора, классическая филология и классовая солидарность. – Независимый филологический журнал. – 2006. – №78.
8. БТСРЯ – Большой современный толковый словарь русского языка. Ефремова Т.Ф. – 2006.
9. Григорьева Ю.С. Эволюция концептов CYNING и DRYHTEN в рамках древнеанглийского периода (на материале древнеанглийской поэзии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 5, вып. 1. – Новосибирск, 2007. – с. 74 - 83.

10. Гуревич А. Вступительная статья. Беовульф. Библиотека Всемирной Литературы. –Том 9. –Москва, 1975.
11. Гуревич А. Древние германцы. Викинги. – СПб., 1999.
12. История мировой культуры (мировых цивилизаций). – Ростов н/Д., 2004.
13. Сергеев В.С. История Древней Греции. – СПб., 2002.
14. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. – М., 1998.
15. Сорокина Е.А. К реконструкции прагерманских * *PEUDO*- И * *KUNJAN* // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – Тамбов, 2007. –№ 3, ч. 2. – С. 194 – 197.
16. Сорокина Е.А. К реконструкции древнегерманского * *theudanoz* // Проблемы концептуальной семантики языка и речевой деятельности: Материалы 1-й Всероссийской научной конференции. – Иркутск, 2007. – С. 332 – 338.
17. Сорокина Е.А. К реконструкции древнегерманского института свободный – зависимый // Вопросы языкознания № 5. – Москва, 2008. – С 103 – 115.
18. Тацит К. Сочинения в 2-х томах. – Т. 1. Анналы. Малые произведения, Т. 2. История. – СПб., 1993.
19. Джонс Терри, Эрейра Алан. Варвары. – М., 2007.
20. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // http://www.hrono.info/libris/lib_e/engels_sem04.html

Источники примеров

1. Andreas // Andreas and The fates of the apostles: two Anglo-Saxon narrative poems by Cynewulf, George Philip Krapp. – Boston, New York, Chicago, London: Ginn & Company, 1906. – P. 1-68.
2. Beowulf, edited with an introduction notes and new prose translation by Michael Swanton. – New York, 1978. – P. 34-187.
3. Christ // <http://www.scribd.com/doc/9697966/eBook-Poetry-Antologia-The-Complete-Corpus-of-AngloSaxon-Poetry>
4. Elene // <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library/oe/junius.html>
5. Genesis // <http://www.georgetown.edu/labyrinth/library>
6. John// <http://www.wulfila.be/>
7. Luke// <http://www.wulfila.be/>
8. Mark // <http://www.wulfila.be/>
9. Matthew// <http://www.wulfila.be/>
10. The Battle of Maldon // A choice of Anglo-Saxon verse selected with an introduction and a parallel verse translation by Richard Hamer. – London: Faber and Faber limited, 3 Queen Square, 1970. – P. 48-70.
11. The Coronation of Edgar // <http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library>
12. Bede – The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. by Thomas Miller, 4 vols. – London: Early English Text Society. – 1959 -1963.
13. Widsith // Widsith. A Study in Old English Heroic Legend by R. W. Chambers. – Cambridge: The University Press, 1912.

Е.В. Бондаренко

Диахроническое временное измерение межкультурной семейной коммуникации

Временной аспект семейной коммуникации является одним из ключевых: он определяет не только жизненные этапы отдельно взятой семьи, но и качество

самого повседневного общения, особенно если речь идет о семье, созданной представителями различных культур.

В основе многочисленных стереотипов, которые препятствуют эффективному межкультурному семейному общению, лежит условное разделение мировых культур на полихронные и монокронные с оговоркой о том, что в рамках одной культуры могут проявляться как те, так и другие типовые признаки. Искусственно усвоенное людьми монокронное восприятие жизни основывается на четком выделении каждому действию определенного отрезка времени; оно преимущественно присуще западным обществам. В полихронных культурах, к числу которых, как правило, причисляют страны восточного мира, «время воспринимается как более абстрактная категория, допускается выполнение нескольких действий одновременно, основное внимание уделяется выполнению самих действий, ритм жизни более медленный» (Леонтович 2007, с. 127).

Временной аспект семейной коммуникации рассматривается в двух измерениях: диахроническом и синхроническом. **Д и а х р о н и ч е с к о е** **и з м е р е н и е** представляет собой историю создания и развития конкретной семьи и рода в целом, генеалогическое семейное древо. **С и н х р о н и ч е с к о е** **и з м е р е н и е** касается существования жизни одного - трёх поколений в рамках нуклеарной семьи в определенный период времени. Они семантически различаются, т.е. воспринимаются членами семьи по-разному: диахронический аспект, затрагивающий прошлое, настоящее и будущее, в большинстве культур является ценностью и ассоциируется с памятью о предках и надеждами на будущее следующих поколений семьи, в то время как синхронический аспект, жизнь «сегодня и завтра», строится на повседневном распределении личного и семейного времени. Какой из аспектов является большей ценностью, зависит от типа культуры, а то, какой в большей степени определяет общение в межкультурной семье, зависит от способа сосуществования и обоюдного проявления представленных культур.

Непосредственно в языковой коммуникации диахроническое измерение проявляется, прежде всего, в неотъемлемых номинациях в истории любой семьи: фамилия (family name), отчество, имя. Фамилия со времен зарождения семейного института являлась символом конкретного рода, в большинстве культур последующими поколениями наследуется фамилия отца, реже матери. В большинстве традиционных культур, в частности, русской более часто наблюдается изменение фамилии женщиной при замужестве, которое символизирует существующее с древних времен социальное предназначение женщины: оставить свой род и стать частью рода мужа, «раствориться» в его семье. Правовые системы большинства государств допускают смену фамилии по достижении определенного возраста, однако это делается в крайних случаях и трактуется общественностью как своего рода «отказ от корней». Современные демократические культуры допускают при создании семьи объединение двух фамилий в одну, что символизирует эгалитарность брака. Выяснение этимология собственной фамилии, равно как и восстановление истории рода во многих культурах считается «делом чести».

Имя отца и/или матери является связующим звеном между предыдущим и последующим поколением, часто имена родителей или предков намеренно сохраняются из поколения в поколение, также символизируя семейственность,

продолжая традицию. Существуют специфические культурные традиции относительно имянаречения, например, в Индии детей принято называть на ту же букву, с которой начинаются имена матери и отца.

В межкультурной семье проблема выбора и передачи имени и фамилии решается индивидуально в зависимости от личных предпочтений родителей и традиций представленных в семье культур/традиций страны проживания пары.

Более глубокую проблему создают отличия в ценностном аспекте диахронического наследия семьи, присущем той или иной культуре. На вопрос «До какого поколения вы знаете предков своей семьи?», предложенный нами в анкетах межкультурным парам, в составе которых есть русские (14 человек), 12 ответили «до прадедов», заметив при этом, что генеалогического древа не ведут. Преобладающее отсутствие интереса к восстановлению прошлого своей семьи легко выявляется и при устном неформализованном опросе россиян, хотя исключения, конечно, есть. В то же время для сравнения, среди опрошенных нами армян (20 человек), оформленные родословные (до 8-ого колена и старше) присутствуют в доме у 14-ти. При этом опрошенные знают имена и краткие биографии большинства своих предков, передают свои знания детям. Эти данные позволяют отметить различия в ценностном восприятии времени, конкретнее, семейного прошлого, в разных культурах.

Отношение к будущему семьи также носит культурный отпечаток: представители монохронных культур, например, американской, высчитывают по часам и планируют время, начиная с завтрашнего дня и вплоть до нескольких лет/десятилетий вперед, сопровождая этот процесс моральными и финансовыми вложениями. Другие культуры считают это занятие бессмысленным и живут сегодняшним днем, что отражено, например, в фольклоре и пословицах: *О будущем говорить - чертей смешить* (японская поговорка). Китайская культура по восприятию времени отличается тем, что времяисчисление происходит всегда от большего к меньшему, т.е. при назывании даты начинают с года и заканчивают минутами: год, месяц, день, день недели, время суток, час, минута.

В лингвистическом аспекте семейной коммуникации диахроническое временное измерение отражается через так называемый «семейный нарратив», понимаемый нами как совокупность семейных преданий и легенд, рассказов и разговоров с приведением примеров из жизни далеких предков, предьявлением семейных реликвий; обсуждение семейных планов на ближайшее и далекое будущее, поучительные беседы с детьми и т. п. Понятие семейного нарратива существует также в психологии как система значений, символизируемых качеств, атрибутов, отношений, поведенческих паттернов, которые приписываются семье как целому (создают ее образ в культуре), организуют формы взаимодействия внутри группы (Сапогова 2002).

В содержании семейного нарратива присутствуют «тайные» тексты, ритуальные послания, семейные истории, заветные слова, наставительные повествования, прямые указания на должное и осуждаемое в поведении, а также традиционное, годами отбираемое внутри поколений семьи, содержание большой нарративной культуры (сказки, былины, приговорки и т. д.). Семейный нарратив — это явление, отражающее самобытность культуры народа, это и семейное пение, и рассказывание/чтение сказок, «поэзия пестования» (термин Е. Е. Сапоговой), система семейных игр, вербализованных ритуалов (утренних приветствий, уходов/приходов, отъездов/возвращений, семейных трапез, общих

сборов, семейных советов, вечернего общения, телесных контактов, размолвок/прощений и т.д.), семейный реликварий и т.д.

Во многих культурах семьям свойственно фиксировать основные события своей истории не только в устной и письменной форме (дневники, сочинения на семейные темы, литературное творчество, (авто) биографии), но и визуальным рядом через создание фотоальбомов, видеоархивов и т. д.

Внутрисемейные тексты, наряду с другими социально-экономическими и психологическими факторами, характеризуют и индивидуализируют семью как целое, укрепляют её «Мы»-образ. Именно семейные прецедентные тексты создают своеобразную семиотическую размерность, расчлененность: ребенок начинает выделять в качестве важного, ценностного и требующего безусловного усвоения определенные онтологические зоны, через которые он как новая языковая личность переживает свое отношение к миру в целом, к бытию.

По словам Е.Е. Сапоговой, анализ исследуемой этнографами и фольклористами семейной повествовательной традиции показывает, что огромный пласт культуры «входит» в ребенка с детских лет именно с корпусом семейных текстов, переплетаясь со сказочными текстами и житейскими ситуациями. Эти семейные тексты изначально собраны для него семьей и закреплены как обязательные для передачи по мере взросления (хотя многие фрагменты семейного нарратива могут иметь почти полностью закрытый характер, например, неблагоприятные поступки родственников, подробности интимной жизни родителей, некоторые обстоятельства женитьб, смертей и рождений и т. д.). Отобранный материал, сопровождаемый семейной традицией, транслируется поколениям детей, пробуждая «инстинкт культуры» (термин Я.Э. Голосовкера), давая им возможность прочесть и сохранить в себе «зашифрованные отзвуки времени».

Интимно-доверительное семейное общение и ранняя, естественная, совпадающая с нарастающим собственным опытом ребенка презентация фрагментов семейного предания способствует тому, что информация воспринимается ребенком без особого обдумывания и критики и, как любая символика, сразу «впитывается» на бессознательном уровне, выполняя функцию первичных настроек сознания ребенка на восприятие социально-культурной (в частности, морально-нравственного, эстетического, религиозного, этического, мистического, познавательного характера) информации определенного типа. Именно на этом уровне создается фон пониманию того, что значит «хорошо» и «плохо», строится ориентация на одобряемые формы поведения, системы отношений, будущий спектр профессиональных решений, программы желаемого «образа Я» и подходящего «образа Другого», т. е. все составляющие языковой и культурной личности.

Опираясь на имеющиеся в отечественной лингвистике работы, мы предполагаем, что семейный нарратив выполняет для ребёнка функцию своеобразных *прецедентных текстов*, т.е. текстов, которые могут быть охарактеризованы как семиотически и психологически значимые для той или иной группы лиц в пределах определенного исторического хронотопа, социокультурного контекста (Богданов 2001). Как отмечает Ю.Н. Караулов, прецедентными стоит именовать тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению

данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов 1986, с. 105).

Под прецедентным текстом принципиально можно понимать любую цельную и связанную повествовательную структуру (от поговорки до эпоса), которая обладает ценностной значимостью для определённой культурной группы.

Е. Е. Сапоговой выделены определенные признаки семейного нарратива:

- 1) своеобразная первичность семейных текстов для ребенка;
- 2) естественная понятность без специального объяснения;
- 3) актуальная коллективность;
- 4) объективная содержательная неполнота (как указывал А. А. Потебня, такие тексты часто сжаты до семантически маркированных элементов коммуникации);
- 5) известная фоновость, участвующая в создании особого контекста взаимопонимания между членами семейной микрогруппы, особого эмоционального микроклимата родственности, близости, интимной доверительности;
- 6) глубинная связанность семейного нарратива с архетипическим культурным опытом всего социального, этнического и т.д. сообщества, известная клишированность этих текстов;
- 7) временная устойчивость и повторяемость из поколения в поколение с минимальной потерей элементов;
- 8) формирование групповой и индивидуальной (личностной) идентичности определенным, закрепленным образом;
- 9) выполнение системообразующей семиотической функции.

Семейный прецедентный текст – это не застывшая, зафиксированная раз и навсегда материальная форма, а *процесс*, «живущий» в течение определённого времени в других текстах. Его «процессуальность» связана с тем, что, передаваясь из поколения в поколение, семейный нарратив обогащается опытом понимания и проживания жизни семьи каждым его носителем в силу того, что любой текст полиинтерпретируем, и множественность осуществляемых в нём символов является его неустранимой характеристикой (Барт 1994, с. 146-147).

Более того, каждый член семьи как носитель семейного нарратива обладает потенциальной внутренней готовностью обогащать и трансформировать текст, поскольку его онтология является, с одной стороны, реализацией семейных наставлений и традиций, а с другой – неповторимым опытом творения личной истории, которая вплетается в канву общего семейного текста. Каждый носитель семейного нарратива при восприятии подвергает его собственной ментальной переработке: «несовпадающие интерпретации возникают вследствие того, что объект по-разному воспроизводится в сознании разных субъектов (разное опускается и добавляется), неодинаково членится ими, элементы членения по-разному монтируются, в объекте акцентируются разные стороны, он проецируется на разные эталоны и, наконец, ему приписывается различная семантика, то есть он подвергается альтернативной символизации» (Борухов 1989, с.10).

В формировании концепта прецедентного текста для ребёнка огромную роль играет прародительская семья. Такой особый статус прародительского поколения имеет социокультурные обоснования: «в трехпоколенной семье активность “работающего” поколения направлена, в основном, вовне, поэтому

преобладает общение и передача опыта через поколение. Смежные поколения, кроме того, имеют тенденцию к «отталкиванию» в силу универсального закона равновесия, что выражается в признании фамильного сходства через поколение» (Разумова 2001, с. 229).

Семья может состояться на основе брака между людьми без прошлого, но и тогда семейный нарратив выстроится на основе истории и надежд однопоколенной семьи с основными вехами в виде этапов жизненного цикла семьи. Д. Джоннес выделяет основные «доминанты» динамики семейного нарратива, характеризуя их с помощью следующих показателей взаимодействия (Цит. по Разумова 2001, с. 245):

1) детство и период становления (childhood plots); 2) ситуации, когда члены семьи, особенно молодые, покидают ее (transit narratives); 3) выбор партнера, ухаживание (courtship narratives); 4) образование супружеской пары (conjugal sequences); 5) взаимоотношения «отцов и детей» (parenting plots); 6) смерть родственников (limit plot).

Как указывает И.А. Разумова, семейные тексты в микропространстве семьи имеют разный характер: воспитательный, прощальный, «представительский» (их актуализация связана с внешней семейной коммуникацией, презентацией своей семьи посторонним, а также демонстрацией ребёнку позитивного опыта семьи, вхождением в семью новых членов, налаживанием отношений со свойственниками и т. д.). В последнем случае констатирующие высказывания приобретают характер позитивных сентенций, несколько поучающих, морализаторских.

В семейном нарративе как уникальном конгломерате устной и письменной речи проявляется самобытная речевая культура семьи, тесно переплетены описания событий прошлого, настоящего и будущего. Что касается межкультурной семьи, то здесь происходит переплетение двух историй из прошлого разных культур, что обогащает будущее развитие данной семьи, делает его еще более интересным. Примечательно, что при выборе языка межкультурного семейного общения или решении вопроса о сохранении и обучении детей обоим языкам очень часто привлекается диахронический аспект: независимо от национальной, половой и социально-профессиональной принадлежности супруги заявляют, что хотели бы сохранить свой язык, потому что это «язык предков», «их народа». В целом, временное измерение семейной межкультурной коммуникации является неотъемлемым универсальным признаком, который вместе с тем, качественно отличается в зависимости от культуры и требует отдельного подробного изучения.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. Богданов К.А. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. – СПб, 2001.
3. Борухов Б.Л. Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты): Автореф. дисс....канд. филол. наук. – Саратов, 2001.
4. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1986. - С. 105-126.

5. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию: Уч.пособие. – М. , 2007.
6. Разумова И.А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М., 2001.
7. Сапогова Е. Е. Микросоциум семьи и семейный нарратив как психологическая основа культурного социогенеза // Индивидуальные и стилевые особенности личности. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 177-190.

Ю.В. Данюшина

Сопоставительный анализ высоко- и низкоконтекстуального стилей в дискурсе

Рассмотрим, как особенности разных культур проявляются в дискурсе. Для этого применимы широко известные культурологические теории американского антрополога Эдварда Холла (Hall 1959, Hall 1976) и голландского социолога Гирта Хофстеде (Hofstede 1997) к области лингвистической дискурсологии.

Э.Холл показал тесную связь между культурой и коммуникацией, классифицировав все существующие на планете этнические культуры на **высоко- и низкоконтекстуальные** на основе количества информации, эксплицитно выражаемой в сообщении. В высказывании представителя низкоконтекстной культуры (немецкой, англо-американской) информация содержится в максимально вербализованном виде, для них характерен прямой и четкий язык. Высказывания же в высококонтекстных культурах (китайской, японской) часто не могут быть верно поняты только исходя из содержащихся в них собственно языковых знаков: для их правильной интерпретации необходимо широкое знание контекста. В этих культурах важнее не что сказано, а как сказано.

В результате применения данной концепции к дискурсологии получаем соответствующие понятия **высоко- и низкоконтекстуального стилей дискурса**. Рассмотрим особенности высококонтекстуального стиля на примере **китайского** стиля общения.

При этом необходимо принимать в расчет как социально-историческую специфику Китая (более пяти тысячелетий истории Поднебесной, конфуцианская философия, богатая культура, крупнейшее в мире население), так и современные политико-экономические и научно-технические достижения КНР.

Конфуцианство и даосизм лежат в основе философии жизни и культуры китайцев, определяя основные морально-этические принципы. Небо, высшая сила представлены на земле правителями, которые должны быть достойны данной им власти и вести народ к счастью. Стабильность империи рассматривалась как основанная на исходном неравенстве людей. Власть старших (по возрасту и положению) не подлежит обсуждению. Трудолюбие и умеренность вознаграждаются. В отношениях всегда необходимо «сохранять свое лицо» и не допускать действий или высказываний, способных нанести ущерб лицу других.

Отсюда – непрямой стиль общения, не допускающий прямых отказов и негативных для собеседника высказываний, а также обилие пауз и молчания. Китай относится к реактивному («слушающему») типу коммуникационных

культур. Если европейцы общаются по принципу «вопрос – ответ, цель – решение», то китайцы придерживаются модели «монолог – пауза – размышление – монолог» и предпочитают правило «думать молча» (Стародубцев 2007). Древняя китайская пословица гласит: кто знает, тот молчит, кто не знает – говорит. Этот принцип объясняет странное для западных партнеров молчание или смех китайцев в ответ на неприятный или «неудобный» вопрос.

Китайцы стараются не прерывать собеседника и не спешить с ответом, а, заговорив, могут начать издали, не высказывая определенного мнения по теме обсуждения. Торопить их при этом было бы невежливым и разрушительным для отношений. При обсуждении острой темы они будут делать все, чтобы и сохранить свое лицо, и дать возможность собеседнику сохранить свое.

Невербальное общение несет зачастую более значимую смысловую нагрузку, чем слова, однако его внешние проявления сводятся к минимуму. Так, в общении с китайцами рекомендуется избегать жестикуляции, слишком активных изменений выражения лица и проявления эмоций. Необходимо также модулировать громкость и тембр голоса, следить за своими телодвижениями и месторасположением. Оптимальной для общения считается дистанция 1,2 метра, приближение и касание собеседника недопустимы. Кивание головой необязательно означает согласие, скорее, это признак того, что вас слушают.

Паравербальная коммуникация китайцев также значительно отличается от европейской. Издаваемые ими звуки зачастую несут иную смысловую нагрузку, например, по данным некоторых исследователей, вздыхание обычно подразумевает согласие, стон – понимание, ворчание – признательность. Непонимание вопроса, а также невозможность или нежелание отвечать может выражаться смехом (Стародубцев 2007, Fang 1999).

Китайский стиль общения интровертирован, они долго «ходят вокруг, да около», используют безличные конструкции и страдательный залог, отводя упрек от конкретной личности и обезличивая ситуацию из соображений вежливости. Часто применяемые недомолвки подразумевают, что собеседник достаточно умен и информирован, чтобы додумать самому. Нередко используются самоуменьшающие обороты и вежливое несогласие с комплиментами в свой адрес.

В коммуникации проявляется ориентация китайцев на коллективизм, групповую ответственность и патернализм, а также избегание конфронтации и стремление к гармонии. На этих принципах строится и китайский речевой этикет. Например, общераспространенное приветствие в Китае – «Ни хао ма?», означающее «Хорошо ли вам?», на что принято отвечать «Хао, сесе» – «Хорошо, спасибо». Возможно и другое приветствие – «Ни чифань ла ма?» («Кушали ли вы?»).

Низко-контекстуальную модель проанализируем на примере коммуникативных стилей дискурса в **Великобритании и США**.

Здесь необходимо сразу же отметить наличие как сходных черт, так и различий в общении англичан и американцев. Так, например, социальная стратификация общества, проявляющаяся в лингвокультуре, имеет в США и Британии много отличий. История рабства по расовому принципу в сочетании с мультикультурализмом «плавильного котла» для иммигрантов разных национальностей и стремлением к эгалитаризму и демократии наложили свой

отпечаток на культурно-коммуникационные особенности американцев, которые характеризуются стремлением к равенству и самоуважению личности. В то же время, аристократическое общество Британии всегда характеризовалось вычленением наследственной элиты (говорящей на «королевском английском», в отличие от простолюдинов) и недооценкой шотландской, ирландской, уэльской лингвокультур.

Однако, единый протестантский менталитет, опора на индивидуализм, потребительский прагматизм и предпринимательский дух объединяет культуру американцев и британцев, что выражается в общих базовых лингвоконцептах «self», «privacy», «efficiency», «money», «business». Как справедливо отмечает О.А.Леонтович, такие лингвоконцепты (концептосферы), «выступая в качестве базовых, опорных элементов языка, <...> объединяют представителей определенной лингвокультуры» и служат «сгустками смысла, в которых воплощается дух народа» (Леонтович 2005, с. 110).

Как мы уже отмечали, индивидуализм является одним из важнейших принципов англо-американского менталитета, что накладывает свой отпечаток на коммуникацию. Местоимение «I» («я») явно доминирует над «we» («мы»). С.Г. Тер-Минасова (Тер-Минасова 2000, с. 214) отмечает даже графическое проявление такого эгоцентризма – «в английском языке личное местоимение *I* всегда пишется с большой буквы. Может ли русский человек представить себе, что *Я* всегда пишется так, как *I*? Да никогда! Это было бы так нескромно, неприлично, странно, противно и менталитету, и характеру – выпячивание себя. В русском языке с большой буквы пишется местоимение *Вы*, когда оно употребляется в единственном числе. Таким образом подчеркивается особенно вежливое отношение к другому человеку <...> Кроме того, русские любят подчеркивать, что «я» - последняя буква алфавита».

Эта же тенденция проявляется и в синтаксисе: в английском языке наиболее естественно начать предложение с «I», тем самым перенося центр активности и значимости на себя, в то время как русский человек скорее скажет «мне кажется» и т.п., используя безличные конструкции, воплощающие деперсонализацию бытия («что же делать?», «придется ждать» вместо личностно-активных оборотов «что же я должен делать?» и «я должен ждать»).

Положительным проявлением англо-американского индивидуализма является свобода личности и возможность добиться успеха на основе собственных качеств («self-made man»), конкурентный дух. Негативной же стороной индивидуализма стали сосредоточенность на собственном «я», удовлетворении в первую очередь своих материальных запросов, напряженность в отношении с другими людьми. Это проявляется и в прагматизме общения – оно имеет место тогда, когда что-либо требуется. Налицо нежелание допускать чужих в свое личное пространство в прямом и переносном смысле (концепт «privacy»). Однако существует и противоположная индивидуализму тенденция конформизма. Ею можно объяснить обилие разговорных формул и клише, а также ограниченный круг традиционных тем для разговора при установлении контакта – погода, спорт.

Еще одной важной чертой англо-американской лингвокультуры является ее агентивность (доминирование глагола как отражение ориентации на действие), в противоположность российской номинативности, бытийности (доминирования существительного как отражение ориентации на созерцательную пассивность).

Аналитический склад ума и рациональность британцев и американцев находят свое выражение в жестком порядке слов в предложении и в аналитическом формировании временных форм глагола. Рационализм ощущается и в относительной краткости слов и предложений, и в общей экономии языковых средств, в отсутствии языковой избыточности (например, нет нужды согласовывать прилагательное в числе, роде с существительным, да и сами падежи фактически отсутствуют).

Важными чертами британцев и американцев являются также оптимизм и стремление уйти от неопределенности. Это выражается и в знаменитой американской улыбке, и в безальтернативном ответе на вопрос «How are you?» (Как поживаете?) - «Fine, thanks» (Замечательно, спасибо), независимо от того, действительно ли все замечательно в жизни у говорящего. С другой стороны, многие исследователи пишут о дежурном, искусственном характере западной улыбки и о специфическом выражении лица, напоминающем маску, скрывающую истинные намерения собеседников (Welch, Welch & Piekkari 2005, с.10-27).

В целом, большинство исследователей выделяют следующие основные коммуникативные характеристики дискурса в Великобритании и США:

1) разграничение рабочих (деловых) и личных отношений; для ведения бизнеса нет необходимости устанавливать длительный дружеский контакт с партнером;

2) прямота, т.е., скорость перехода к основной теме общения; к делу переходят быстро, сразу после краткого обмена вежливыми фразами (так называемый «small talk»);

3) высокая степень эксплицитности (особенно, у американцев) – все должно быть четко оговорено и обозначено именно словом; недомолвки, намеки, «хождение вокруг да около» и «затекстовые» импликации неприемлемы; в ответ на свое предложение собеседники ожидают услышать «да» или «нет», без образных выражений, витиеватых намеков и философских рассуждений;

4) высокая степень видимой фатической нагруженности коммуникации при ее реальной десемантизации и клишированности (так, например, фраза «Let's have dinner together sometime» может вовсе и не означать приглашения на обед, тем более в конкретное время в ближайшем будущем, а лишь сигнализирует о желании дальнейшего взаимодействия; широко известна и формула отказа (например, при приеме на работу) – «we'll call you» (мы вам позвоним) на деле никак не означает обещания позвонить; в итоге внешняя «теплота и дружелюбие», не находящие дальнейшей реализации, могут вызвать у представителей других культур чувство обмана и фрустрацию;

5) склонность к эвфемии и преувеличениям (так, характеристики «interesting», «perfect», «nice» могут и не означать «интересно», «совершенно», «мило», а нести гораздо более скромный, если не прямо противоположный смысл);

6) эгоцентризм, который делает возможным хвалить самого себя, особенно на собеседовании при приеме на работу, что может показаться нескромным представителям других культур;

7) дух соперничества (высокий уровень маскулинности, в трактовке Г. Хофштеде) ведет к приемлемости конфронтационного стиля, тактики давления, но при этом компромисс рассматривается как успех переговоров;

Дискурс деловых переговоров в низко-контекстуальных культурах максимально эксплицитен и фактологичен, ориентирован на результат. Прямой стиль вполне допускает непосредственный отказ и прямолинейное «нет», что может быть истолковано как резкость и грубость представителями иного типа лингвокультуры. В общении ценятся практичность и эффективность: время – деньги. Отмеченная Хофштеде нацеленность на краткосрочные отношения проявляется в недостатке высокого оценивания культурных традиций, в большей гибкости и адаптивности, а низкий уровень показателя «избегание неопределенности» реализуется в более легком принятии перемен и готовности к риску.

Литература

1. Fang T. Chinese business negotiating style. Thousand Oaks. – London, 1999.
2. Hall E.T. Beyond Culture. – New York, 1976.
3. Hall E.T. The Silent Language. – Greenwich, 1959.
4. Hofstede G. Cultures and organizations: software of the mind. New York, 1997.
5. Welch D.E., Welch L., Piekkari R. Speaking in tongues: language and international management // International Studies of Management and Organization. – Vol. 35, No.1. – 2005. P.10-27.
6. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., 2005.
7. Стародубцев В.Ф. Деловое взаимодействие – путь к успеху. – М., 2007.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.

Т.А. Присяжнюк

Своеобразие использования лексических средств речевого воздействия в языке идеологически полярных печатных изданий (на материале англоязычной и русскоязычной прессы)

Язык прессы, будучи неотъемлемой частью постоянно обновляющейся языковой системы, предоставляет современным исследователям неограниченные возможности в плане его изучения. Своевременно фиксируя преобразования в языковой среде, отражая особенности современной речи в целом, а также отмечая тенденции употребления отдельных языковых элементов в медийном узусе, язык СМИ (и язык прессы в частности) динамично и непрестанно эволюционирует.

Актуальность и важность проблемы, заявленной в названии статьи, заставляет вести поиск её решения в тех областях, где пересекаются интересы и возможности различных гуманитарных дисциплин, а именно на территории активно развивающейся в последнее время отрасли языкознания – медиа-лингвистики.

Современные филологические исследования знаменуются возросшим интересом к проблеме речевого воздействия и связанным с этой проблемой вопросам. На основании анализа ряда работ в этой сфере возможно констатировать наличие тенденции, связанной с обобщённым употреблением категорий, относящихся к области прагмалингвистики. Так, встречается синонимичное использование следующих понятий: *речевое воздействие*, *манипулирование сознанием*, *пропаганда*, *ориентирование*, *суггестивное воздействие* (Adams, Brody 1995; Клушина 2001).

На наш взгляд, в свете теории речевого воздействия данный недифференцированный подход представляется нецелесообразным. Разграничение вышеуказанных понятий следует производить на основании перлокутивного критерия, а также иллокутивной составляющей речевого действия и степени её завуалированности.

Прежде всего, отметим, что под *речевым воздействием* понимается «воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д., в то время как *манипулирование* – это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению» (Стернин 2001, с. 67).

Таким образом, манипулирование сознанием и пропаганда могут быть охарактеризованы как типы речевого воздействия и с точки зрения интенциональности определены как намеренные речевые действия. В плане открытости воздействия *пропаганда* или прямое идеологическое давление на адресата, в свою очередь, оказывается наименее замаскированной формой манипулятивного воздействия.

Речевое воздействие – обширное и многомерное лингвистическое явление, предполагающее развёрнутую видовую градацию, и охватить все аспекты его функционирования и типологии в рамках данной работы не представляется возможным. Однако укажем на ряд работ, располагающих подробной информацией по этому вопросу (Adams, Brody 1995; Стернин 2001; Желтухина 2004).

Возможно предположить, что специфика прессы формирует особый тип речевого воздействия, а также накладывает отпечаток на конкретные средства речевого воздействия – методы и приёмы. Вследствие этого объект исследования редуцируется до вербального, намеренного, эмоционально-оценочного типа речевого воздействия (в плане взаимодействия адресанта и адресата рассматривается комбинированный вид, допускающий элементы и открытого, и косвенного воздействия).

Исследования в области измерения эффективности прагматического эффекта, полученного в результате осуществления подобного речевого воздействия, представляют определённые трудности в силу пространственно-временной разобщённости участников коммуникации, однако могут быть выполнены при помощи методики психолингвистического эксперимента.

Выбор лексических средств речевого воздействия в качестве предмета исследования продиктован их рекуррентностью как в англоязычной, так и в русскоязычной прессе.

Материалом исследования послужили англоязычные и русскоязычные газетные тексты информационных жанровых форм, опубликованные как непосредственно в высокотиражных, печатных изданиях Великобритании и России, так и в соответствующих Интернет-изданиях. В общей сложности было проанализировано 600 газетных статей на английском и на русском языках за 2000-2009 год.

Идеологическая полярность печатных изданий, на наш взгляд, прослеживается как на уровне политической ориентации (группа проправительственных и не поддерживающих Правительство, оппозиционных

газет), так и в плане мировоззренческой позиции, что отражается в принадлежности издания корпусу «качественной» или «жёлтой» прессы. Рассмотрение последней оппозиции в качестве идеологически полярной может быть обосновано тем, что одним из жанрообразующих факторов газетно-публицистического стиля является функционально-целевая установка издания и, в частности, цели издания как социального института, которые, несомненно, различны для центральных «качественных» изданий и представителей «жёлтой» прессы.

Не вызывает сомнения тот факт, что идеологическая установка печатного издания влияет на способ отбора средств речевого воздействия. Иными словами, специфика выбора лексических средств речевого воздействия и плотности их употребления находится в прямой зависимости от идеолого-прагматических задач адресанта и его статуса (характера).

На основании проведённого исследования фактического материала представляется оправданным заключить, что корпус лексических средств эмоционально-оценочного речевого воздействия формируется как на языковом (за счёт лексических маркеров эмоциональной оценки и дескрипторов общего плана), так и на речевом уровне (за счёт эмоционально-оценочных семантических новообразований). Отметим, что данные единицы могут быть как стилистически нейтральными, так и стилистически маркированными.

Распределение лексических средств речевого воздействия в языке прессы происходит по условным экстралингвистическим «осям» (отчасти совпадающим, а не существующим параллельно), где проправительственные и оппозиционные издания оказываются на противоположных полюсах одной идеолого-политической оси, а весь корпус «качественных» печатных изданий противостоит «желтой прессе» на другой идеолого-мировоззренческой оси⁷. Следует ещё раз отметить, что классификация печатных изданий в рамках предложенного подхода обладает определённой долей условности и относительности.

Как показывают данные анализа текстов англоязычных и русскоязычных «качественных» печатных изданий, стилистически маркированные лексические и фразеологические единицы широко используются журналистами в качестве эффективного средства речевого воздействия, при этом наибольшее число их встречается в оппозиционной прессе. Например:

*Saddam is thought to have skimmed up to \$4 billion from **kickbacks** on the UN scheme* (Daily Telegraph 17.04.2005).

*David Cameron, 38, the shadow education secretary, is thought to be **neck-and-neck with** Mr. Clarke* (Daily Telegraph 07.07.05).

*Басаева вновь **пристегнули** к выборам* (Независимая Газета 27.11.03).

*ЮКОСом будет **рулить** американец* (Независимая Газета 5.11.03).

Частотное использование разговорно-сниженных единиц представителями не поддерживающих Правительство печатных изданий, вероятно, является средством выражения политической конфронтации и объясняется общей прагматической направленностью издания на решение специфических идеолого-стилистических задач. В данном случае лексические средства речевого

⁷ На данном этапе исследования противопоставление центральной и региональной прессы не проводилось.

воздействия выполняют «функцию поляризации: конституирования МЫ- и ОНИ групп» (Жуков 2002, с. 10).

Анализ фактического материала указывает на то, что разнофактурность лексических средств речевого воздействия, а также тенденция на заимствование лексических единиц из периферийных сфер языковой системы для достижения перлокутивного эффекта является характерной чертой как англоязычного, так и русскоязычного газетного узуса.

В ходе исследования фактического материала была зафиксирована усиливающаяся в последние годы универсальная тенденция к использованию ресурсов окказионального значения лексических и фразеологических единиц в языковой игре, основанной на совмещении буквального и окказионального значения и ориентированной на оказание эмоционально-оценочного речевого воздействия. Например:

*Russia's Sinatra **whistles** his way to the top* (The Times 28.01.04).

Чистюли.** К нам пока не будут применять санкции за **отмывание денег (Известия 7.09.07).

В этом случае отправитель и получатель информации постоянно пользуются неким двойным языковым кодом, переходя с эксплицитного способа выражения на имплицитный и наоборот. Однако следует указать на то, что полное декодирование языковой игры возможно лишь при привлечении более широкого контекста, а также при наличии в когнитивной базе получателя информации необходимых фоновых знаний.

Вероятно, именно факторы адресата и содержания обуславливают частотное употребление данного приёма в языке «качественных» изданий и лимитируют привлечение витиеватой языковой игры, а также лексических средств, содержащих в своей смысловой структуре элемент замысловатой аллюзии (литературной или социально-исторической), в качестве средств речевого воздействия на страницы «желтой» прессы.

Распределение лексических средств речевого воздействия по оси «качественная» – «желтая» пресса в англоязычном газетном узусе может быть прослежено на материале публикаций, посвящённых скандалу, связанному с нецелевым расходованием средств налогоплательщиков членами британского парламента. Приведём фрагменты данных сообщений, занимающие сильные позиции в тексте (заголовки и зачин):

***David Cameron's ultimatum to Tory MPs: pay back expenses or face the sack.** David Cameron forced members of his Shadow Cabinet to pay back thousands of pounds in "excessive" expense claims today and overhauled the Tory party's system for handling allowances* (The Times 12.05.09).

***David Cameron orders shadow cabinet members to pay back expenses claims.** David Cameron today said he was "appalled" by some MPs' expenses claims as he ordered his shadow cabinet to repay controversial claims and set out stringent new guidelines for Conservative MPs* (The Guardian 12.05.09).

***Ministers urge Brown to get rid of Speaker after his rant over MPs' expenses.** The abyss awaits. Brown has been tested and found in want of almost every attribute a leader needs. Ministers have told Gordon Brown the Commons Speaker has to go following his finger-jabbing tirade over the expenses crisis, it was revealed today. Several are believed to have telephoned Downing Street to make their feelings clear after his extraordinary outburst against two MPs. ...* (The Daily Mail 12.05.09).

Как следует из данного примера, при снижении этического порога допустимости/приемлемости, являющегося экстралингвистическим критерием

отнесения печатного издания к корпусу «качественной» прессы, в языке газеты происходит постепенное усиление использования лексических средств открытого речевого воздействия на фоне переориентации в сфере её целевых установок и других жанрообразующих факторов. Аналогичная ситуация может быть зафиксирована и в русскоязычной прессе.

Таким образом, результаты, полученные в ходе исследования фактического материала, позволяют констатировать наличие нескольких «течений», размывающих корпус лексических средств речевого воздействия в нескольких направлениях и формирующих некие экстралингвистические «оси» употребления данных лексических единиц. Зачастую идеологически антагонистическими печатными изданиями представляется поляризованная версия действительности, что отражается на специфике использования лексических средств речевого воздействия и на особенностях номинации в целом.

При сопоставлении англоязычной и русскоязычной прессы в данном аспекте были выявлены универсальные элементы, относящиеся к общим тенденциям использования лексических средств речевого воздействия.

Литература

1. Adams W.R., Brody J. Reading beyond words. – Santa Barbra College City, 1995.
2. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... доктора филол. наук. – М., 2004.
3. Жуков И.В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998 – 2000 гг: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь. 2002.
4. Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ. – http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=79 (дата обращения: 17.08. 2001).
5. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001.

Т.Г. Ренц

Обращение в романтическом дискурсе (на материале англоязычной и русской лингвокультур)

Современная лингвистика накопила достаточно обширный материал по исследованию структурных и функциональных особенностей обращения в системах русского и английского языков (А. Вежбицкая, Г.Г. Почепцов, И.А. Стернин, Н.И. Формановская, Р. Ратмайр, Р. Brown, S. Levinson, S.M. Ervin-Tripp и др.). В последнее время обращение стало рассматриваться с позиций коммуникативно-прагматического подхода, который предполагает изучение прагматических характеристик говорящего и слушающего, прагматических целей и результатов их высказываний в процессе общения, а также факторов, влияющих на выбор говорящим конкретной формы обращения. Задача нашей статьи – выявить основные формы обращения в романтической коммуникации и осуществить сопоставительный анализ функционирования обращения в указанном типе общения в русской и англоязычной лингвокультурах.

Романтическая коммуникация понимается нами как «микрокультура, в которой двое влюбленных конструируют категориальную эмоциональную ситуацию через осуществляемые между ними интеракции» (Шаховский, Ренц

2009, с. 494). Заметим, что данный тип общения характеризуется личностной ориентацией, непринужденностью, неофициальностью и может быть ориентирован на разных адресатов. Примечательно в этой связи мнение Р. Барта, который писал: «Любое высказывание, имеющее своим предметом любовь <...>, фатально включает в себя тайное обращение к кому-то, <...> некой личности, к которой обращаются, пусть даже личность эта переходит в состояние призрака или какого-нибудь будущего создания. Никому не хочется говорить о любви, если не обращаться к кому-нибудь» (Барт 1999, с. 294-295). Отсюда, употребление в речи конкретных форм обращения непосредственно обусловлено тем, кто именно является партнером общения. Более того, мы считаем, что семантика обращений меняется в зависимости от того, на каком этапе романтических отношений осуществляется коммуникация. Наши наблюдения показывают, что на ранних этапах в обоих лингвокультурах обращение выполняет, прежде всего, контактоустанавливающую функцию. Общение при этом имеет официальный стиль и предполагает определенную дистанцию между партнерами. Для осуществления социальной регуляции в качестве обращения в английском языке, как известно, используется референциальный титул, за которым следует фамилия: “I’m Margaret van der Merwe.” <...> “I’m pleased to meet you, *Miss van der Merwe*.” (MG, p. 33)

When Jamie and Margaret returned, it was late afternoon. Jamie stopped the carriage in front of van der Merwe’ store and said, “I’d be honored if you and your father would be my guests at dinner tonight.”

Margaret glowed. “I’ll ask Father. I do so hope he’ll say yes. Thank you for a lovely day, *Mr. Travis*.” (MG, p. 103)

Этикетные обращения *Mr. Travis* и *Miss van der Merwe* в примерах не только указывают на официальную сферу общения коммуникантов, но и выполняют функцию установления определенных социальных отношений с адресатом. Причем, позиция обращения в высказывании определяет его этикетную нагрузку. Дж. Лернер по этому поводу указывал, что обращение в начальной позиции используется как средство установления и проверки доступности адресата, в то время как обращение в конечной позиции используется с целью демонстрации своего отношения к адресату в определенных обстоятельствах, когда это особенно важно (Lerner 2003).

В русской лингвокультуре на этапе знакомства потенциальные романтические партнеры используют первые имена, реже – имя + фамилия. Ср.: “Вот так всегда!” – тяжело вздохнул потерпевший. Он спрятал документ во внутренний карман пиджака, протянул руку и представился: – “Егор”. <...> “Надя”, вынуждена была ответно представиться я. “А не зайти ли нам, *Надя*, вон в то кафе? Отпраздновать, так сказать, наш пролет?” (МП, с. 31)

Иными словами, в англоязычной культуре обращение является своеобразным маркером социальных отношений романтических партнеров. Регламентные и этикетные формы обращений эксплицируют в данном типе межличностной коммуникации выражение уважения, почтительности. В русской лингвокультуре коммуниканты используют стандартные формулы обращения – первое имя, которые они считают приемлемыми в рамках конкретной коммуникативной ситуации.

Известно, что социальные факторы оказывают значительное влияние на речевой выбор обращения говорящим. Как указывает В.В. Богданов, в число

конвенций, регулирующих вербальную интеракцию, включаются правила самого языка (кодовые правила), правила, определяемые принципом вежливости и кооперации, правила распределения и смены ролей в общении, правила выбора иллокутивных функций и т.д. (Богданов 2007, с. 186) Вместе с тем, по утверждению Т.Г. Винокур, «поведение человека не целиком детерминировано социальными условиями его жизни. Существует еще внутренне, духовное начало, побуждающее его совершить те или иные, в том числе и речевые, поступки» (Винокур 2007, с. 18). Представляется, что это в полной мере относится и к выбору говорящим того или иного обращения. Наблюдения за языковым материалом показывают, что обращения определяют коммуникативную направленность высказывания говорящего: они не только идентифицируют адресата, но и используются для регулирования общения, осуществления контроля над поведением партнера, то есть выполняют в конкретном акте общения регулирующую функцию.

По нашим наблюдениям, изменение характера отношений между романтическими партнерами находит свое выражение в обращениях, используемых коммуникантами в процессе общения. В речи партнеров наблюдается постепенный переход от этикетных форм на начальном этапе общения к более интимным (т.е. близким) на этапе формализации отношений: для английского языка это, в основном, использование первых имен, а для русского – уменьшительно-ласкательных имен. Верифицируем сказанное примерами. Ср.: “It’s okay, *Henry*. I’m your guide. I’m here to show you around. It’s a special tour. Don’t be afraid, *Henry*.” (TTW, p. 28)

“Oh, *Rupert*,” wailed Helen, “how could you when you were jumping for Great Britain?” (JC, p. 192)

“*Phil*, you’ve made me very happy by the step you took at the trustees’ meeting. I am proud to be a friend of one who could do that.” (NMW, p. 321)

“...I was thinking of you, and wishing I could take you home and show you off to my folks. Let’s do it, *Len*!” he exclaimed impulsively. (NMW, p. 48)

Как следует из анализа примеров, межличностные отношения, сформировавшиеся между двумя романтическими партнерами, образуют внешнюю рамку общения, определяющую пределы речевой свободы коммуникантов. Так, этап узнавания характеризуется употреблением партнерами менее ритуализованных форм: личные имена (первое имя) *Chad*, *Henry*, *Rupert*, а также краткие формы имен *Len*, *Phil* и т.д. Это, по мнению исследователей коммуникативного поведения, считается признаком дружеского расположения. Примеры показывают также, что на применение в речи тех или иных форм обращения оказывает существенное пространственная близость участников взаимодействия и продолжительность отношений между ними. Кроме того, сокращенные имена, которые, как принято считать, служат целям языковой экономии, в общении романтических партнеров выражают характер устанавливающихся близких отношений между коммуникантами. С этой целью, а также для демонстрации особого отношения к адресату сообщения используются и ласкательные личные имена. Заметим, что в английском языке они могут выражаться посредством субъективно-оценочных форм с суффиксом -y (в других вариантах -ie, -ey, -sy), двойных (или тройных) обращений *lovely* + имя, *dear* + имя и т.д. со стереотипными определениями типа *little*, *dear*. Ср.:

“*Darling little Fen*, tell me what turns you on.” (JC, p. 658)

She took his face in her hands and looked searchingly into his eyes. "Are you sure, Tony?" (MG, p. 299)

"... Sleep well, *lovely Alexandra*." (MG, p. 387)

"*Charlie, darling*, where are you?" she asked with simulated sleepiness. <...> "Yes, I've been fine. The show was a great success. Love you, *darling*, all news when I see you later. Bye." (JC, p. 202)

"*Dear Laura*," he said as he reached the outskirts of Plymouth. 'I was at a pretty low ebb when I met you yesterday. <...>' (JC, p. 203)

Обратимся к примерам использования обращений в русской культуре. Ср.: "Познакомьтесь, *Наденька*", – повернулся ко мне Егор. "Вот это Даша с Пашей". (МП, с. 61)

"Во имя чего ты ее отменишь, *Макс*?" "Да во имя любви к тебе, дурочка! Как ты этого не понимаешь?" (СНЛ, с. 247)

"*Павлик*, можно я тебя о чем-то спрошу? Только отвечай мне честно!" (СД, с. 193)

"Нет...нет... *милый мой, хороший* ...я действительно больше не могу, да и ... по правде сказать, есть что-то хочется...", - проговорила я и села. (МП, с. 169)

Правильную интерпретацию обращений в приведенных примерах обеспечивает коммуникативная ситуация. Как указывалось выше, на более поздних этапах развития романтических отношений в русской культуре, как и в англоязычной, используются имена в полной, сокращенной или уменьшительно-ласкательной формах: *Макс, Наденька, Павлик* и др. Этому способствуют тесные взаимоотношения, устанавливающиеся между коммуникантами. Представляется, что обращения подобного рода реализуют воздействующую функцию, выполняя при этом роль фасилитатора положительной эмоциональной тональности общения.

Нередко в речи романтических партнеров в обеих лингвокультурах можно обнаружить высказывания с повтором обращения, причем в предложении они могут располагаться как контактно, так и дистантно. Ср.: "Нет, иди домой, *Макс*, и извини меня. Я совсем обнаглела. Конечно же, у тебя куча своих дел. Иди домой, *Макс*. Честное слово, со мной все будет в порядке. Я никаких глупостей не сделаю..." (СНЛ, с. 235)

"*Алла! Аллочка!* Ну что ты опять придумала?!!" – Макс тряс за плечи Аллу, но она никак не реагировала. (СНЛ, с. 280)

"Oh, *Dino, Dino*," she cried, and tumbled off Hardy into his arms. He kissed her fiercely she had no doubt of his feelings toward her. (JC, p. 863)

Подобные формы адресации оказывают как эмоциональное, так и оценочное воздействие на адресата сообщения.

Мы обнаружили, что в некоторых высказываниях обращение сопровождается притяжательным местоимением *ты*, которое, с одной стороны, повышает степень приватности общения, а с другой, свидетельствует о позитивном эмоциональном отношении одного из романтических партнеров. Ср.: "Oh, *my angel*, I'm sorry." (JC, p. 473)

"*My dear Mrs. Kennedy*," he said, walking toward her. (GW, www)

Обращения с местоимением *мой / моя* характерны и для дискурса романтических партнеров в русской лингвокультуре, при этом местоимение может предшествовать субстантивированному прилагательному или

располагаться после него. Ср.: “Я помогу тебе с этим справиться, *любимая моя*”, Макс притянул Аллу к себе и прижал ее голову к своей груди. (СНЛ, с. 282)

Дальнейший анализ материала подтверждает факт изменения семантики обращения по мере установления более близких отношений между коммуникантами. Анализ материала показал, в частности, что в многочисленных коммуникативных ситуациях ухаживания романтические партнеры достаточно часто используют субстантивированную форму прилагательного *darling*. Ср.: “Oh *darling*,” he said in a choked voice. “Are you sure?” (JC, p. 300)

She smiled at him, her blue eyes sparkling. “I’m crazy about you, my *darling*. Can’t you tell?” “Then why?” (MG, p. 210)

Особый характер межличностных отношений романтических партнеров обуславливает использование в качестве обращения эмотив *darling*, который интимизирует коммуникативную ситуацию общения, эксплицируя ее высокий уровень эмоциональности.

Для русской лингвокультуры также характерно использование субстантивированной формы прилагательных на этапах формализации отношений, таких как *милый / милая, любимый / любимая, реде дорогой / дорогая* и др.: “Наденька”, – шептал Горыныч. “Наденька... Милая... милая... Самая, самая...” (СНЛ, с. 97)

Заметим также, что для выражения прагматического значения установления близких отношений партнеры по коммуникации могут использовать полные этикетные формы обращения *Mr. / Mrs. + фамилия, имя + фамилия, должность адресата*. Они употребляются в речи собеседников в тех случаях, когда один из коммуникантов хочет придать своему высказыванию эмоционально-экспрессивный оттенок. Ср.: “So be it. *Eleanor Stewart*, for better or for worse, you and I are going to take the fatal step!” (NMW, p. 44)

“*Philip King!*” she exclaimed. “How – where – ” (NMW, p. 320)

Легко заметить, что в обоих случаях передается эмотивная информация: об этом можно судить по графической презентации высказываний (восклицательный знак в конце предложения), произносимых говорящими. Используемые формы адресации свидетельствуют об определенном эмоциональном настрое коммуникантов, который экстраполируется на их высказывания в целом.

Фамилия используется романтическими партнерами в качестве обращения и в русской культуре, однако, как показывает материал исследования, в этом случае речь идет о ситуациях, в которых коммуниканты имеют некоторые разногласия, расходятся во мнениях и т.д. Ср.: “Правильный ли я делаю вывод из твоих слов, что выдержала срок? А, *Воронцов*?” (СНЛ, с. 93)

Показательно также, что близкие взаимоотношения между коммуникантами, эмоциональная атмосфера, создаваемая в процессе совместной речевой деятельности романтических партнеров, отражаются и в других формах обращения друг к другу. Семантика таких форм явно свидетельствует об интимном характере отношений, а сами обращения воздействуют на эмоциональную сферу адресата. Ср.: “Thank you, *dear*,” Eleanor said seriously. “I don’t know your mother, but I know that’s a real compliment, and I treasure it.” (NMW, p. 49)

“*Lovely lady*, I’m sorry if I hurt you with my teasing. ...” (NMW, p. 47)

“Oh, *baby*. Still awake?” (TTW, p. 25)

“Joking aside, *honey*, they’d all love you to death. Mom would be happy to think her son had married so well, and you and Con would be chums from the start. ..” (NMW, p. 49)

“I’m real sorry, *sweetheart*.” He took her face in his hands, kissing her forehead and her nose and the tears spilling out of her eyes before he found her mouth again. (JC, p. 863)

Для общения романтических партнеров в русской лингвокультуре также характерно использование обращений, воздействующих на эмоциональную сферу собеседника, например, *солнышко, зайка, зайчик, котик, рыбка, золотице* и т.д. Однако в анализируемом материале таких обращений не было обнаружено. Вместе с тем, укажем, что возможности русского языка позволяют влюбленным использовать с этой целью разнообразные формы уменьшительно-ласкательных имен. Ср.: “А-а-а... *Ленусь*... Нет, сегодня не могу... И завтра тоже. Разве что в понедельник после работы... Я перезвоню тебе”. (МП, с. 154)

“Я люблю тебя, *На-а-аденька*”, – шептал мне Егор. (МП, с. 168)

“*Е-го-руш-ка*”, – с удовольствием повторила я. – “Я люблю тебя, мой *Егорушка*” (МП, с. 287)

Подобные обращения передают переживаемые эмоции коммуникантов, выступая при этом в функции фасилитатора высокой степени эмоциональной тональности.

Вариативность форм обращений свидетельствует о том, что интимно-личностный характер отношений партнеров накладывает свой отпечаток на их речь: чем дольше коммуниканты знакомы друг с другом, чем более близкие отношения складываются между ними, тем более интимные обращения они используют в своих высказываниях. Семантика обращений *sweetheart, honey, lovely lady, lovely Alexandra, angel, dear* и др. демонстрирует коммуникативную близость, доброжелательность, эмоциональную сензитивность по отношению к партнеру.

Таким образом, указанные формы адресации в речи романтических партнеров являются маркерами коммуникативного эмоционального общения: различные эмоциональные состояния коммуникантов, вызываемые «воздействиями» адресанта, вербализуются в широком репертуаре «положительно заряженных» обращений. Креативные возможности говорящего позволяют ему варьировать языковые средства, вербализующие коммуникативные стратегии. Широкий спектр эмоциональных обращений свидетельствует, на наш взгляд, о способности коммуниканта откликаться на состояния партнера, подключаться к его эмоциональным «программам».

Межличностное общение романтических партнеров предполагает использование в качестве обращений различного рода уменьшительно-ласкательных *прозвищ*, что можно расценивать как стремление придать эмоциональному высказыванию говорящего дополнительное прагматическое значение. Ср.: “What’s the matter, *Little Dove*?” John stood beside her, gently smiling into her face. (JH)

“Ho-hum, it’s almost eleven o’clock. Come on, *Almost-Red-Head*, let’s call it a day.” (NMW, p. 54)

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что у адресанта могут возникнуть определенные ассоциации с теми именованиями, которые он использует в речи, обращаясь к собеседнику (*Little Dove*), или он может

располагать конкретными знаниями личного характера о своем собеседнике: особенности внешности, характера, поведения и др. (*Almost-Red-Head*). Отметим, что последнее обращение выполняет в высказывании и оценочную функцию, поскольку говорящий иронизирует по поводу цвета волос собеседницы. То же мы наблюдаем и в общении русских коммуникантов. Ср.: “Какой ты, *Горыныч*, бестолковый!” (СНЛ, с. 93) В указанном примере прозвище является производным от фамилии партнера.

В заключение подчеркнем, что обращение представляет собой сложную, полифункциональную единицу речевого общения, семантика и особенности функционирования которой определяются коммуникативно-прагматическим контекстом эмоциональной ситуации. В эмоциональных ситуациях романтического общения обращение может выполнять различные функции: этикетную, фатическую, номинативную, социально-регулятивную, воздействующую и оценочную. Словообразовательные возможности русского и английского языков обуславливают особенности создания и использования обращений в рассматриваемом типе общения. Исследование позволило выявить, что семантика обращений изменяется в зависимости от того, на каком этапе отношений осуществляется романтическая коммуникация: начальный этап характеризуется соблюдением речевого этикета, на последующих этапах общения обращения приобретают более интимный характер. Выбор говорящим той или иной формы адресации обусловлен ситуацией общения, статусной принадлежностью коммуникантов, дистанцией речевого взаимодействия, эмоциональными характеристиками романтических партнеров и т.д. Коммуникативная цель обращения, его структурные особенности, интонационная оформленность в ряде случаев определяют его функциональную направленность в романтическом общении.

Литература

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. – М., 1999.
2. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте. – СПб., 2007.
3. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М., 2007.
4. Шаховский В.И., Ренц Т.Г. Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сб. статей / М.: РГГУ, 2009. – С. 494-506.
5. Lerner G. Selecting Next Speaker: The Context-sensitive Operation of a Context-free Organization // *Language in Society*. – 2003. № 32 (2). – P. 177-201.

Источники примеров

1. Буренина К. Сказка для двоих. – М., 2004. (СД)
2. Демидова С. Мужчина-подарок. – М., 2006. (МП)
3. Демидова С. Сердце из нежного льда. – М., 2007. (СНЛ)
4. Arnold F.H. Not My Will. – Chicago, 1981. (NMW)
5. Bronte J. Journey of the Heart. – <http://acacia.pair.com> (JH)
6. Cooper J. Riders. – London, 1986. (JC)
7. Mitchell M. Gone with the wind. – [http://webreading.ru/prose\(GW\)](http://webreading.ru/prose(GW))
8. Niffenegger A. The Time Traveler's Wife. – Orlando. 2003. (TTW)
9. Sheldon S. Master of the Game. – New York, 2001. (MG)

**Особенности характеристики эмоциональных состояний
в русском и немецком поэтическом сознании
(на примере стихов М. Волошина и Г. Тракля)**

Любой из феноменов окружающего мира сначала воспринимается органами чувств, и лишь затем происходит его осмысление и причисление к определенному классу предметов или явлений. Значимые с точки зрения носителя сознания отпечатки реальности, в том числе зрительные, слуховые (звуковые), осязательные, вкусовые и обонятельные образы, воплощаясь в языке, становятся достоянием не только одного конкретного человека, но и национальной культуры. (Григорьева 2004, с. 5).

Лексемы, актуализирующие эмоциональные состояния, отражают онтологически важные характеристики эмоционального мира человека и широко представлены в русской и немецкой лирике. При помощи синестезии передаются не только оттенки переживаемых эмоций, но и национально-специфические особенности их восприятия носителями немецкого и русского языков.

В данной статье на материале стихов австрийского поэта Георга Тракля (1887 - 1914) и русского поэта Максимилиана Волошина (1877 - 1932) проведен сопоставительный анализ разновидностей синестезии для определения специфики описания эмоциональных состояний.

Начнем с характеристики использования поэтами цветообозначений. В лирике Волошина оттенки цвета переданы прилагательными с насыщенным обозначением цвета: **темные восторги** = неясные, противоречивые; **темная обида** = вызванная неясной причиной; **черная тоска** = беспросветная.

*Кто видит сны и помнит имена, -
Тому в любви не радость встреч дана,
А **темные восторги** расставастья!*

Волошин. В мирах любви – неверные кометы...

*Смерть сурово
Придет, как синяя гроза.
И спросит: «Ты готова?»
Что я отвечу в этот день?
Среди живых я только тень.
Какая **темная обида**
Меня из бездны извлекла?*

Волошин. Второе письмо

*И часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза, -
В меня глядят бессонные глаза
И **черною тоской** запекшиеся губы.*

Волошин. Зеркало

В поэтическом языке Волошина наличествуют также прилагательные-цветообозначения, лишенные интенсивной окраски, утратившие яркость и свежесть тона: **седое безразличье** = закоренелое, устоявшееся; **просветленная**

грусть = не глубокая, с проблесками надежды; **тусклая ярость** = неявная, скрывающаяся, невыраженная.

*К твоим стихам меня влечет не новость,
Не яркий блеск огней:
В них чудится унылая суровость
Нахмуренных бровей.*

*В них чудится седое безразличье,
Стальная дрема вод,
И горько сжатый рот.*

Волошин. К твоим стихам меня влечет не новость...

*В минуты **грусти просветленной**
Народы созерцать могли
Ее – коленопреклоненной
Средь виноградников Земли.*

Волошин. Реймская Богоматерь

*Как призраки, взращу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую – кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость.
Я грезы счастья слезами затоплю.
Из сердца женичины святую выну жалость
И **тусклой яростью** ей очи ослеплю.*

Волошин. Ангел мицения

Георг Траклъ использует зрительную разновидность синестезии для создания неожиданных поэтических образов: **rote Schauern** (красные ужасы), **weiße Traurigkeit** (белая грусть), **schwarze Schwermut** (черная тоска), **elfenbeinerne Traurigkeit** (тоска цвета слоновой кости), **dunkle Wahnsinn** (темное безумие), **graue Schwüle** (серый страх / серая тревога), **goldener Schauer** (золотой ужас), **dunkle Liebe** (темная любовь), **dunkle Verzückung** (темное восхищение), **dunkle Angst** (темный страх).

*Formlose Spottgestalten hushen, kauern
Und flattern sie auf Schwarz-gekreuzten Pfaden.
O! trauervolle Schatten an den Mauern.
Die andern fliehn durch dunkelnde Arkaden;
Und nächstens stürzen sie aus **roten Schauern**
Des Sternenwinds, gleich rasenden Mänaden.*

Georg Trakl. Dämmerung

*Im Hof, verhext von milchigem Dämmerchein,
Durch Herbstgebräuntes weiche Kranke gleiten.
Ihr wächsern-runder Blick sinnt goldner Zeiten,
Erfüllt von Träumerei und Ruh und Wein.*

*Ihr Siechentum schließt geisterhaft sich ein.
Die Sterne **weiße Traurigkeit** verbreiten.
Im Grau, erfüllt von Täuschung und Geläuten,
Sieh, wie die Schrecklichen sich wirr zerstreun*

Georg Trakl. Daemmerung

Am Waldsaum, erstrahlen die finstern Wege
In die steinerne Stadt;
Öfter ruft aus **schwarzer Schwermut** das Käuzchen
den Trunknen.

G. Trakl. Tachtseele

Verwestes gleitend durch die morsche Stube;
Schatten an gelben Tapeten; in dunklen Spiegeln
wölbt
Sich unserer Hände **elfenbeinerne Traurigkeit**.

Georg Trakl. Amen

Rosige Osterglocke im Grabgewölbe der Nacht
Und die Silberstimmen der Sterne,
Daß in Schauern ein **dunkler Wahnsinn** von der Stirne
des Schläfers sank.

Georg Trakl. Sebastian im Traum

Ein Kind mit braunem Haar. Gebet und Amen
Verdunkeln still die abendliche Kühle
Und Afras Lächeln rot in gelben Rahmen
Von Sonnenblumen, Angst und **grauer Schwüle**.

Georg Trakl. Afra

Groß ist die Schuld der Geborenen. Weh, ihr **goldenen Schauer** des Todes,
Da die Seele kühlere Blüten träumt.

Georg Trakl. Anif

Es rauscht die Klage das herbstliche Rohr,
Der blaue Teich,
Hinsterbend unter grünenden Bäumen
Und folgend dem Schatten der Schwester;
Dunkle Liebe
Eines wilden Geschlechts,
Dem auf goldenen Rädern der Tag davonrauscht.
Stille Nacht.

Georg Trakl. Passion

Oder es tönte **dunkler Verzückung**
Voll das Saitenspiel
Zu den kühlen Füßen der Büsserin
In der steinernen Stadt.

Georg Trakl. Passion

Das wilde Herz ward weiß am Wald;
O dunkle Angst
Des Todes, so das Gold
In grauer Wolke starb.
Novemberabend.

Georg Trakl. Das Herz

Все произведения проникнуты настроением тоски по утраченной красоте, по жизни, наполненной великим, ведомым только поэту смыслом. Георг Тракл

оригинален в каждой своей строке: в его поэтике многое нельзя объяснить логически, стихи понимаются как самовыражение страстной страдающей души в стремлении к прекрасному абсолюту. Восхищение, любовь, грусть, печаль, тоска, страх, ужас – все это сливается у Тракля в фантастические видения, выраженные при помощи зрительной разновидности синестезии.

В лирике обоих поэтов наличествует осязательная разновидность синестезии, придающая эмоциям яркость, выразительность и законченность. Для описания эмоциональных состояний Волошин использует прилагательные, указывающие на интенсивность воздействия, при этом значение словосочетания расширяется и преобразуется: **острая грусть** (сильная), **жгучая печаль** (очень сильная), **острая радость** (сильная), **тупая тоска** (приглушенная):

И манит, и плачет, и давит виски

*Весеннюю **острую грусть**...*

Неси мои думы, как воды реки,

На волю к широкому устью!

Волошин. На старых каштанах сияют листья...

И наших ног касалась влажно

Густая, цепкая трава;

В душе и медленно, и важно

Вставали редкие слова.

И полдня вещее молчанье

*Таило **жгучую печаль***

Невыразимого страданья.

Волошин. Второе письмо

*Сердце **острой радостью** ужалено.*

Запах трав и колокольный гул.

Чьей рукой плита моя отвалена?

Кто запер гробницы отомкнул?

Волошин. Воскресенье

И был наш день – одна большая рана,

И вечер стал – запекшаяся кровь.

*В **тупой тоске** мы отвратили лица.*

В пустых сердцах звучало глухо: «Нет!»

Волошин. Сочилась желчь шафранного тумана...

У Георга Тракля отмечаем - **sanfter Wahnsinn** (нежное безумие = любовь; нежное = приятное), **weicher Wahnsinn** (мягкое безумие = низкая степень проявления), **dumpfe Regung** (глухое / мягкое волнение = скрытое):

In alten Kellern reift der Wein ins Goldne, Klare.

Süß duften Äpfel. Freude glänzt nicht allzu ferne.

Den langen Abend hören Kinder Märchen gerne;

*Auch zeift sich **sanftem Wahnsinn** oft das Goldne,*

Wahre.

Georg Trakl. Winkel am Wald...

Demutsvoll beugt sich dem Schmerz der Geduldige

*Tönend von Wohllaut und **weichem Wahnsinn**.*

Sieh! Es dämmert schon.

Georg Trakl. In ein altes Stammbuch...

*Geduckte Hütten, Pfade wirr verstreut,
In Gärten Durcheinander und Bewegung,
Bisweilen schwillt Geheul aus **dumpfer Regung**,
In einer Kinderschar fliegt rot ein Kleid.*

Georg Trakl. Vorstadt im Föhn

В основе характеристик эмоциональных состояний с использованием вкусовой разновидности синестезии и у Волошина (**сладкий страх, горький стыд**), и у Тракля (**süßes Bangen – сладкий страх, süßes Hoffen – сладкая надежда**) присутствует оценочный компонент. Обозначение вкусового ощущения является одним из средств выражения авторских оценок или оценок персонажа. Таким способом выявляются особенности образного видения мира носителями немецкого и русского языков и специфика ассоциативного мышления в целом.

*Schmächtig hingestreckt im Bette
Wacht sie auf voll **süßem Bangen**
Und sie sieht ihr schmutzig Bette
Ganz von goldnem Licht verhangen...*

Georg Trakl. Die jung Magd

*Ein offenes Fenster, an dem ein **süßes Hoffen**
zurückblieb –
Unsäglich ist das alles, o Gott, dass erschüttert ins Knie bricht.*

Georg Trakl. Unterwegs

*Травы древних могил, мы выросли из камней и праха,
К зною из ночи и тьмы, к солнцу на зов выросли.
К полдням вынесли мы, трепеща от **сладкого страха**,
Мертвые тайны земли.*

Волошин. Полдень

*О, в срывах воль найти, познать себя
И, **горький стыд** смиренно возлюбя,
Припасть к земле, искать в пустыне воду...*

Волошин. Изгнанники, скитальцы и поэты...

Звуковая разновидность синестезии широко представлена в лирике Георга Тракля: **tönende Liebe** (звнящая/звучащая любовь), **sanfte Schwermut** (тихая тоска) **grollende Schwermut** (грохочущая тоска), **schweigenden Trauer** (молчаливое горе). Поэт использует данную разновидность синестезии, чтобы сделать переживаемое эмоциональное состояние «слышимым» и тем самым усилить остроту его переживания.

*Immer gehst du den grünen Fluß hinab,
Wenn es Abend geworden,
Tönende Liebe; friedlich begegnet das dunkle Wild...*

Georg Trakl. Anif

*Abend in verlassener Schenke. Den Heimweg umwitet
Die **sanfte Schwermut** grasender Herde,
Erscheinung der Nacht: Kröten tauchen aus silbernen Wassern.*

Georg Trakl. Am Moor

*Sprachlos! O grollende Schwermut
Des Heers; ein strahlender Helm
Sankt klirrend von purpurner Stirne.
Georg Trakl. Die Schwermut*

*Und es schwankt die Klagegestalt
Der Mutter durch den einsamen Wald*

*Dieser **schweigenden Trauer**;
Nächte, Erfüllt von Tränen, feurigen Engeln.
Silbern zerschellt an kahler Mauer ein kindlich Gerippe.
Г. Тракль Föhn*

В лирике Волошина звуковая разновидность синестезии встречается редко. В следующем примере прилагательное «глухой» усиливает экспрессию тоски, вызванной состоянием тревоги:

*Змеиные непрожитые сны
Волнуют нас **тоской глухой тревоги**.*

Волошин. Змеиные непрожитые сны...

Выявлено, что, несмотря на принадлежность авторов к разным этносам, в их произведениях преобладает зрительный тип синестезии, основанный на ассоциативном потенциале слова, что проявляется в особом использовании поэтами цветообозначений для характеристики эмоциональных состояний. Индивидуальной особенностью поэтического языка Волошина является использование темных оттенков (черный, темный, седой, тусклый), а в лирике Тракля – наоборот, преобладают яркие, контрастные краски (красный, черный, белый, серый, золотой). Осязательная синестезия присутствует и у Волошина (острая грусть / радость, тупая тоска), и у Тракля (*sanfter / weicher Wahnsinn* – нежное / мягкое безумие,), однако, в меньшей степени. Вкусовой тип синестезии представлен лишь двумя вкусами: *горький* - у Волошина и *сладкий* - у Тракля. Звуковой тип синестезии представлен в поэзии Тракля, а у Волошина встречается редко.

Литература

1. Григорьева, О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах. – М., 2004.
2. Волошин М. Стихотворения и поэмы. – СПб., 1995.
3. Тракль Г. Стихотворения. Проза. Письма . – СПб., 1996.

М.А. Стрельникова

Тележурналистика как объект коммуникативных исследований в России и США

Во второй половине прошлого столетия главенствующее положение в системе СМИ заняло телевидение, влияющее на все стороны жизни человека и общества в целом. Телевидение создаётся людьми и, в свою очередь, формирует психику и психологию зрителей, навязывает им стереотипы поведения, посредством расписания передач диктует режим дня (Десяев 2005).

Особый интерес в связи с вышесказанным приобретает исследование коммуникативного поведения тележурналистов. Неоценимым материалом для

такого исследования являются учебные пособия по журналистике. Они дают возможность познакомиться с поведенческими стандартами, предписываемыми журналистам, и в дальнейшем сопоставить реальное поведение со стандартами. Надо отметить, что до недавнего времени доступ к отечественным учебникам по журналистике был крайне ограничен (утверждение не голословно – автором в ходе диссертационного исследования были предприняты неоднократные попытки познакомиться с такими учебниками). Однако в последнее время благодаря развитию современных информационных технологий появилась возможность познакомиться с целым рядом статей и учебных пособий по тележурналистике.

Так, в учебнике “Основы тележурналистики и телерепортажа” (Князев 2003) примеры, иллюстрирующие те или иные теоретические положения, взяты как из мировой практики телепроизводства, так и из личного опыта автора, в течение 10 лет работавшего собственным корреспондентом российского государственного телевидения в странах центрально-азиатского региона. Отметим также классические университетские учебники, раскрывающие понятия телевизионной режиссуры, телепублицистики, журналистского творчества, этики журналистов: «Телевизионная журналистика: История, теория, практика» (Цвик 2004), «Телевизионная журналистика» (Кузнецов 2005), «Психология журналистики» (Олешко, 2006).

В практике научных исследований к анализу телевидения применяются самые разные методы и подходы. Среди них можно назвать следующие: метод наблюдения, эмпирический, социологический, системный, исторический, культурологический, искусствоведческий, журналистиковедческий, коммуникационный, функционально-деятельностный, семиотический, структурный. Отметим особое значение функционально-деятельностного подхода, применение которого к исследованию телевидения позволяет рассмотреть его в совокупности разных видов его деятельности, находящихся в состоянии активного взаимопроникновения в ходе совместного функционирования и целенаправленного воздействия на окружающий мир.

Работы отечественных ученых, посвященные изучению сущности телевидения, появились у нас несколько позже, чем на Западе. Отметим, что многие исследования телефеномена в США носят прикладной характер и осуществляются в интересах извлечения из этой медиаотрасли наибольшей экономической и политической выгоды.

В США исследований телевидения вообще проводится значительно больше, чем где-либо в мире. В.В. Егоров указывал, что каждые шесть из десяти работ по исследованию телевидения – американские (Егоров 1993). Соответственно в большей степени во всем мире изучается именно американский опыт. А он связан, прежде всего, с коммерческим вещанием.

В свое время Г. Лассуэлл сформулировал базовые функции массовой коммуникации: наблюдение за окружающим миром; корреляция различных частей общества; передача культурных ценностей (Lasswel, 1960). По сути это всем известные информационная, интерпретирующая (аналитическая, научная) и художественная функции. Ч. Райт добавил четвертую – развлекательную, релаксирующую, дающую возможность людям справляться с проблемами, а обществу – избегать кризисов. Д. Маккуэл дополнил сказанное мобилизующей функцией. Он указывал, что функции информации (кроме донесения фактов,

облегчающая обновление, адаптацию и общественный прогресс), корреляции (социализирующая, координирующая, устанавливающая приоритетность, ведущая к консенсусу), непрерывности (формирующая и поддерживающая общность ценностей), развлечения (обеспечивающая средства расслабления, снижающая социальную напряженность) и мобилизации (способствующая проведению кампаний в сферах политики, экономики, религии) могут перекрещиваться и накладываться одна на другую (цит. по: Бакулев 2002, с.101–104). Такие же пять функций массовой коммуникации — информационную, интерпретирующую, обеспечивающую преемственность господствующей культуры, развлекательную и мобилизующую — называли Р.Мертон и Т.Парсонс (Parsons 1960, Merton 1949).

Исследования в области американской медиакommunikации представляют для российских лингвистов особый интерес, т.к. с 90-х годов наше телевидение движется в своем развитии преимущественно по американскому пути. Как отмечает М.А. Мясникова, Россия переняла для себя именно заокеанскую модель вещания, не пойдя ни по пути создания подлинно общественного телевидения, как в Великобритании, ни преимущественно государственного, как во Франции (Мясникова, 2009).

Необходимо отметить, что начало нового тысячелетия внесло коррективы в развитие научной мысли западных теоретиков и практиков коммуникативных исследований тележурналистики. Последнее десятилетие отмечено значимыми публикациями исследовательских работ в этой области. Заслуживает внимания научное исследование “Comparing Political Communication: Theories, Cases and Challenges” (Esser, Pfetsch, 2004), которое имеет своей целью оценить современное состояние “искусства сопоставительных исследований” в области политического общения (“the art of comparative research in political communication”). По мнению авторов данной работы, сравнение медиа содержания в различных языках является насущной (demanding) задачей, которая поднимает фундаментальные методологические вопросы. Особенно, если в исследование включен язык, отличный от английского (родной язык исследователя). Распределение полевой работы между исследовательскими группами внутри стран снижает трудности, связанные со сбором материала для исследования и подготовкой кодировщиков — участников описания языка (coder training). Но одновременно возникают сложности с надежностью (достоверностью) результатов проведенных исследований. Возможно, именно эта причина объясняет, почему международные сравнительные коммуникативные исследования крайне редки, почему существует тенденция фокусироваться на исследованиях печатного новостного материала, такого как газеты и журналы, нежели телевизионных новостных программ. Сравнительные исследования в области телепублицистики в различных странах и культурах в настоящее время ограничены несколькими эмпирическими исследованиями (Esser, Pfetsch 2004, с. 71-272).

Возможность сопоставительных исследований коммуникативного поведения, зафиксированного телекамерой, анализ сходств и различий открывают самые широкие возможности для исследователей коммуникативного поведения.

Развитие цифрового телевидения и стремительная модернизация современных информационных технологий превращает их из средства

коммуникации в объекты пристального внимания и научных исследований в самых различных областях человеческой деятельности, но, прежде всего, в области человеческого общения.

Литература

1. Бакулев Г. П. Основные концепции массовой коммуникации. – М., 2002.
2. Десяев С.Н. Категория пространства и времени в образной структуре телевизионной публицистики: Дисс ...докт. фил. наук. – М., 2005.
3. Егоров В. В. Телевидение: теория и практика. – М., 1993.
4. Князев А.А. Основы тележурналистики и телерепортажа. – Бишкек, 2003.
5. Кузнецов Г.В. Телевизионная журналистика. – М., 2005.
6. Мясникова М. А. О функционально-деятельностном анализе телевидения // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 4(68). – С. 71-79.
7. Олешко В. Ф. Психология журналистики. – СПб., 2006.
8. Цвик В. Л. Телевизионная журналистика: История, теория, практика. – М., 2004.
9. Esser F., Pfetsch B. Comparing Political Communication: theories, cases and challenges. – Cambridge University Press, 2004.
10. Lasswell H. D. The Structure and Function of Communication in Society // Mass-Communications. – Urbana, 1960.
11. Merton R. Social Theory and Social Structure. – Glencoe, 1949.
12. Parsons T. The Social System. –Toronto, 1966.

Л.Н. Титова

Из наблюдений над становлением речи у ребенка-билингва

Механизм становления речи у детей вызывает неизменный интерес лингвистов. Особый интерес вызывает становление речи у ребенка-билингва. Настоящая статья базируется на наших наблюдениях над становлением речи у такого ребенка на примере нашей внучки Даши, 2006 г. рождения. Даша родилась в Великобритании, у нее русская мама и папа-англичанин. В семье сразу встал вопрос о том, на каком языке будет говорить ребенок. На семейном совете было решено, что девочка должна владеть обоими языками – русским и английским, поэтому мама и приезжающая русская бабушка должны говорить с ней по-русски, а отец и его родители – по-английски. Отмечу, что родители Даши сознательно поставили перед собой цель воспитать ребенка-билингва. Имевшийся опыт их общения со смешанными русско-английскими семьями, проживающими в Великобритании, показал, что в случае, если родители не ставят перед собой такой цели, ребенок в результате говорит только на одном языке.

Приведем несколько примеров. В семье, где мама – русская, а папа – украинец, два мальчика в возрасте 12 и 14 лет не только не говорили по-русски, но и совсем не понимали русскую речь. Как оказалось, их родители разговаривали между собой либо на смеси русского и украинского языков либо, что было чаще, на английском языке. Другой пример. Мама и бабушка – русские, папа – англичанин, трое детишек в возрасте 8, 5 лет и 3 года по-русски не говорят, так как мама с детьми и мужем говорит по-английски, по-русски она разговаривает только с их бабушкой, и то в то время, когда дети в школе или в садике.

В семье же, где мама – русская, а папа – англичанин двое детей с разницей в возрасте 6 лет прекрасно говорят по-русски между собой и с мамой, так как русская мама не разрешает им общаться по-английски, и поэтому дома весь день звучит только русская речь – до тех пор, пока не вернется с работы их папа. Не стоит говорить о том, что они хорошо говорят и по-английски, так как оба ходят в английскую школу и общаются с папой. Однако точно в такой же семье двое детей совсем не говорят по-русски, так как мама не ставит такой цели.

Еще один пример. Семья много лет жила в России. Мама – русская, с языковым образованием, преподаватель английского языка в России. Папа – англичанин с языковым образованием, русист, тоже преподавал английский язык как носитель языка. Они познакомились в России, где он был на стажировке, поженились и вместе работали в одном из колледжей в течение 5-7 лет. Дома говорили на 2 языках между собой и с детьми. Естественно, что, живя в России, дети по-русски говорили лучше, чем по-английски. Так сложились обстоятельства, что семье пришлось уехать из России в Англию и несколько лет общение на русском языке было возможно только в семье. Мы были первыми русскими гостями, которых они встретили за годы проживания в Англии. Старшей девочке очень хотелось поговорить с нами по-русски. Мы заметили, что это было достаточно трудно для неё: она подбирала слова, делала большие паузы, а несильный, но достаточно отчетливый акцент, в общем-то, русской девочки резал нам слух.

В семье моей дочери с самых первых дней своей жизни ребенок слышал речь своих родителей на двух языках, и у него вырабатывался определенный слуховой образ этих двух языков и определенная реакция на них. Наличие двух языков являлось для него совершенно естественным, точно так же, как наличие голоса мамы и папы.

На этапе, когда ребенок начал говорить, мы замечали, что он иногда путает слова из разных языков, и, не зная слова из одного языка, вставляет слово из другого. Когда одно слово ему кажется легче или больше нравится, появляются предложения типа: «Я хочу red цветок», «I want to play with this кукла», или «Я не cold». Она также путалась и в том, кто из родителей на каком языке говорит, и могла подойти к папе, сказав что-то по-русски или к маме, говоря по-английски. Со временем, примерно к 2,5 – 3 годам эта проблема разрешилась естественным путем, и она стала четко понимать, с кем на каком языке разговаривать. Получалось так: днем с мамой по-русски, вечером с папой – по-английски, а по выходным с мамой и с папой по-русски, и по-английски. Однако мы заметили, что днем, играя с куклами, она разговаривала с ними в присутствии русской мамы и бабушки исключительно по-английски. Мы нашли объяснение в том, что 2 дня в неделю Даша ходила в английский садик, где дети говорят между собой и с игрушками по-английски. Если ей нужно было употребить английское слово, которого она не знала, она подходила к маме и спрашивала: «Мама, как по-английски...». Если мама не могла ответить на её вопрос, она говорила: «Хорошо, когда папа придет с работы, я спрошу у него, ведь мой папа - англичанин». Пытаясь запомнить названия новых для нее предметов, девочка подходила с этим предметом сначала к маме с вопросом: «Мама, это что?», а затем – к отцу с аналогичным вопросом, но уже на английском языке.

Был и такой эпизод. Её папа сказал мне что-то по-английски и она, зная, что бабушка – русская и разговаривает по-русски, попыталась тут же перевести его слова на русский, забыв, что я тоже говорю по-английски.

Однако тот русский язык, на котором Даша говорила в Англии и уровнем которого мы были вполне удовлетворены, показался нам не таким уж хорошим, когда в 3,5 года девочка приехала в Россию. В её речи слышались английские звуки «t», «th», резала слух повышающаяся английская интонация. Но оказавшись в русской среде, в кругу бабушек, дедушек..., посещая новогодние представления и спектакли и регулярные занятия в детских развивающих центрах, ребенок уже через неделю сделал значительный скачок в речи, и в дальнейшем мы общались с ней на совершенно правильном русском языке. Вспоминается еще один момент. За год до этого, когда они с мамой были в России, а папа в Англии, они общались с отцом посредством программы Skype через Интернет. Даша увидела на экране папу и хотела ему что-то сказать, но кроме *rara, rara* ничего не смогла сказать по-английски. Через год в той же ситуации она уже могла общаться с папой, правда с трудом и подбирая слова. Например, во время разговора с ним она прервала речь и спросила у мамы, как будет по-английски «мороженое», и тут же обращаясь к папе, сказала, держа в руках мороженое: «Papa, I'm eating ice-cream». Очевидно, процесс переключения мышления с одного языка на другой для ребенка с возрастом становится более естественным. Бывали случаи, когда, насмотревшись вперемешку русских и английских мультфильмов она спрашивала: «Бабушка, а ты знаешь как по-русски (по-английски) будет Cinderella, Спящая красавица, принц, ... », сопоставляя в уме одни и те же понятия на двух языках.

Перед их отлетом домой она все время говорила о папе, о зеленой траве, о том, что не хочет больше мороза и белого снега. Она вспоминала Англию и все что с ней связано – дом, знакомых детей, садик. В машине по дороге в аэропорт она радовалась скорому возвращению домой и вдруг совершенно неожиданно для всех нас запела песенку на английском языке. Мы обратили на это особое внимание, так как во время новогодних представлений с Дедом Морозом мы неоднократно просили её спеть английскую песенку или рассказать английский стишок, а она наотрез отказывалась и говорила, что не хочет по-английски, а хочет только по-русски.

Интересные факты имели место и по возвращении девочки в Англию. Папа отметил, что она намного хуже стала говорить по-английски, а мама слышала в ее речи предложения типа: *Papa, you me this bye?* вместо *Papa, did you by this for me? I very much this like* вместо *I like this very much*. То есть Даша практически произносила русские конструкции английскими словами.

Когда пошла в садик через 2–3 дня после возвращения из России, имел место такой инцидент. Она играла с игрушками, и к ней подошел мальчик, который хотел поиграть с теми же игрушками. Мама видела, как Даша прижала их к себе и хотела, чтобы мальчик ушел и не мешал ей играть. Она открыла рот, но ничего не могла сказать, а лишь заплакала и отошла в сторону. Мама предположила, что она не сказала ничего по-русски, зная, что мальчик не поймет ее, а как сказать по-английски “*Leave me alone*” или что-то подобное, она забыла. Этот случай подтверждает мнение психологов о том, что у двуязычных детей часто наблюдается отставание в развитии речи как способа выражения мысли, и это может относиться к любому языку.

Отметим еще ряд примеров интерференции русского языка в речи ребенка. Даша, говоря по-английски, не употребляет артикли, поскольку в русском языке их нет; в речи пропускает глагол *to be*, говоря *It tree, I girl, I Dasha*; путает слова *clock* и *watch*, поскольку по-русски и настенные, и наручные часы называются одним словом. Отмечаются и случаи влияния английского языка на русскую речь ребенка. Так, Даша испытывает определенные трудности в употреблении русских глаголов движения, говоря *Я иду в Англию, я пойду в Англию*. Это объясняется тем, что в английском языке глагол *go* передает практически все виды перемещения в пространстве и соответствует целому ряду русских глаголов: *идти, ехать, лететь, плыть*. Интересны и случаи, когда девочка занимается словотворчеством, комбинируя корни и суффиксы из разных языков: *пошейкать* – от глагола *to shake*, фейска – от *face* в значении «личико».

В заключении хотелось бы отметить, что процесс формирования речи у ребенка в условиях двуязычной среды весьма интересен, зависит от целого ряда обстоятельств, и, безусловно, достаточно сложен.

Раздел 5.

Сопоставительные исследования и перевод

М.Л. Алексеева

К вопросу о диахроническом сопоставительно-переводческом анализе

В данной статье рассматривается сущность, назначение и возможности использования диахронического сопоставительно-переводческого анализа на материале параллельных художественных текстов.

Сопоставительный анализ основывается на сравнении соответствующих явлений разных языков независимо от наличия или отсутствия у них генетических связей. Он занимает особое место, как по методам исследования, так и по полученным результатам. Как отмечал один из теоретиков отечественного переводоведения В.Г. Гак, сопоставительный анализ дает объективное научное обоснование, инструмент для оценки правильности многих аспектов перевода (Гак 1979, с. 11).

Сопоставительный анализ переводов или сопоставительно-переводческий анализ (термин М.В. Оганесян – Оганесян 2003) предполагает сопоставление оригинала с переводом или несколькими переводами, выполненными в разное время, на различные языки, а также переведенных произведений между собой. Диапазон возможных сопоставлений достаточно широкий: от отдельных элементов текстов до полных текстов оригинального и переводного произведений в контексте различных культур, национальных менталитетов, исторических эпох.

Отметим, что сопоставление оригинала с переводом не является новым в переводоведении. Эта традиция восходит к анализу библейских текстов и их переводов и отражается в работах многих лингвистов. С этой целью во второй половине XX в. начал широко применяться метод параллельных текстов. Наиболее подробное освещение и разработку он нашел в трудах австрийских

лингвистов М. Вандрушки, а также его последователей Штобицера, Брикмана и Закера.

Помимо переводов библейских текстов, богатый материал для сопоставительных исследований дают разновременные переводы одного и того же художественного произведения. Разные по времени переводы служат ценным источником изучения истории литературного языка определенного народа. Сравнение параллельных текстов позволяет глубже и ярче раскрыть различные стороны языка того исторического периода, в который выполнен перевод, установить стратегии отдельных переводчиков.

В современной лингвистике параллельными называют переводы одного и того же оригинального текста на иностранный язык (Баранов 2003, с. 117). Существует и другое понимание данного термина. Параллельными считают и тексты на двух языках, обладающие одинаковой степенью информативности и созданные в идентичных коммуникативных ситуациях (Щадрин 2005, с. 451; Тюленев 2004, с. 293). Таким образом, это тексты, сходные по каким-либо параметрам, например, тематике, прагматической направленности или принадлежности одному и тому же функциональному пласту.

Когда сопоставительному анализу подвергаются разновременные переводы одного и того же оригинала, а также выявляется оценка качества вариантов перевода, речь идет о диахроническом сопоставительно-переводческом анализе.

В процессе такого анализа сопоставляются какие-либо единицы перевода из текста оригинала и их переводные эквиваленты со всеми внетекстовыми пояснениями (постраничными сносками или примечаниями переводчика в конце текста) в контекстах равной длины, а затем варианты перевода в параллельных переводах, выполненных в разное время.

Рассмотрим в качестве единицы перевода реалии (русские реалии и их эквиваленты выделены жирным шрифтом) в параллельных немецких переводах романа «Идиот» Ф.М. Достоевского, выполненных разными переводчиками в 1889 г., 1923 г., 1930 г., 1951 г., 1986 г. и 1996 г.:

Русская реалия

Словарное значение

аршин, вершок

РСС: Аршин. В старое время: измерительная линейка, планка длиной 0,71 м. РСС. Вершок. Старая русская мера длины, равная 4,4 сантиметра.

Русский контекст: *Ф.Д., с. 276. Над дверью в следующую комнату висела одна картина, довольно странная по своей форме, около двух с половиной **аршин** в длину и никак не более шести **вершков** в высоту.*

Перевод № 1

A. S., 1889, S. 277:

*Über der Tür zum nächsten Zimmer befand sich ein Bild von recht auffälligem Format: bei einer Länge von etwa zwei **Metern** war es kaum ein **Viertelmeter** hoch.*

Перевод № 2

H. R., 1923, S. 300:

Контекст *Über der Tür nach dem nächsten Zimmer hing ein Bild von recht auffälligem Format:*

Сноска Перевод № 3	Zweieinhalb Arschin * lang und nicht mehr als sechs Werschok hoch. 1 Arschin = 71,1 cm. <i>A. L.</i> , 1930, S. 286:
Сноска Перевод № 4	Контекст Über der Tür zum nächsten Zimmer hing ein Bild von recht sonderbarem Format — es war gegen zweieinhalb Arschin * lang und kaum sechs Werschok * hoch. 1 Arschin = 16 Werschok = 71 cm. Werschok = 4,4 cm <i>R. C.</i> , 1951, 402:
Перевод № 5	Über der Tür zum nächsten Zimmer hing ein Bild von recht auffälligem Format, über zwei Meter lang und höchstens dreißig Zentimeter breit. <i>H. H.</i> , 1986, S. 300:
Перевод № 6	Контекст Über der Tür in den nächsten Raum hing ein Bild von recht ungewöhnlicher Form, etwa anderthalb Arschin lang, doch nicht mehr als sechs Werschok hoch. <i>S. G.</i> , 1996, S. 315: Контекст Über der Tür zum nächsten Raum hing ein Bild, dessen Format sehr ungewöhnlich war, etwa zweieinhalb Arschin lang und nicht mehr als sechs Werschok * hoch. Примечание Bis 1881, d. h. bis zur Einführung des metrischen Systems, wurde die Körpergröße von Erwachsenen mit der Anzahl der «Werschki» über 2 Arschin angegeben. Ein Arschin entspricht 71, 12 cm, ein Werschok 4,45 cm.

Научная значимость сопоставления параллельных переводов в диахронии не вызывает сомнений. В результате такого анализа выявляются постоянно повторяющиеся переводные эквиваленты, которые указывают на универсальные явления, что вносит вклад в развитие теории перевода. Это позволяет решить и ряд прикладных задач: дополнить данные словарей и существующих учебных пособий.

Важным условием полного и качественного анализа является правильный выбор корпуса параллельных текстов. При отборе переводов в качестве объекта исследования следует использовать только прямые и полные варианты переводов. Отметим, что для переводческой практики прошлых веков: XVIII, XIX и даже начала XX в. было типично осуществление перевода с помощью языка-посредника. Например, как отмечает Ю.Л. Оболенская, большинство испанских переводов произведений русских классиков, выполненных с середины XIX в. и вплоть до конца 30-х гг. XX в., делались с французского, немецкого или английского языка (Оболенская 2006, с. 11).

В заключение отметим, что целью диахронического сопоставительно-переводческого анализа является определение приемов перевода, факторов выбора того или иного приема, оценка адекватности вариантов перевода и выявление наиболее удачных переводческих решений. В результате анализа

устанавливаются закономерности передачи различных единиц перевода на иностранный язык в тот или иной период времени.

Литература

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. — М., 2003.
2. Гак В. Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ // Тетради переводчика. — Вып. 16. — М., 1979. — С. 11-21.
3. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация: учебное пособие. — М., 2006.
4. Оганесян М. В Сопоставительно-переводческий анализ английской и русской медицинской терминологии по генетике : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003.
5. Тюленев С. В. Теория перевода. — М., 2004.
6. Шадрин В. И. Параллельный текст как объект переводоведения // Университетское переводоведение. Вып. 6. Материалы VI Международной научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения» 21-23 октября 2004 г. — СПб., 2005. — С. 450 - 455.

Источники примеров

1. Ф. Д.: Достоевский Ф.М. Идиот: роман. — М.: Эксмо, 2004.
2. А. S.: Dostojewski F. Idiot. Übersetzung von A. Scholz. — Berlin: Bruno und Paul Cassirer, 1889.
3. H. R.: Dostojewski F. Idiot. Übersetzung von H. Röhl. — Leipzig: Insel-Verlag, 1923.
4. A. L.: Dostojewskij F. Idiot. Übersetzung von A. Luther. — Leipzig: Hesse und Becker, ca. 1930.
5. R. C. : Dostojewski F. Idiot. Übersetzung von R. Cadreira. — Zürich: Manesse, 1951.
6. H. H.: Dostojewski F. Idiot. Übersetzung von H. Herboth. — Berlin und Weimar: Aufbau, 1986.
7. S. G.: Dostojewskij F. Idiot. Übersetzung von S. Geier. — FaM: Fischer Taschenbuch, 1998.
8. РСС: Русский семантический словарь под ред. Н.Ю. Шведовой, тт. 1-3. — М.: РАН, Ин-т русского языка, 2002.

Т.В. Дробышева

Особенности перевода слов с культурным компонентом в художественном тексте

Сопоставление образа окружающего мира в подлиннике и того же образа в переводном тексте позволяет выявить **культурно-специфические** смыслы, воплощенные автором оригинального текста и их преломление у авторов переводов. Данное исследование посвящено сопоставительному анализу языковых единиц, объективирующих образ окружающего мира в романе Ф.С.Фицджеральда «Великий Гэтсби» и в русских переводах (**А** – перевод Е. Калашниковой, **Б** – перевод Н. Лаврова), на примере **реалий** и слов, имеющих в своей содержательной структуре **культурный компонент**.

Еще в 1969 Н.Г. Комлев отмечал, что слово-знак выражает нечто кроме самого себя, и видел в этом связь с наличием у некоторых слов «культурного компонента» (Комлев 1969, с. 116). Многими учеными такие слова определяются как реалии. С. Влахов и С. Флорин (1980), Н.А. Фененко (2001)

признают именно «колорит» наиболее типичным признаком реалий, и мы, вслед за ними, считаем реалии в той или иной мере носителями коннотативных значений.

В связи с прагматической важностью реалий и их исключительной ролью в тексте художественного произведения в фокус нашего внимания попадают **слова с культурным компонентом в своем значении**, имеющие своими денотатами **топографические, этнографические и общественно-политические** явления и объекты. Мы включаем в рассмотрение также и имена собственные, и «аллюзивные имена», так как они составляют образную систему произведения и у носителей языка ассоциируются с определенными фольклорными, литературными источниками и историческими событиями. Такие имена-ярлыки насыщают текст всевозможными символами. «Непереводимость имен собственных, их отнесенность к безэквивалентной лексике обусловлена присущей большинству из них связи с определенным народом, с национальными традициями и культурой, что роднит их с реалиями» (Влахов 1980, с. 222).

Известны следующие приемы перевода слов с культурным компонентом в своем значении (реалий): **переводческая перифраза, адаптация, транскрипция, калькирование и опущение**. Данные трансформационные приемы влияют в разной степени на восприятие образов в переводных текстах. Переводчики избирают разные способы перевода реалий в зависимости от того, насколько значительную функцию имеет тот или иной знак-реалия для поэтики переводного текста и в зависимости от особенностей языка перевода.

Приведем примеры сдвигов в восприятии образов окружающего мира при переводе слов, обозначающих **этнографические** объекты, то есть слов, связанных с **бытом, трудом и культурой народа**.

- К первой подгруппе названий этнографических объектов относятся слова, связанные с **бытом** народа.

Так, например, при переводе названий **напитков и блюд**, типичных в американской культуре: *highball* - 'алкогольный напиток из виски/бренди и воды/содовой, подается в высоком стакане, обычно со льдом', *hash* - 'мелко нарезанное мясо тушеное/печеное с картошкой или другими овощами: луком, помидорами', - переводчики используют следующие приемы: **А – перифраза** *highball* → *виски с содовой*, **Б – транскрипция** *highball* → *хайбол*; **А – адаптация с элементами перифразы** *hash* → *гуляши с овощами*; **Б – транскрипция с элементами перифразы** *hash* → «хэш» - *сочное мелко нарезанное мясо*.

В Америке принято обозначать городской **транспорт** - такси словом *cab*, (произошедшим от *cabriolet*), в значении «наемная машина с водителем, обычно желтого цвета», и Фицджеральд неоднократно прибегает к этому слову в романе. Переводчик же **А** или совсем **опускает** его (ср.: *At 158th Street the cab stopped* / *Вдоль Сто пятьдесят восьмой ... мы остановились*), или прибегает к родовому понятию *машина*, то есть к **генерализации** значения, которая нивелирует культурный компонент слова и не отражает видового отличия кебов от других машин – то есть его функции (платный наемный транспорт) и вида (желтый цвет) (ср.: *the Forties were lined five deep with throbbing taxicabs* / *бурлил сплошной поток фыркающих машин*). Переводчик **Б** во втором случае также применяет трансформацию **генерализации** (ср.: *the Forties were lined five deep*

with throbbing taxicabs / пропускали через свои склеротические вены потоки **машин**). В первом же случае он передает национально-специфическое слово *cab* при помощи общепринятого *такси*, используя таким образом один из возможных переводческих вариантов (ср.: *At 158th Street the cab stopped* / На 158-стрит **такси** остановилось). Необходимо отметить, что переводчик **Б** в этом предложении уже прибегал к приему транскрипции при передаче слова *street*→*стрит*, поэтому повторное использование того же приема привело бы к стилистической перегруженности повествования экзотизмами.

Легко узнаваемым для жителей Великобритании и Америки названием судоходной компании, осуществлявшей и осуществляющей до сих пор сообщение между Великобританией и Северной Америкой, упоминаемой в романе, является *the Curnard-White Star Line*. При переводе этого имени собственного, обозначающего судоходный **транспорт**, переводчик **А** использует прием **перифразы**, предполагая, что название этой судоходной компании ничего не скажет русскому читателю, ср.: *I think must be a nightingale come over on the Curnard or White Star Line* / он, наверно, прибыл с последним **трансатлантическим рейсом**. Переводчик **Б** в данной ситуации также применяет **перифразу**, но для сохранения национального колорита **транскрибирует** название компании, ср.: *как он попал к нам – не иначе как последним рейсом через Атлантику. Видимо, на «Кунард» или «Уайт стар лайн».*

- Ко второй подгруппе названий этнографических объектов мы относим слова, связанные с **искусством и культурой** народа.

В тексте Фицджеральда упоминается известный в те времена (конец двадцатых годов 20 века) американский танцор и комик Джо Фриско, который придумал танец «Black Bottom», заключавшийся в необычном вращении бедрами. Писатель сравнивает танец одной из девушек на пирушке у Гэтсби с тем, как двигался этот танцор. Данное сравнение высвечивает атмосферу и культуру той эпохи. Переводчик **А** опускает его, в переводе **Б** сравнение сохраняется, и для большей понятности переводчик прибегает к **перифразе**. Ср.: *moving her hands like Frisco, dances out alone on the canvas platform* / **А** *выбежит на брезентовую площадку и закружится в танце без партнеров* / **Б** *и выскочит на парусину танцевальной площадки ... ее руки так и летают белокрылыми чайками, как у короля ритма Фриско, и она танцует в одиночестве.*

Примером **аллюзии** на широко известное в англоязычной среде произведение является упоминание реалистического романа-саги М. Эджуорт «Замок Рекерент», написанного в 1801 году. Основная его идея заключается в описании перипетий жизни аристократического ирландского католического семейства. *‘That’s the secret of Castle Rackrent’*, - восклицает главная героиня романа, намекая на непростые отношения у них в семье, что переводчик **А** передает **изоморфно**, не раскрывая сущности данной аллюзии, нераспознаваемой для русского читателя (Ср.: *Это тайна замка Рэкрент*). В переводе же **Б** автор **адаптирует** эту аллюзию и подменяет ее аллюзией на всемирно известную сказку Шарля Перро «Синяя Борода». Сказка написана по мотивам старинной бретонской легенды и вышла в свет в 1697 году, сюжет истории о муже-убийце заключается в наказании за любопытство ценой смерти. Подменив оригинальную аллюзию, переводчик **Б** сохраняет художественность и образность в своем тексте, однако трансформирует импликацию: *secret of Castle*

Rackerent (длинная, запутанная история) → *тайна замка Синей Бороды* (опасная история).

В оригинале упоминается детская **игра**, распространенная в культуре англоязычных стран - *sardines-in-the-box* (сардинки в коробке) – по правилам она схожа с прятками, в конце все играющие оказываются в ‘доме’, набитом как коробка сардин. Переводчики не рискуют загромождать повествование перифразами или какими-то бы то ни было комментариями и прибегают к следующим приемам: переводчик **А** – к **адаптации** (*sardines-in-the-box* → «*море волнуется*»), переводчик **Б** – **опущению**. Адаптационная замена переводчика **А** полностью **искажает** предметную ситуацию, так как по правилам игры «море волнуется» дети изображают море, и когда ведущий говорит, все должны замереть. Возможно, переводчик **А** хотел сохранить ‘водную’ тематику оригинала, однако при данной трансформации происходит нейтрализация национального колорита оригинала.

В выше проанализированных примерах, сфокусированных вокруг сопоставления слов с культурным компонентом значения в оригинале и соответствующих лексических единиц в переводах, выявляется непосредственная **взаимосвязь переводческих приемов с коммуникативно-прагматическим эффектом**, производимым на читателя, и как следствие, формированием у реципиентов **отличающихся образов окружающего мира**. В данных примерах прослеживается тенденция переводчика **А** **адаптировать, унифицировать** образ окружающего мира, тогда как переводчик **Б** склонен передать те или иные культурно-специфические смыслы при помощи различных приемов. Он неоднократно прибегает к приему **транскрипции**, что может, с одной стороны, приводить к неполному пониманию ситуации русскими читателями, с другой стороны, насыщает текст национальным колоритом, «составляющим, - по словам Н. К. Гарбовского, - неотъемлемую часть поэтики» (Гарбовский 2004, с. 483).

Проведенный анализ еще раз подтверждает тот факт, что слова с культурным компонентом в своем значении представляют большие затруднения при переводе, так как являются концептуальными и лексическими лакунами в языке перевода. В связи с этим встает проблема эквивалентности текстов оригинала и перевода, которая может решаться с точки зрения категории **компенсации**, позволяющей обеспечить их экспрессивную и импрессивную эквивалентность. Несмотря на множество серьезнейших препятствий на пути полноценного перевода, он осуществляется, что объясняется «способностью языков и культур компенсировать недостаточность одной из своих сфер за счет других» (Фененко 2001, с. 13).

Литература

1. Fitzgerald F. Scott. The Great Gatsby. – Penguin Books, 1994. – 188p.
2. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. – М., 1980.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. – М., 2004. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1969.
4. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка. – Воронеж, 2001.
5. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби, Ночь нежна: романы / Пер. с англ. Н. Лаврова. — Ростов н/Д., 2000.
6. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби, Ночь нежна: романы; рассказы / Пер. с англ. Е. Калашниковой. – М.: 2003.

О способах перевода русских предложений типа *Мне не спится на испанский язык*

В синтаксической системе русского языка широко представлены вариантные типы предложений. Так, к вариантным семантическим типам относятся личное и безличное предложения с возвратным глаголом.

В личном предложении, например, *Я не сплю* субъект имеет форму именительного падежа, а место сказуемого занимает личный глагол в активной форме. Семантика личных конструкций заключается в выражении контролируемого и осознанного процессуального состояния.

В русском языке безличные конструкции типа *Мне не спится* характеризуются как одноактантные вербальные возвратно-безличные предложения с глаголом в фиксированной форме 3-го лица единственного числа, выражающим процессуальное состояние. Происходит деактивизация субъекта, роль которого в предложении снижается: протекание и возникновение состояния субъекта не зависит от его воли и желания (Копров 1999, с. 98).

Субъект в таком предложении может быть представлен двумя способами. Во-первых, существительным или местоимением в дательном падеже; в этой форме субъект представлен как грамматически определённый носитель состояния:

Все спят, только Ленька Пантелеев и Янкель, мечтательно уставившись в окно, шёпотом разговаривают. Сламицикам не спится. Их кровати стоят как раз у окна, и прохладный воздух освежает и бодрит разгорячённые тела (Г. Белых, Л. Пантелеев). *И всё-таки он не сдавался, не падал духом, хотя жилось ему нелегко: дома редко ели досыта, мать перебивалась случайными уроками, младший Ленькин брат за гроши работал учеником кондитера в частной булочной* (Г. Белых, Л. Пантелеев).

Во-вторых, субъект в предложении может быть невербализован. При этом возможно мысленное заполнение позиции актанта на основе информации, полученной из контекста. Так, в следующих предложениях субъект обобщается: *Ну, давайте разговоры разговаривать. Как живётся, работается, чего такое делаете?* (Т. Толстая). *Подшло время обеда, но как-то не обедалось. Ели нехотя, занятые разговорами, взволнованные* (Г. Белых, Л. Пантелеев).

Синтаксическая система испанского языка не обладает соответствующими безличными конструкциями, поэтому русские возвратно-безличные конструкции могут передаваться на испанский язык разными способами.

В испанском языке русскому возвратно-безличному предложению с определённым субъектом соответствуют личные предложения. При этом личное местоимение обычно квалифицируется как грамматически избыточное, так как в глагольной флексии уже содержится обозначение лица субъекта (Грамматика и семантика романских языков 1978, с. 214). Для передачи значений русского безличного глагола с отрицанием (*не спится*) используется местоименный глагол, который изменяется по лицам, числам и временам, а местоимение –*se* выполняет роль индикатора лица в предложении – *dormirse*: ***No me duermo***.

Ya lo he hecho, Hermana, y he contado todos los rebaños de mi pueblo y no me duermo todas las orugas de los árboles del monte. Y como si nada (L.G. Egido) (*Я уже и это пробовал, Сестра, а всё не спится. Пересчитал все стада в деревне, а на деревьях, что растут на вершинах гор, всех гусениц. Но ничего не*

помогаем). *Me pongo a pensar en lo que me pasa y no hay manera. Me digo a mí misma: duérmete de una vez y no pienses. Pero, al revés: no me duermo y sigo pensando en lo mismo sin poderlo evitar* (A. Martínez Ballesteros) (И снова и снова начинаю прокручивать в голове всё, что происходит со мной и не могу иначе. Говорю самой себе: «Да спи же ты, наконец, и хватит думать». Но, напротив, **не спится мне**, и всё думаю и думаю о том же, и нет возможности уйти от этого).

Один из ведущих способов передачи значения изучаемых конструкций заключается в использовании личных конструкций с модальным глаголом *poder* – мочь, употребляемым с инфинитивом: *Había ido una noche a verle a su pensión y dos tardes a esperarle al Instituto, siempre en momentos de total desaliento. – No puedo dormir ni estudiar, ni nada. Si yo supiera seguro que no me quiere, la dejaría, pero es que con ella nunca se sabe* (C. Martín Gaité) (Я уже ходил в пансион к ней, два вечера в одиночестве прождал её около Института. **Не могу спать**, ни учить, ничего. И если бы я только знал, что она меня совсем не любит, оставил бы её, но с ней же никогда не знаешь точно). ...- **No puedo dormir**: yo creí que tenía sueño y estoy más despabilada que antes. ¿Falta mucho para llegar? (B. Pérez Galdós) (**Не могу спать**. Я думала, что засну, а сна нет ни в одном глазу. Мы скоро приедем?).

Ввиду отсутствия в испанском языке грамматических форм, соответствующих русским возвратно-безличным предложениям, их значение может передаваться личной посессивной конструкцией *no tener ganas de hacer algo* (не иметь желания делать что-то): *No tengo ganas de beber – dijo con voz sorda. – Lo que deseo es hablar contigo, y en seguida* (V. Blasco Ibáñez) (Мне не пьётся (досл. у меня нет желания) – ответил он глухим голосом. – Всё что я хочу, это поговорить с тобой и как можно скорее). «...Y así no le encuentro gusto a la bebida, pues nadie comparte mi copa, y **ni siquiera tengo ganas de cantar**, porque no hay quien me escuche" (V. Blasco Ibáñez) (И даже алкоголь для меня потерял вкус, потому что не с кем разделить рюмку вина, и даже не поётся мне (досл. у меня нет желания петь), потому что нет того кто бы меня слушал).

Русские возвратно-безличные конструкции с обобщённым субъектом передаются в испанском языке безличными предложениями с возвратной формой глагола, который принимает форму третьего лица единственного числа (Moliner 1986, с. 574-575): *В лесу легко дышится – En el bosque se respira con facilidad.*

Según dice esta gurú de las antípodas, "es falso que si no comes, mueres": respirando y con un poco de té y agua se vive perfectamente (M.A. Sabadell) (Потому что говорят гуру из другого лагеря, «это неправда, что когда не ешь, обязательно умрешь»: отлично **живётся** если есть воздух, немного чая и вода). *Es como un símbolo de libertad de los pocos que van quedando. Bajo su tenue luz se vive y se siente de otra manera...* (L. Llongueras) (Это как символ свободы для всех тех, кто остаётся. В её слабом свете и **живётся** и чувствуется по другому).

Таким образом, семантика русских возвратно-безличных конструкций, не имея в испанском языке прямого соответствия, представляет значительную трудность для усвоения в испаноязычной аудитории. Изучение способов их перевода может оказаться полезным для повышения эффективности преподавания русского языка иностранным учащимся.

Литература

1. Грамматика и семантика романских языков: (к проблеме универсалий). – М., 1978.
2. Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж, 1999.
3. Moliner M. Diccionario de uso del espanol. – Madrid, 1986.

Л.И.Зубкова

Русские диалектные и разговорные реалии в английском переводе (на материале переводов произведений В. Шукшина и В. Распутина на английский язык)

Перевод реалий – слов (и словосочетаний), называющих «объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» (Влахов, Флорин 1980, с. 47), являющихся носителями национального и / или исторического колорита – представляет интерес как в плане передачи предметного значения (семантики), так и ее национального колорита (коннотации). Реалии не имеют понятийного эквивалента в другом языке и относятся к безэквивалентной лексике с национально-культурной спецификой значения.

Реалии, как правило, принадлежат к нейтральной общеупотребительной лексике. Однако в русском языке существуют стилистически маркированные реалии – разговорные и диалектные. Будучи носителями национального колорита, разговорные реалии «отягощены» коннотациями стилистической сниженности уже на уровне языка, отходом от нормированного произношения с потенциальной референтной тождественностью по отношению к уже имеющейся в языке лексической единице. Что же касается диалектных реалий, то их коннотациям, помимо функций стилистического и национального дифференцирования, свойственна функция локально-территориального дифференцирования.

В задачу проведенного исследования входило выявление способов перевода русских диалектных и разговорных реалий на английский язык на материале переведенных рассказов Василия Макаровича Шукшина и Валентина Григорьевича Распутина, а также анализ подбора переводческих соответствий с точки зрения передачи референциальных и прагматических значений данной группы лексических единиц. А. Д. Швейцер высказал мысль, что «именно в художественном переводе перекрещиваются почти все, а может быть, и все грани и аспекты этого многомерного и многогранного явления языка и культуры, а именно перевода. Именно в художественном переводе, – подчеркивает Швейцер, – наиболее рельефной становится сущность перевода как акта не только межъязыковой, но и межкультурной коммуникации» (Швейцер 1988, с. 154).

Произведения В. М. Шукшина и В. Г. Распутина обращают нас к незыблемым национальным основам русского народа. Не удивительно, что они пользуются популярностью иноязычного читателя, которого привлекает не только идейно-тематическое содержание, но и мастерство воплощения этого содержания. В этой связи в задачу перевода входит не только точное изложение содержания мыслей, сообщаемых на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения, его национального

колорита, стремление к адекватной передаче прагматических установок автора произведения и его эмоционально-эстетического воздействия на читателя.

Стилистическая выразительность и реалистичность произведений Шукшина и Распутина во многом определяются широким и разнообразным привлечением лексики с национально-культурной спецификой значения. Эта лексика может быть как нейтральной (например, *самовар, ухват, городки, пельмени, полук, крынка, борщ* и др.), так и стилистически сниженной (например, *нэпман, кулачка, четвертинка, рублик* и др.) и территориально ограниченной (например, *курень, тусок, кошева, шанежки* и др.).

В анализируемых переводах выявлены способы передачи диалектных и разговорных реалий на английский язык, а также авторские приемы для компенсации потерь национально-культурного характера.

При переводе реалий-диалектизмов отмечается использование способа транскрибирования с кратким пояснением. Например, реалия *чирки* в рассказе Валентина Распутина «Уроки французского» передана как *rough slippers called 'chirki'*. Передача лишь звуковой оболочки лексической единицы *чирки* как *chirki* не способствовала бы достижению прагматического эффекта высказывания, поскольку значение реалии (*чирки* – самодельные туфли из сыромятной кожи) входит в прагматику исходного текста. Переводчик Eve Manning вводит дополнительное атрибутивное сочетание *rough slippers* (грубые свободные комнатные туфли), раскрывая семантику исходной лексической единицы для ее восприятия англоязычным читателем. Передача реалии, которая в данном контексте несет большую функциональную нагрузку, помогла показать крайнюю бедность главного героя рассказа, единственного из всего класса вынужденного носить чирки.

Аналогичным способом передана географическая реалия *кучугуры* – *kuchuguri, a vast undulating valley in the Altai foothills* (V. Shukshin. Men of One Soil). Переводчику R. Daglish в данном случае не пришлось подыскивать дополнительные средства семантизации, поскольку в рассказе «Земляки» Василий Шукшин сам поясняет значение этого диалектизма: *Это такая огромная всхолмленная долина – предгорье.*

Отмечается пример использования способа функционального аналога при переводе: – *А горбовик отцов где?* (В.Распутин. Век живи – век люби). – *But where's your farther's pack?* (Перевод Alex Miller). Национально-культурная семантика реалии-диалектизма *горбовик* абсолютно не раскрыта в переводе. Тот факт, что сибиряки для сбора ягод используют специальную емкость, изготавливаемую из коры березы и носимую на спине при помощи ремней, не фиксируется лексическим понятием и фоном переводного соответствия *pack* (тюк, ранец). А ведь именно контраст особенностей хранения ягод в горбовике, а не в бидоне или ведре актуализируется в контексте. Использование функционального аналога в данном примере не смогло передать коммуникативную интенцию автора.

Народно-разговорная речь, широко представленная в произведениях В. М. Шукшина и В. Г. Распутина, является не только средством речевой характеристики героев определенной социальной среды, но и орудием воздействия на чувства и мысли читателей. Нами отмечены два случая перевода разговорных реалий *пятерка* и *трешка* способом транскрибирования их стилистически нейтральных референциально тождественных соответствий: *В*

самом деле – лишняя пятерка погоды теперь не сделает (В. Распутин. Деньги для Марии). – *An extra five roubles don't make any difference now*. Он вертел в руках трешку и вел какие-то уж очень сложные подсчеты... (В. Распутин. Век живи – век люби). – *He turned the three-rouble note over and over his hands, apparently making some very complicated estimates*. По стилистическим характеристикам соответствия *five roubles* и *three-rouble note* отличаются от лексических единиц оригинала: семантическая структура слов *пятерка* и *трешка* содержит экспрессивную коннотацию разговорности, тогда как их переводческие соответствия представлены стилистически нейтральными словами, хотя и маркированными в национально-культурном плане. Прагматическое значение исходного и конечного языковых знаков разное, что препятствует достижению аналогичного коммуникативного эффекта в переводе.

Способ функционального аналога для перевода разговорной реалии отмечается в следующем примере: – *Ко мне часто приходят: то пятерку, то десятку дай* (В. Распутин. Деньги для Марии). – *They often come to me for a fiver or a tenner*. В данном переводе теряется национально-культурная семантика названных денежных единиц (*fiver* – пять фунтов стерлингов или банкнота в пять фунтов стерлингов; *tenner* – десять фунтов стерлингов или банкнота в десять фунтов стерлингов), но сохранен разговорный стиль высказывания и указывается на близость к народной речи. Несомненно, что экспрессивность переводческих соответствий способствует реализации прагматической направленности художественного текста в целом, но стилистическую окраску высказывания следует все-таки воссоздавать через лексические единицы, не обладающие национально-культурной спецификой значения. Утрата стилистической окраски слова в данном случае меньшее зло, чем искажение восприятия образа из-за межъязыковой интерференции.

Интересен, на наш взгляд, перевод авторского неологизма *гармоза*, компонентом семантической структуры которого является отрицательное эмоциональное отношение героя рассказа «Думы» В. Шукшина к гармошке: *Он заметил, что стал даже поджидать Кольку с его певучей «гармозой»*. – *He would catch himself waiting for Kolka with that bawling “squeeze-box” of his*. Переводчик Rober Daglish создал свой переводческий неологизм “*squeeze-box*” (ящик для выдавливания звуков), который можно считать прагматическим эквивалентом, т. к. сохранена общая стилистическая и эмоциональная характеристика высказывания.

Анализ перевода диалектных и разговорных реалий в переводах произведений В. М. Шукшина и В. Г. Распутина показал, что при передаче на английский язык способ транскрибирования с кратким пояснением позволяет указать на наличие национально-культурной специфики значения лексической единицы, передавая ее звуковой облик, и одновременно раскрыть ее семантику. Использование способа функционального аналога обосновано в том случае, если переводимая реалия не выполняет функционально значимую роль в контексте.

Однако применение способов транскрибирования и функционального аналога к диалектным и разговорным реалиям приводит к утрате в языке перевода стилистической окраски лексической единицы, ее прагматического значения, ибо в переводе важно не только передать смысл высказывания, но и реализовать прагматическую направленность произведения, вызвать у английского читателя адекватную эмоциональную реакцию и эстетическое наслаждение.

Таким образом, попытки переводчиков установить понятийное соответствие между реалией-диалектизмом или разговорной реалией и ее переводческим соответствием ведут к утрате ее прагматического значения, а попытки передать прагматическое значение в тексте перевода заканчиваются неудачей в раскрытии семантики исходной лексической единицы. Диалектные и разговорные реалии, следовательно, безэквивалентны на референциальном и прагматическом уровнях. Мастерство переводчиков и заключается в поисках оптимальных способов перевода, чтобы минимизировать неизбежные потери в передаче понятийного и коннотативного значений данных лексических единиц.

Литература

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1980.
2. Распутин В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. – М., 1994.
3. Швейцер А.Д. Теория перевода. – М., 1988.
4. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6 т. – М., 1992..
5. Rasputin Valentin. Money for Maria. Stories. – Moscow, 1989.
6. Shukshin Vasily. I want to Live. Short Stories. – Moscow, 1978. – 258 p.

М. В. Игнатович

Перевод интертекстуальных антропонимов в произведениях Терри Пратчетта

Одним из важных компонентов художественного произведения являются антропонимы, которые могут становиться важным элементом поэтики автора. Имена собственные, согласно точке зрения В.С. Виноградова, являются разновидностью реалий, так как в каждом имени содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта. (Виноградов 2001, с.149) Антропонимы часто оказываются символическими и говорящими, вызывая определенные семантические ассоциации у читателя произведения. (Гюббенет 2009, с.107) В художественном произведении «значимые» антропонимы несут большую художественную нагрузку, так как они не только именуют персонаж, но и выполняют функцию характеристики персонажа.

Антропонимы играют особенно важную роль в интертекстуальном произведении, где они обладают более высоким аллюзивным потенциалом по сравнению с именами персонажей не интертекстуальных произведений и, тем более, по сравнению с антропонимами реальных известных людей.

Интертекстуальность, по определению М.Л. Малаховской, представляет собой «наличие в тексте элементов, которые вследствие целенаправленной авторской стратегии или же безотносительно его интенции, активируют в сознании читателя другие, прочитанные им ранее тексты». (Малаховская 2007, с.5)

Интертекстуальные антропонимы имеют большое значение в романах Терри Пратчетта о Плоском мире, так как они выполняют смыслопорождающую функцию. Романы о Плоском мире носят пародийный характер. Плоский мир – это, с одной стороны, пародия на фэнтези, которая прослеживается в пейзажах, внешнем облике персонажей, их именах, действиях и образе мыслей. С другой стороны, вселенная Пратчетта – пародия на реальный мир. Писатель характеризует Плоский мир как мир сам по себе и как отражение других миров.

Следовательно, чтобы правильно понять смысл романов о Плоском мире, необходимо учитывать их интертекстуальный характер.

Восприятие антропонима читателем зависит от объема фоновых знаний, которым он располагает. Иногда восприятие фоновой информации не составляет труда, так как факты, на которых основан выбор имени, очевидны для читателя. При переводе антропонимов задача усложняется, так как их передача на другой язык требует от переводчика полного понимания смысла, заложенного в имени и поиск такого способа перевода, который, с одной стороны, отображал бы его интертекстуальное своеобразие, а с другой стороны, был понятен читателю перевода.

Д.И. Ермолович разделяет все персоналии на 2 группы (Ермолович 2001, с.38):

1. Собственно антропонимы - имена, которые присваиваются людям официально. У антропонимов данной группы на первый план выступает номинативная функция, основная задача которой – называть объекты, чтобы отличать их друг от друга. Основными приемами перевода таких антропонимов являются транскрипция или транслитерация. Применение смыслового перевода антропонимов данной группы чревато значительными информационными искажениями.
2. Антропонимы прозвищного типа – альтернативные именованья людей, образованные от нарицательных слов. В данную группу входят прозвища реальных людей или литературных персонажей. У антропонимов данной группы на первый план выступает характерологическая, а не номинативная функция. Для антропонимов прозвищного типа большое значение имеет внутренняя форма и ассоциативные связи имени. При передаче таких антропонимов переводчик применяет смысловой перевод, чтобы сохранить семантику имени. Функционально-смысловое и стилистическое соответствие антропонимов прозвищного типа в оригинале и переводе имеет большое значение.

В.С. Виноградов выделяет еще одну группу антропонимов – аллюзивные антропонимы, перевод которых также имеет свои особенности, так как связан с воссозданием ассоциативных связей, окружающих антропоним в оригинале. (Виноградов 2001, с. 169)

Транскрипция или транслитерация оказываются возможными способами перевода интертекстуального имени только при условии, что фоновые знания отправителя и получателя сообщения равны, то есть антропоним должен быть хорошо известен в культуре языка перевода. Рассмотрим следующий пример:

«The librarian's hands were walking through the keys like Casanunda in the nunnery» (Pratchett 2007, p. 166)

«Пальцы библиотекаря бегали по клавишам, как Казанунда по женскому монастырю» (Пратчетт 2006, с.208)

Джиамо Казанунда (Giamo Casanunda) утверждает, что является вторым в мире величайшим любовником и первейшим лжецом. Данный персонаж – аллюзия на известного итальянского авантюриста, писателя и покорителя женских сердец – Джакомо Казанову. Переводчик использует прием транслитерации, так как образ Казановы и его имя в транслитерированной форме хорошо известны читателям культуры перевода. Таким образом, в данном

случае, использование приема транслитерации осуществляет передачу игрового момента антропонима, обеспечивая достижение прагматического эффекта.

Однако прием транскрипции или транслитерации далеко не всегда приемлем при переводе антропонимов. Транскрибируя или транслитерируя имена собственные, переводчик старается сохранить назывную функцию имени, избегая лишней экспрессивной окраски. Транскрипция или транслитерация интертекстуальных антропонимов, в случае различия в национальных фоновых знаниях, может привести к утрате и смысла, и выразительности текста в целом, так как подобные имена собственные выполняют функцию художественно-эстетического воздействия, которая должна учитываться при переводе. Значимое имя требует от читателей перевода и оригинала понимания смысла внутренней формы и восприятия его образности. (Виноградов 2001, с.150).

Рассмотрим следующий пример:

«Nanny ... also kept a cat, a huge one-eyed tom called **Greebo** (выделено мной – М.И.)» (Pratchett 2001, p. 50)

«Помимо этого, у нянюшки ... имелось домашнее животное, огромный одноглазый серый кот по кличке **Грибо** (выделено мной – М.И.)». (Пратчетт 2009, с. 81)

Слово «greebo» было весьма распространенным в начале семидесятых годов XX века и связывалось с байкерским движением «Ангелы Ада» («Hell's Angels»). Словом «greebo» называли человека небрежного вида с длинными волосами, одетого в кожу, который хотел бы примкнуть к Ангелам Ада, но из-за недостатка стиля не мог этого сделать. Нянюшка впоследствии превращает своего кота в мужчину, чтобы он помог ей в одном деле. Внешнее описание перевоплощенного Грибо совпадает с образом американских представителей Greebo. Прием транскрипции в данном случае не отражает смыслового и эмоционально-экспрессивного содержания антропонима. Будучи транскрибированным, он не оказывает эмоционального воздействия на читателя перевода, в то время как в оригинале антропоним подразумевал данное воздействие. Таким образом, нейтрализация семантического ядра интертекстуального имени собственного при переводе ведет к некоторому искажению содержания произведения на метасемиотическом уровне.

Еще одна проблема, которая встает перед переводчиком – это передача прагматического потенциала интертекстуальных антропонимов. Для достижений данной цели переводчик применяет прием культурной адаптации, который направлен на преобразование или замену какого-либо элемента художественной структуры оригинала, вступающего в противоречие с культурой принимающего языка, на элемент более характерный для принимающей культуры с целью достижения прагматического эффекта, сопоставимого с оригиналом (Гришаева 1999, с.25).

Рассмотрим следующий пример:

«Blert Wheedown's Guitar Primer», he read. «Play your Way to Success in Three Easy Lessons and Eighteen Hard Lessons». (Pratchett 1997, p.135)

«Самоучитель для начинающих гитарников Блерта Фендера». – прочитал он – «Добей Успех в Игре на Гитаре за 3 Легких Урока и 18 Тяжелых» (Пратчетт 2006, с. 169)

Данный пример представляет собой ссылку на Берта Уидауна и его знаменитый самоучитель «Play in a Day», который является самым

продаваемым и эффективным пособием в обучении игры на гитаре.

Переводчик намеренно меняет фамилию в переводе, так как для читателей русского текста имя «Берт Уидаун» не значило бы ничего, по причине того, что о самоучителе Берта Уидауна и о нем самом мало кто знает в русскоязычной культуре. С другой стороны, Лео Фендер – создатель современной электрогитары – известная личность во всем мире, почитаемая многими музыкантами. Таким образом, недостаток фоновых знаний о личности Берта Уидауна читателями перевода обусловил использование приема культурной адаптации и замены имени одного на имя другое.

Отметим, однако, что прием культурной адаптации при переводе интертекстуальных имен собственных, также как и транскрипция, может привести к искажению смыслового содержания. В итоге, перевод представляет собой новый текст, содержащий отличный от оригинала смысл.

Рассмотрим следующий пример:

«The next table was occupied by Satchelmouth Lemon» (Pratchett 1997, p.161)

«За соседним столиком сидел один из вербовщиков Гильдии Музыкантов Губошлеп Шпиц» (Пратчетт, 2006, с.203)

В данном примере соединяется намек на двух знаменитых музыкантов - Луи Армстронга и Бланда Лемона Джефферсона. Прозвище Луи Армстронга было Satchmo, сокращение от Satchelmouth, с намеком на его большой рот, поэтому переводчик переводит первую часть имени данного персонажа как Губошлеп. Lemon – часть сценического имени, которое ассоциируется с легендарным блюзменом – Блайндом Лемоном Джефферсоном.

В данном случае при применении культурной адаптации теряется контаминация имен. Переводчику удалось сохранить семантику одного имени, но ассоциативная связь не была отражена в переводе, так как теряется намек на второго музыканта и его связь с первым.

Таким образом, используя прием культурной адаптации при переводе интертекстуальных имен собственных, переводчику необходимо найти такое содержание для внутренней формы имени, которое бы правильно характеризовало черты персонажа и верно отражало авторское отношение к нему. Кроме того, при переводе интертекстуальных антропонимов, переводчик должен учитывать функцию, которую они выполняют в произведении.

Образность интертекстуальных имен собственных складывается через ассоциативные связи, возникающие у читателей произведения. Различия экстралингвистического фона в двух языках иногда ведут к потере ассоциаций, которые порождаются интертекстуальными именами собственными при чтении перевода произведения. (Виноградов 2001, с.179) Задачей переводчика является анализ экстралингвистического фона произведения, на основе которого появляются ассоциативные связи, и замещение иным культурным экстралингвистическим фоном и другими ассоциативными связями с теми же художественными функциями, которые оказывали бы тоже прагматическое воздействие на читателей перевода, что и на читателей оригинала.

Литература

1. Pratchett T. Soul Music. 1997
2. Pratchett T. Wyrd Sisters. 2001
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М, 2001

4. Гришаева Л.И. Культурная адаптация текста как способ достижения комплексной эквивалентности при переводе// Проблемы культурной адаптации текста. – Воронеж, 1999. – С.25-27.
5. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М., 2009
6. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М., 2001
7. Малаховская М.Л. Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале произведений К.С. Льюиса): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2007
8. Пратчетт Т. Роковая музыка. – М., 2006
9. Пратчетт Т. Вещие сестрички. – М., 2009

Г.А. Смирнова, А.Р. Каюмова

Структурно-семантические трансформации фразеологических единиц и их перевод на русский язык (на примере произведений У. Коллинза и Ч. Диккенса)

Проблема употребления фразеологических единиц (далее ФЕ) исследовалась множеством ученых. Первым, кто разделил употребление фразеологизмов на окказиональное и узуальное, был российский ученый А.В. Кунин. Под узуальным употреблением понимается функционирование фразеологизма в речи, не влекущее за собой отклонений от его привычного использования в той форме, в которой он дается в словарях. Окказиональное употребление подразумевает окказиональные преобразования ФЕ, которые определяются ее относительной устойчивостью и раздельнооформленностью. Отклонение от узуальной формы фразеологизма и есть трансформация.

В своих работах А. В. Кунин выделяет следующие типы трансформаций ФЕ: вклинивание (включение в состав ФЕ слов, переменных сочетаний слов или других фразеологизмов), разрыв (разъединение ФЕ переменным словом, сочетанием слов или графическими средствами), деформация различных типов с изменением лексического состава или структуры ФЕ (Кунин 1996).

Остановимся подробнее на окказиональных преобразованиях, изменяющих структуру ФЕ и тем самым влияющих на ее содержание. Эта группа рассмотрена в монографии Е. Ф. Арсентьевой «Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте» (Арсентьева 2006) и включает в себя замену лексического компонента/компонентов: вклинивание, разорванное использование ФЕ: эллипсис; добавление компонента/компонентов.

1. Замена лексического компонента. Данный тип трансформации преобладает над другими видами трансформаций ФЕ. «Окказионально варьируемый компонент может быть связан с заменяемой лексемой системными отношениями (синонимией, антонимией, принадлежностью к одному лексико-семантическому полю или одной тематической группе), обусловлен контекстом, характером образности ФЕ или ее структурой» (Арсентьева 2006, с.82).

Приведем пример замены лексического компонента «engage» на «оссиру» в ФЕ **engage smb.'s attention** из произведения Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»: «The throng was increasing every moment, and the efforts they were compelled to make, to retain the position they had gained, sufficiently *occupied their attention* during the two hours that ensued».

Мистер Пиквик и другие члены клуба во время своего путешествия отправляются на смотр военных учений в одном из городов, который встречается им на пути. Для жителей городка и близлежащих территорий это событие представляет огромную важность. Вследствие этого на поле, где должен состояться смотр, собирается большая толпа. Автор описывает комичность создавшейся ситуации, в которой мистер Пиквик и его товарищи вынуждены на протяжении всего мероприятия отвлекаться от происходящего, чтобы устоять на ногах и не оказаться вытесненными за пределы поля. Глагол *engage* в данном случае заменяется на *occure*, что усиливает значение употребляемой ФЕ и ее экспрессивность. Мы также наблюдаем в данном примере добавление переменного компонента *sufficiently*.

При переводе данной трансформированной ФЕ на русский язык А. Кривцова и Е. Ланн воспользовались способом переводом при помощи частичного эквивалента: «Толпа росла с каждой секундой; и в течение следующих двух часов *внимание их было поглощено* теми усилиями, какие приходилось им делать, чтобы удержать завоеванную позицию». Данные ФЕ русского и английского языка отличаются лишь одним компонентом смежной семантики: *заинтересовать, привлечь, увлечь, занять (to engage)* и *завладеть (завладеть чьим-то вниманием)*. Переводчики учли замену лексического компонента при переводе данной ФЕ на русский язык (глагол «завладеть» заменен на «поглотить»), а, следовательно, сумели сохранить значение, заложенное автором в трансформированную ФЕ.

В следующем примере из романа У. Коллинза «Женщина в белом» в ФЕ *as helpless as a child* (беспомощный как ребенок) наблюдается замена компонента-гиперонима «child» на окказиональный компонент-гипоним «babe» («младенец»), определению которому служит дополнительный переменный компонент «new-born» («новорожденный»). Данная замена лексического компонента направлена на то, чтобы подчеркнуть слабость и бессилие героини: «The poor unfortunate lady fell out of one fit into another, and went on so till she was quite wearied out, and *as helpless as a new-born babe*».

При переводе данной ФЕ на русский язык, переводчик сохранил как окказиональный компонент «babe», так и дополнительный переменный компонент «new-born». ФЕ была переведена при помощи полного эквивалента: «С бедной леди был припадок за припадком, и это продолжалось до тех пор, пока она не измучилась в конец и не стала слабой и **беспомощной, как новорожденный младенец**».

2. Вклинивание (разорванное использование ФЕ). Вслед за С.И. Вяльцевой, Е.Ф. Арсентьева считает правильным рассмотреть два вида вклинивания: вклинивание, в котором вклинивающиеся слова синтаксически связаны с компонентами ФЕ и вклинивание, в котором вклинивающиеся слова синтаксически не зависят от компонентов ФЕ. Во втором случае в качестве вклинивающегося компонента чаще всего выступают вводные слова, словосочетания или предложения.

Рассмотрим пример вклинивания первого типа: «His upper garment was a long black surtout; and below it he wore wide drab trousers, and large boots, **running rapidly to seed**». (Диккенс)

Так описывает мистер Пиквик одного из своих новых знакомых, странствующего актера, с которым сталкивается в начале своего путешествия.

Он неопрятен, в изношенной одежде и представляет собой весьма жалкое зрелище. В данном случае происходит расширение лексического состава ФЕ «to run to seed» за счет наречия *rapidly*. Это способствует уточнению смысла глагола «run». Тем самым автор придает описанию большую экспрессивность, а также способствует усилению образности описываемого персонажа.

По отношению к данной трансформированной ФЕ переводчики применили контекстуальный перевод: «Верхней одеждой служил ему длинный черный сюртук, под которым были широкие темные панталоны и высокие сапоги, **быстро приближавшиеся к стадии полного разрушения**». Согласно «Большому англо-русскому фразеологическому словарю» А.В. Кунина **to run to seed** означает «прийти в упадок, в запустение» (Кунин 2006, с. 851). Однако в данном случае более уместным оказался перевод контекстуальный, обусловленный лексической сочетаемостью существительного «сапоги» и словосочетанием «стадия полного разрушения».

Интересным примером вклинивания является следующий контекст с использованием ФЕ **hold smb. (или smth.) in hand** (держать в руках, в подчинении, сдерживать, обуздывать кого-л. или что-л.): «You have no need to be angry, Mr. Franklin, even if I did feel some little triumph at knowing that I **held all your prospects in life in my own hand**» (Коллинз). Речь героини экспрессивна. Данный факт подтверждается не только наличием вклиниваемого компонента «in my own hand» («в моих собственных руках»), но и эмфатической конструкцией «I did feel a little triumph», в которой did употребляется для усиления значения действия.

Данная трансформированная ФЕ была переведена на русский язык при помощи частичного эквивалента, совпадающего с исходной ФЕ по значению, стилистической направленности, образности, но отличающегося числом, в котором стоит существительное: «Вам не надо сердиться на меня, мистер Фрэнклин, даже если я чуть-чуть поторжествовала, узнав, что **держу в руках** всю вашу будущность». Вклинивающиеся слова не были сохранены при переводе, следовательно, была утеряна та доля экспрессивности, которая была заложена автором.

3. Добавление переменного компонента. Как правило, переменные компоненты добавляются к концу или началу оборота с целью придания речи экспрессивности, уточнения или усиления значения ФЕ. Чаще всего добавляемым переменным компонентом является прилагательное или наречие.

Рассмотрим следующий пример: «The dismal individual took a dirty roll of paper from his pocket, and turning to Mr. Snodgrass, who had just taken out his note-book, said in a hollow voice, *perfectly in keeping with* his outward man: 'Are you the poet?'» (Диккенс)

Добавляемым переменным компонентом в приведенном примере является наречие *perfectly*. Упомянутый странствующий актер собирается поведать своим новым знакомым занимательную историю. Автор в очередной раз сосредотачивает внимание читателя на его мрачном внешнем виде и усиливает создаваемый эффект за счет трансформации ФЕ, подчеркивая ее значение переменным компонентом.

ФЕ была переведена на русский язык при помощи свободных конструкций, но добавленный переменный компонент не был полноценно отражен в переводе: «Мрачный субъект вынул из кармана грязную свернутую в трубку рукопись и,

обращаясь к мистеру Снодграссу, который только что извлек свою записную книжку, произнес голосом, **вполне соответствовавшим его внешности**: 'Вы - поэт?'. Наречие «вполне» подразумевает лишь некоторую степень соответствия мрачного голоса персонажа его внешнему облику, тогда как автор, употребляя наречие «perfectly», подразумевал их абсолютное соответствие.

В романе «Лунный камень» У. Коллинз использует ФЕ **be worth one's salt** с добавлением переменного компонента «to our porridge» в конце фразеологизма: «In my line of life if we were quick at taking offence, we shouldn't **be worth salt to our porridge**».

Добавление компонента, как правило, служит для усиления значения, однако оно не отражено в переводе: «Если бы мы, при нашей профессии, были обидчивы, мы **не стоили бы ничего**».

4. Эллипсис (усечение) – представляет собой прием сокращения количества элементов, составляющих ФЕ. Как предполагают некоторые ученые, усечению подлежат компоненты, не несущие основной смысловой нагрузки фразеологизма. В процессе контекстуального использования в составе ФЕ всегда сохраняется некий ключевой элемент, предположительно несущий основное метафорическое значение всей единицы, без которого ФЕ утратила бы свое значение.

Рассмотрим пример усечения ФЕ: «**Blowed if** the gen'lm'n worn't a gettin' up on the wrong side», whispered a grinning post-boy to the inexpressibly gratified waiter».

В данном примере имеет место усечение ФЕ **I will be blowed if**. Реплика произносится фореитором, когда тот наблюдает за тем, как мистер Уинкль взбирается на лошадь. Разворачивающаяся перед его глазами сцена представляет собой забавное зрелище и кучер не упускает случая подметить, что, по всей видимости, мистер Уинкль собирался взбираться на лошадь не с той стороны. Он так уверен в этом, что употребляет усеченную ФЕ **blowed if**. Усечение ФЕ способствует большей экспрессивности речи фореитора и представляет ситуацию еще более комичной. Однако в переводе данной ФЕ на русский язык трансформация не была отражена: «**Провалиться мне на этом месте, если** джентльмен не собирался влезть не той стороны, - ухмыляясь, шепнул фореитор на ухо официанту, веселившемуся от всей души». Как видно из перевода, ФЕ была переведена на русский язык при помощи полного аналога «**провалиться мне на этом месте, если ...**». Вследствие не совсем адекватной передачи усеченной ФЕ на русский язык, речь персонажа в языке перевода несколько утратила экспрессивность.

Приведенные примеры доказывают, что функции окказиональных структурно-семантических преобразований фразеологизмов многогранны. Они способствуют экспрессивности высказывания, его уточнению, придают более ярко выраженный эмоциональный оттенок речи говорящего, еще более насыщают содержательную сторону самого фразеологизма. Однако перевод фразеологизмов, подвергнувшихся таким преобразованиям, создает переводчикам дополнительные трудности.

Литература

1. Collins W. The Moonstone. – <http://www.gutenberg.org/etext/155>
2. Collins W. The Woman in White. – London, 1994.
3. Dickens C. The Pickwick papers. – London, 2000.

4. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). – Казань, 2006.
5. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба: в 2 т. Т 1. (главы I-XXVIII) / пер. с англ. А. Кривцовой и Е. Ланна. – М., 1990.
6. Коллинз У. Женщина в белом – Казань, 1992.
7. Коллинз У. Лунный камень. – М., 1980.
8. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд. – М., 2006.
9. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна, 1996.

Раздел 6.

Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

Л. В. Дворникова

Национальная специфика репрезентации временной локализованности действия в русском и немецком языках (на примере глаголов собственно колебательного движения)

Временная локализованность фактов во времени как самостоятельная семантическая категория впервые рассматривается в работе Э. Кошмидера "Zeitbezug und Sprache" (Koschmieder 1929) и анализируется во многих его последующих трудах. В трудах Э. Кошмидера изложена концепция временной локализованности, содержащая общетеоретическое универсальное смысловое истолкование оппозиции Л/НЛ (локализованности/нелокализованности) (Zeitstellenwert), которую он понимал как противопоставление фактов (Tatbestände) двоякого рода: 1) обладающих индивидуальным местоположением во времени и 2) вневременных. Ученый определил типы языкового выражения данной оппозиции в ее отношении к другим категориям "включения во время".

На материале русского языка проблема ВЛ/ВНЛ высказывания представлена в трудах А.В. Бондарко. Его теория связана с развитием модели функциональной грамматики на основе понятий функционально-семантического поля и категориальной ситуации. Оппозицию ВЛ/ВНЛ А.В. Бондарко определяет как «единство противопоставленных друг другу значений: 1) конкретности, определенности местоположения действия и ситуации в целом в однонаправленном течении времени, прикрепленности к какому-то одному моменту или периоду; 2) неконкретности, неопределенности (в указанном смысле), т. е. неограниченности, повторяемости, обычности (узуальности) или временной обобщенности («вневременности», «всевременности»), при этом обычность действия характеризуется возможной, а временная обобщенность – обязательной сочетаемостью с обобщенностью (генерализацией) субъекта и объекта» (Бондарко 2006, с.210). Исследователь отмечает, что семантическая оппозиция Л/НЛ опирается на комплекс средств, относящихся не только к сфере предиката и его обстоятельственных характеристик, но и к сфере субъекта и объекта, и представляет собой особый

тип системно-языкового выражения – более сложного, чем оппозиция грамматических форм. В отличие от точки зрения Э. Кошмидера, А.В. Бондарко более широко интерпретирует сферу НЛ, включая в нее не только "вневременность", представляющую собой крайнюю, наиболее высокую степень генерализации ситуаций, но и обычность (узуальность), а также "простую повторяемость" (Бондарко 2006).

Опираясь на теорию А.В. Бондарко, И.Н.Смирнов более детально рассматривает явление ВЛ с учетом дифференциальных семантических признаков, взаимодействующих между собой (Смирнов 2001). Ученый дает детальную классификацию ситуаций ВЛ, вводя такие понятия как точечная и линейная локализованность. По его мнению, этот признак соотносится, прежде всего, с семантическим потенциалом видовых форм при их взаимодействии с темпоральной семантикой. Имеется в виду способность форм несовершенного вида обозначать действие в процессе его развертывания во времени. Точечной локализованностью обладает высказывание с непродолжительным моментом осуществления действия, линейная же локализованность подразумевает действие, осуществляемое в течение определенного периода времени.

Изучение литературы показывает, что ВЛ/ВНЛ представляет собой явление, в котором задействованы средства различных уровней.

Цель данной статьи – попытаться рассмотреть средства выражения значения временной локализованности действия в русском и немецком языках на материале высказываний с бесприставочными глаголами независимого собственно колебательного движения.

Данные глаголы обозначают независимое движение, производимое субъектом из стороны в сторону или сверху вниз. Суть колебательного движения состоит в цикличном отклонении тела субъекта от центра равновесия. Такое движение ограничено пределами амплитуды отклонения субъекта.

Глаголы ЛСГ собственно колебательного движения актуализируют абстрактную семантическую категорию «характер движения» в конкретном семантическом признаке «колебательно: из стороны в сторону или сверху вниз», конкретный семантический признак «локализация движения в пространстве» – в семантическом признаке «в пределах амплитуды отклонения тела субъекта».

В русском языке к ЛСГ глаголов собственно колебательного движения мы относим глаголы: *колебаться - колебнуться, качаться - качнуться, шататься - шатнуться, колыхаться - колыхнуться, болтаться – болтнуться, мотаться – мотнуться*.

Эти глаголы являются соотносительными, то есть имеют видовые пары. А.В. Бондарко и Л.Л. Буланин, рассматривая проблему видовой соотносительности, приходят к выводу, что она определяется, прежде всего, семантическим фактором – влиянием способа действия глагола на вид. Существует следующая тенденция: если значение способа действия данного глагола сочетается со значением обоих видов, то этот глагол может быть соотносительным (Бондарко, Буланин 1967).

Образование видовых пар у глаголов собственно колебательного движения происходило по правилу перфективации, при помощи суффикса –ну, который модифицирует, по словам А.М. Ломова, значение исходного глагола в отношении фазисности, кратности. Суффикс –ну присоединяется к имперфективной основе бесприставочных глаголов колебательного движения,

которое состоит из множества однородных актов и не имеет указания на внутренний предел, и вычленяет один завершённый акт, придавая движению предельное акциональное значение (Ломов 1977). Приведем некоторые примеры: *Дождь сыпался гуще, и голова лошади, высунувшись из-за угла, понуро качалась* (Горький). *От резкого рывка голова качнулась назад, на миг он потерял ориентировку – показалось, что тело не взлетает, а падает* (Корецкий). *Толпа текла, колыхалась, густо и черно заполняя улицу...* (Бондарев). *Толпа людей, стоявших против него, колыхнулась, как кусты под ветром* (Горький).

Анализ семантем соотносительных глаголов с точки зрения категории временной локализованности на материале примеров в контекстном окружении из произведений художественной литературы русских авторов 19-21 веков позволил сделать некоторые выводы.

Центральное место в репрезентации временной локализованности действия в русском языке занимает морфологическая категория вида. В свою очередь категория вида тесным образом связана с семантикой лексического материала и реализуется с помощью словообразовательных элементов. Это позволяет говорить об участии словообразовательных элементов, семантики предикатов в формировании категориальной ситуации временной локализованности.

Бесприставочные глаголы совершенного вида, обозначающие самостоятельное собственно колебательное движение, содержат потенциальную сему «одномоментно» и представляют точечную временную локализованность движения.

Временные локализаторы: «вдруг», «внезапно», «наконец», «в эту минуту», «в тот момент» присутствуют в высказываниях редко, что позволяет говорить об их избыточной (дублирующей) роли в представлении временной локализованности действия.

Позицию субъекта в высказываниях со значением временной локализованности действия занимают конкретные существительные, как одушевленные, так и неодушевленные, как в единственном, так и во множественном числе.

Контекст, репрезентирующий ситуацию временной локализованности, показывает обычно быструю смену событий, где одно движение следует за другим. Семантика контекста поддерживает, таким образом, потенциальную сему глаголов совершенного вида «одномоментно».

На основе дефинитивного анализа, проведенного по Большому толковому словарю современного немецкого языка Duden, мы относим к глаголам независимого собственно колебательного движения следующую лексику: *wackeln, kippeln, taumeln, torkeln, schwanken, wanken, pendeln, schlenkern, sich wiegen, schwingen, schaukeln, wippen*.

Анализ семантем глаголов *wackeln, sich wiegen, wogen, schaukeln, wippen, pendeln, schlenkern* не выявил семем, содержащих сему «одномоментно».

Анализ семантем глаголов *kippeln, taumeln, torkeln, wanken, schwingen, schwanken* показал, что они могут выражать как многоактное, процессуальное движение, не локализованное во временном отношении, так и одноактное, характеризующееся временной локализованностью. Например: *...deshalb müssen wir Tjaden loswerden und geben Rum und Punsch für ihn aus, bis er tolkert* (Remarque). (...поэтому мы должны были избавиться от Тьядена и подавали

ему ром и пуши, пока он не начал шататься). Движение в данном случае носит однозначно процессуальный характер.

...fragte der junge Mann und wollte nach dem Haken der Bremse über seinem Kopf greifen, torkelte jedoch im selben Augenblick nach vorne... (Dürrenmatt). (...спросил молодой человек и захотел взяться за рукоятку тормоза над своей головой, но в тот же момент шатнулся вперед...). Актант «im selben Augenblick» (в тот же момент) указывает на движение, локализованное во времени. Актант «nach vorne» (вперед) сигнализирует о том, что движение произошло в одну сторону, состоит из одного акта, и также поддерживает семантику временной локализованности движения.

Sie taumelte, mit ausgebreiteten Armen stolperte sie dem Stern nach (Aichinger). (Она качалась, с раскинутыми руками она брела, спотыкаясь за звездой). Глагол *taumeln* называет в данном предложении движение, не локализованное во времени. *Dann kam er hoch und schlug dem nächsten der Brüder, der gerade die Stange des Wagenhebers hob, vor den Magen, daß er taumelte und ebenfalls zu Boden ging (Remarque).* (Тогда он поднялся и ударил в желудок ближайшего из братьев, который в этот момент взял в руки рычаг автоподъемника, так что тот качнулся и так же упал на землю). В этом случае контекст рисует быструю смену движений, следующих одно за другим. Глагол называет в данном контексте локализованное во времени движение.

Таким образом, особенностью семантической структуры рассмотренных глаголов является то, что определенное контекстуальное окружение может преобразовывать многоактное движение, которое состоит из множества отдельных актов и выражает неопредельное действие, в одноактное, предельное, локализованное во времени.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в русском языке центральное место при репрезентации временной локализованности действия занимает морфологическая категория вида в тесной взаимосвязи с семантикой глагольной лексики. В немецком языке эту функцию выполняет определенная глагольная семантика при сочетании с соответствующей семантикой общего контекста.

Литература

1. Koschmieder E. Zeitbezug und Sprache: Ein Beitrag zur Aspektung Tempusfrage. – Leipzig, Berlin. 1929.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – М., 2006.
3. Бондарко А. В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967.
4. Ломов А. М. Аспектуальные категории русского языка и их функциональные связи: дис. ... докт. филол. наук. – Воронеж, 1977.
5. Смирнов И. Н. Категория временной локализованности действия в современном русском языке. – СПб., 2001.

Н.А. Замощина-Шериф

Семантические ограничения в образовании локативных дериватов в немецком и русском языках

Как известно, изучение различных типов ограничений является одним из актуальных направлений немецкой и русской дериватологии. В работах по

немецкому словообразованию В.Д. Калиущенко (Kaliuščenko 2000), К. Рёмер/Б. Мацке (Römer/Matzke 2005), Й.Эрбена (Erben 1995) исследователи выделяют семантические, словообразовательные, формальные, лексические и стилистические ограничения.

Материалом исследования в данной статье являются производные существительные с локативным значением в современном немецком и русском языках типа: нем. *der Abt* 'епископ' → *die Abtei* 'епископство', *siedeln* 'селиться' → *die Siedlung* 'селение', русск. брусника → брусничник 'место, где растет брусника', баня → предбанник 'место перед баней'.

В процессе исследования определяется степень зависимости значения производных локативных дериватов (ЛД) от мотивирующих их основ. В соответствии с разными лексико-семантическими вариантами значения слова от него могут быть образованы соответствующие ЛД (см. Kaliuščenko 2000, с. 95). Так, в немецком языке от прилагательного *rund* 1) 'круглый', 2) 'округленный' могут быть образованы ЛД *das Rund* 'округа', *die Rundung* 'округлость', *der Rundling* 'деревня с круговым расположением дворов'. В русском языке от существительного *пепел* могут быть образованы разные по значению ЛД: *пепел* → *пепельница* 'сосуд для стряхивания пепла', *пепел* → *пепелище* 'погорелое место, пожарище'. Таким образом, семантические ограничения в образовании ЛД зависят от различных значений мотивирующей основы. Производные локативные дериваты в рассматриваемых языках образуются от основ существительных, например, нем. *der Konditor* 'кондитер' → *die Konditorei* 'кондитерская', русск. малина → малинник 'место, где растет малина'; от основ глаголов типа: нем. *siedeln* 'селиться' → *die Siedlung* 'селение', русск. *читать* → *читальня* 'место, где читают'; от основ прилагательных: нем. *leer* 'пустой' → *die Leere* 'пустота', русск. *высокий* → *высь* 'высокое место'; от основ числительных: нем. *vier* 'четыре' → *das Viertel* 'квартал', в русском такие производные не отмечены; от предлогов: нем. *gegen* 'против' → *die Gegend* 'нечетко ограниченная местность', в русском таких производных также нет.

В качестве семантических ограничений в образовании ЛД можно отметить невозможность образования ЛД в современном немецком и русском языках от глаголов звучания и речевой деятельности, чувственного восприятия (исключение нем. *ausgucken* 'высматривать глазами' → *der Ausguck* 'наблюдательный пост') и эмоционального состояния. ЛД не образуются от прилагательных, обозначающих физические и интеллектуальные качества человека. Многие ЛД, образованные от глаголов профессиональной деятельности, в настоящее время отнесены к устаревшей лексике и были заменены синонимами (так, русск. ЛД *брильня* 'заведение, где брили и пускали кровь' и *постригальня* 'место, где стригутся, цирюльня' были заменены на *парикмахерская*). Это объясняется отсутствием потребности в образовании этих ЛД на данном этапе развития рассматриваемых языков (см. Wellmann 1975).

В немецком языке ЛД не образуются от основ существительных, обозначающих продукты питания, в отличие от достаточно продуктивного образования соответствующих ЛД в русском языке: *сахар* → *сахарница* 'посуда для хранения сахара', *перец* → *перечница* 'сосуд для хранения перца'. В немецком языке ЛД, относящиеся к этой группе не были отмечены, так как русским суффиксальным дериватам соответствуют немецкие композиты,

которые, в свою очередь, отличаются обилием синонимов: ср. нем. *der Zucker* 'сахар' → *die Zuckerdose, die Zuckerbüchse, die Zuckerschale* 'сахарница'.

ЛД, образованные от названий животных, веществ и растений в русском языке многочисленнее, чем в немецком: ср. нем. *der Affe* 'обезьяна' → *der Affenstall, der Affenhaus, der Affenkäfig* 'обезьянник', русск. *свинья* → *свинарник* 'место содержания и развода свиней'. В немецком языке суффиксальные ЛД, образованные от названий животных, обозначают в основном помещения для искусственного развода животных или птиц: нем. *der Delphin* 'дельфин' → *das Delphinarium* 'дельфинарий', *der Fasan* 'фазан' → *die Fasanerie* 'место для развода фазанов'. ЛД, обозначающие место содержания/разведения растений в немецком языке по сравнению с русскими также немногочисленны: нем. *die Weide* 'ива' → *das Weidicht* 'ивняк'. Русским суффиксальным ЛД соответствуют немецкие композиты: ср. *ель* → *ельник* 'место, где растут ели', нем. *die Fichte* 'ель' → *der Fichtenwald, das Fichtengehölz* 'ельник'. С названиями наиболее популярных растений в немецком языке можно встретить и синонимичные производные локативные образования, и композиты: ср. *die Tanne* 'ель' → *das Tannicht, das Tännicht, der Tannenwald* 'ельник'.

Таким образом, в процессе анализа были выделены семантические ограничения в образовании ЛД в немецком и русском языках. Отсутствие в немецком языке суффиксальных локативных дериватов и обилие синонимичных композитов свидетельствует о значительной большей продуктивности суффиксации как способа образования в русском, и композиции как способа образования ЛД в немецком языке.

Литература

1. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. – Berlin, 1995.
2. Kaliuščenko V.D. Typologie denominaler Verben. – Tübingen, 2000.
3. Römer C./Matzke B. Lexikologie des Deutschen. – Tübingen, 2003
4. Wellmann H. Deutsche Wortbildung//Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache . Zweiter Hauptteil: das Substantiv. – Düsseldorf: 1975-Bd.XXXII. – S.451-469.

В.Ю. Копров

Категория залога в русском и английском языках

Существование оппозиции действительный / страдательный залог в предложениях всех языков номинативного строя обусловлено господством в синтаксической структуре их предложений инвариантной формы выражения производителя действия – подлежащего. Не случайно в языках эргативного строя грамматическое залоговое противопоставление отсутствует. В теории **категории залога**, несмотря на то, что она уже почти два столетия находится в центре интенсивных научных поисков, до сих пор имеется немало неясностей и спорных.

Указывая на сложную и противоречивую природу залога в русском языке, В.В. Виноградов определил залог как явление, лежащее на самой пограничной черте между грамматикой (ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии), лексикологией и фразеологией (Виноградов 1972, с. 476-494). Эта многоуровневость залога требует применения полевого подхода в данной сфере.

В соответствии с концепцией, разрабатываемой А.В. Бондарко, грамматическая категория залога лежит в центре семантико-функционального поля залоговости (Бондарко 1983, с. 418).

Разделяемая нами трактовка категории залога восходит к высказыванию В.А. Богородицкого о том, что если действительный залог обозначает действие, которое производится субъектом над кем-либо или чем-либо, то это же самое действие может быть представлено и со стороны испытывающего его объекта; глагольные выражения такого обратного действия носят название страдательного залога (Богородицкий 1935, с. 165). С данным определением связаны три важнейшие характеристики категории залога:

Залог – это **синтактико-морфологическая категория**, поэтому ее анализ неразрывно сопряжен с изучением семантико-структурного устройства предложения. При этом синтаксическая составляющая залога для языков номинативного строя является универсалией, а морфологическая варьирует от языка к языку в довольно широких пределах.

Синтаксическая сущность категории залога заключается в возможности **изменять соответствие** между двумя рядами компонентов: актантами семантической структуры предложения (субъектом и объектом действия) и компонентами синтаксической структуры предложения (подлежащим и дополнением) (Холодович 1974; Алисова 1971).

Категорией залога выражается разная **направленность признака** по отношению к его грамматическому носителю – подлежащему и второму обязательному компоненту информативно минимального предложения – дополнению. Причины и следствия варьирования грамматической направленности признака (ракурса, точки зрения говорящего и т.п.) описываются в литературе по-разному (Тимофеев 1958, с. 8-10; Смирницкий 1959, с. 265-267; Буланин 1986). А.В. Бондарко определяет залог как грамматическую категорию, образуемую оппозицией таких рядов грамматических форм, значения которых отличаются друг от друга разной языковой семантической интерпретацией понятийного соотношения «субъект – понятие действия – объект», что определяется различиями в соответствии между понятийными категориями субъекта и объекта, с одной стороны, и синтаксическим содержанием членов предложения, репрезентирующих эти категории, – с другой. Различия в залоговых значениях предложений типа *Такие вопросы решают специалисты – Такие вопросы решаются специалистами* описываются автором рассматриваемой концепции следующим образом: При активе субъект интерпретируется как независимая субстанция – носитель предикативного признака, объект – как субстанция, зависимая от предикативного признака, а понятие действия – как предикативный признак с центробежной направленностью (имеется в виду направленность содержания предикативного признака по отношению к содержанию его носителя, занимающего позицию центра предложения – подлежащего). При пассиве как независимая субстанция – носитель предикативного признака – интерпретируется не субъект, а объект; субъект представлен косвенным дополнением как зависимая субстанция, занимающая периферийное положение в содержательно-синтаксической структуре предложения. Понятие действия при этом интерпретируется как предикативный признак с центростремительной направленностью (Бондарко 1978, с. 59-60).

Важнейшей отличительной особенностью данной концепции залога по сравнению с другими его трактовками, по нашему мнению, является то, что в ней говорится о соотношении семантических и структурных компонентов предложения, а не о варьировании в предложении чисто формальных (асемантических) позиций. Нас в первую очередь интересует именно то, чем активная конструкция отличается в семантическом плане от пассивной. В том, что такие различия – не некий лингвистический конструкт, а языковая реальность, убеждает само существование и синонимичное функционирование противопоставленных по залогу конструкций во всех языках номинативного строя.

Опираясь на вышеизложенное, определим **залоговую семантику актантов** в активных и пассивных конструкциях.

Рассмотрим типичные предложения, которые противопоставляются по категории залога как активная – *Мальчик сломал игрушку* и пассивная – *Игрушка была сломана мальчиком*. Оба предложения выражают одну и ту же двуактантную семантическую структуру «агенс – физическое воздействие – пациенс».

В **действительной** (активной) конструкции в качестве носителя глагольного признака – подлежащего – выступает агенс, в качестве зависимой субстанции – дополнения – представлен пациенс. Грамматическая направленность признака от подлежащего к дополнению – «центробежность» – совпадает здесь с ситуативной (реальной) направленностью действия от предмета – производителя действия (агенса) к предмету – объекту этого действия (пациенсу). Тем самым ситуативная роль агенса получает в активной конструкции грамматическую поддержку, т. е. усиливается, и **агенс** в позиции подлежащего приобретает залоговый признак «**активность**». Ситуативная роль пациенса как предмета, подвергнутого воздействию, здесь так же грамматически подчеркивается, и **пациенс** характеризуется как «**пассивный**» участник кодируемой предложением ситуации.

В **страдательной** (пассивной) конструкции в качестве носителя признака – подлежащего – выступает пациенс, а производитель действия – агенс – представлен дополнением как зависимый синтаксический компонент. Грамматическая направленность признака – «центробежность» – противоречит его ситуативной направленности, которая выглядит здесь как «центростремительная» (от дополнения к подлежащему). Тем самым пассивный участник ситуации – **пациенс** – в позиции подлежащего грамматически как бы **активизируется**, а производитель воздействия – **агенс** – в позиции дополнения **пассивизируется**. См. в этой связи высказывание А.А. Потебни о том, что «в предложении *Книга эта читается всеми* книга делает так, что все ее читают. Конечно, такая самодеятельность субъекта страдательного сказуемого фиктивна, но она действительна в грамматическом смысле как способ изображения» (Потебня 1958, с. 100).

Схематично описанную выше залоговую семантику актантов можно представить следующим образом:

Здесь нельзя не упомянуть о том, что различия между залоговыми конструкциями иногда сводят к изменениям коммуникативной перспективы высказывания. Действительно, порядок слов в русском активном предложении соответствует прямому порядку слов. При этом семантический субъект,

находящийся в начальной позиции подлежащего, выступает как «тема» высказывания; объект, стоящий в конечной позиции дополнения, выступает как «рема»: *Девочка (Тема) читает книгу (Рема)*.

В трехчленном пассиве с тем же прямым порядком слов темой высказывания становится объект, а субъект перемещается в рематичную позицию: *Книга (Тема) читается девочкой (Рема)*.

Однако, как мы показали выше, изменением коммуникативной нагрузки актантов при залоговых преобразованиях их залоговая семантика в русском языке отнюдь не исчерпывается вследствие относительно свободного порядка слов. За счет инверсии компонентов высказывания коммуникативная перспектива, свойственная активной конструкции, может передаваться пассивной и наоборот, ср.: *Девочка читает книгу – Девочкой читается книга; Книга читается девочкой – Книгу читает девочка*.

Как известно, в зависимости от видо-временной семантики признакового компонента в русском языке пассивное значение выражается двумя конструкциями – вербальной: *Книга читается девочкой* и партиципиальной: *Игрушка была сломана мальчиком*. Некоторые затруднения возникают у исследователей при идентификации залоговой семантики неопределенно-личной конструкции в связи с особой формой представления в ней позиции подлежащего. См. высказывание И.П. Распопова о том, что позиция подлежащего здесь оказывается частично разрушенной (Распопов 1970, с. 77-79). Используя понятия, примененные нами ранее при анализе семантики активной и пассивной конструкций, неопределенно-личную конструкцию типа *Дверь захлопнули* можно представить следующим образом: семантическая структура «Пациенс ← действие – Агенс» выражена синтаксической структурой «дополнение ← сказуемое – подлежащее», в результате чего пациенс характеризуется категориальным залоговым признаком «**пассивность**», а агенс – «**активность**».

Грамматическая направленность признака здесь совпадает с ситуативной, как это имеет место в активной конструкции, и значение грамматической активности у неопределенного агенса отчетливо ощущается во многих примерах: *Но его схватили, ахнули оземь, придавили коленями* (В. Астафьев); *Сегодня ночью на реке шлюзы открыли* (К. Паустовский).

В английском языке категория залога представлена одной оппозицией форм: вербальная активная конструкция / пассивная партиципиальная конструкции: *The boy broke the toy (Мальчик сломал игрушку) – The toy was broken by the boy (Игрушка была сломана мальчиком)*.

Как в русском языке, агенс в активной конструкции выступает как грамматически активный, а в пассивной – как пассивный. Пациенс, соответственно, также имеет в залоговых конструкциях противоположные грамматические признаки: «**пассивность**» – в активной конструкции и «**активность**» – в пассивной.

Как показывает анализ фактического материала, категория английского залога отличается от русского **более широкой** сферой функционирования, которая охватывает следующие дополнительные области:

1. В качестве носителя грамматического признака здесь может выступать практически любой объект, т. е. выраженный не только прямым, но и **косвенным** дополнением: *It was thought about (Об этом подумали)*.

2. Залоговые преобразования здесь возможны по отношению не к двум актантам, как в русском языке, а к трем актантам: субъектному, объектному и **адресатному**: *The teacher gave me the book* (Учитель дал мне книгу) – *The book was given to me (by the teacher)* – ***I was given the book (by the teacher)***.

3. В пассиве может выражаться семантическая структура с **локализатором**, что не свойственно русскому языку: *Nobody lived in this room* (Никто не жил в этой комнате) → ***This room was not lived in.***

Таким образом, в позиции носителя грамматического признака (подлежащего) в английском пассиве может выступать любой семантический актант.

4. Наблюдается более частотное использование пассивной конструкции с имплицитным (неопределенным, обобщенным) субъектом – двучленного пассива: *The dinner wasn't eaten* (Обед не был съеден). Среди английских пассивных предложений доля двучленных конструкций доходит до 70 % (Жигадло, Иванова, Иофик. 1956).

5. Отмечены значительные расхождения в количественном соотношении субъектов различных субкатегориальных типов, представленных соответствующими формами в трехчленных пассивных конструкциях английского и русского языков. Так, если в русском пассиве соотношение агентов-антропонимов и агентов-каузаторов различных подтипов приблизительно равно (агент-зооним представлен единичными примерами), то в английском пассиве частотность неодушевленного агента (каузатора и зоонима) возрастает до двух третей всех пассивов. Такая диспропорция объясняется, в частности, тем, что в русском языке для выражения «неактивности» неодушевленного агента-каузатора во многих случаях используется не пассив, а безличная вербальная конструкция типа *Ветром сорвало крышу*, в то время как в английском языке вследствие отсутствия таковой во многих подобных обстоятельствах применяется трехчленный пассив (хотя возможен и актив).

6. В английском языке, с его фиксированным порядком слов, залоговые конструкции регулярно используются для передачи компонентов коммуникативной перспективы высказывания. Преувеличение этой важной, но далеко не единственной функции категории залога приводит некоторых исследователей к отрицанию у английского залога собственной грамматической семантики. Мы разделяем мнение, согласно которому утверждение об обязательной коммуникативной выделенности субъекта в английских трехчленных пассивных конструкциях является преувеличением. Так, по подсчетам Т.А. Кузнечик, действительно в 63 % трехчленных пассивных высказываний центром коммуникации является агент, однако в 19,5 % случаев центром коммуникации выступает признак, в 2 % – пациент, а в остальных – другие компоненты высказывания (Кузнечик 1976, с. 52-53). Особого внимания заслуживает также предположение о том, что в склонном к тематизации подлежащего английском языке главное назначение пассивной конструкции состоит не в рематизации субъекта, а в представлении в качестве темы высказывания семантического объекта (Яхонтов 1974, с. 51).

Следовательно, коммуникативный статус субъекта в английском трехчленном пассиве не является величиной постоянной, что подтверждает мнение о наличии в английском языке грамматической залоговой семантики – активности и пассивности актантов.

Таким образом, в семантико-структурном устройстве предложения

английского языка категория залога играет более важную роль, чем в русском языке. Данная категория является здесь единственным компонентом релятивно-структурного подаспекта, поэтому ее формы берут на себя и функции, выполняемые в русском языке категориями личности / безличности и определенности / неопределенности актантов. Более тесно залоговые преобразования связаны и с английской актуализирующей категорией порядка слов.

Литература

1. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. – М., 1971.
2. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М.- Л., 1935.
3. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978.
4. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983.
5. Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке. – Л., 1986.
6. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972.
7. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык: теоретический курс грамматики.– М., 1956.
8. Кузнечик Т.А. Речевое функционирование трехчленного пассива в современном английском языке // Сб. науч. тр. МПИИЯ. – 1976. – № 104. – С. 51-55.
9. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1–2. – М., 1958.
10. Распопов И.П. Строение простого предложения в русском языке. – М., 1970.
11. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М., 1959.
12. Тимофеев К.А. К вопросу о залогах русского глагола // Русский язык в школе. – 1958, № 2. – С. 16-22.
13. Холодович А.А. Типология пассивных конструкций. – Л., 1974.
14. Яхонтов С.Е. Формальное определение залога // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. – Л., 1974. – С. 46-53.

Е.С. Петрунина

Особенности употребления тона сложной конфигурации «повышение – понижение – повышение» в текстах лекционного регистра в исполнении лекторов - билингвов и лекторов – носителей английского языка

Настоящая статья посвящена описанию результатов экспериментально-фонетического исследования особенностей употребления тонов сложной конфигурации «повышение-понижение-повышение» в текстах лекционного регистра в исполнении лекторов-билингвов, владеющих нормами британского варианта английского языка, и лекторов – носителей английского языка.

Принимая во внимание тот факт, что в ряде работ сложные тоны подвергались изучению, их описание носит достаточно обобщенный характер. Так, например, Н.Ю. Сороколетова (Сороколетова 2003, с.135), проводя сравнительно-сопоставительный анализ интонационного оформления ядерных зон в звучащих текстах радио и телевизионных сообщений в исполнении дикторов, владеющих общеанглийской интонационной нормой, отмечает, что наиболее частотным терминальным тоном в RP является низкий нисходящий тон, процентное соотношение которого составляет 43,6%. Количество употребления нисходяще-восходящего и восходяще-нисходящего тонов составляет соответственно 9 % и

1,6 %. Интересные данные по выявлению особенностей просодической интерференции в ситуации искусственного триязычия на материале неподготовленных читаемых текстов монологического характера приведены в исследовании Е.Е. Буниной (Бунина 2004, с. 154). Так, по мнению автора, при оформлении ядерных слогов нефинальных семантических центров в исполнении дикторов-англичан, нисходяще-восходящее движение тона используется в 23 % и является вторым по частотности употребления. Достаточно часто при чтении нефинальных семантических центров англичане используют восходяще-нисходящий тон (18%), немного реже – восходяще-нисходяще-восходящий (9%). Что касается финальных семантических центров, то в большинстве случаев используются нисходящие тоны (74%), а также восходяще-нисходящий тон (26%) для передачи ряда модальных значений (например, иронии, насмешки и др.).

Важно отметить, что наше описание будет опираться на первые две группы признаков, так как мы разделяем в этой связи мнение И.Г. Торсуевой (Торсуева 1979, с.45) о том, что первая группа признаков служит для определения коммуникативного типа высказывания, в то время как вторая, являясь вспомогательной, играет компенсирующую роль.

Результаты проведенного исследования показали, что **восходяще-нисходяще-восходящий тон (ВНВТ)** не является распространенным терминальным тоном у лекторов-билингвов. Нами было зафиксировано лишь 3 случая употребления данного тона сложной конфигурации. Начнем с рассмотрения частотных признаков.

В ходе акустического анализа было установлено, что изменение высоты тона в пределах сегмента, на котором реализовался ВНВТ, происходило в пределах среднего диапазона, что составляет 8 – 11 пт. При этом важно отметить, что данный тон обладает более сложной конфигурацией, что позволяет выделить ядро тона, которым является восходяще-нисходяще-восходящий тон с последующим низким восходящим тоном. Приведем примеры.

1) || What we are going to discuss today is the **new trend** ... || (ЛБ 1)

2) || This resulted in a **well-known problem** caused by || (ЛБ 2)

Так, нами зафиксированы сегменты, на которых реализован восходяще-нисходяще-восходящий тон (ВНВТ) только в середине синтагмы. При этом во всех примерах наблюдается реализация сегмента в среднем диапазоне, величина которого равна 10 пт, лишь тональный диапазон ядерного слога на речевом сегменте “**new trend**” составляет 12 пт. При среднем тональном диапазоне в 10 пт скорость изменения ЧОТ на речевых сегментах *marry daughters* и *well-known problem* составила 2,6 пт/50 м/сек и 2,5 пт/50 м/сек соответственно.

В ходе электроакустического анализа было установлено, что первый нисходящий элемент, составляющий ядро представленного сложного тона имеет больший тональный диапазон (12 пт) и характеризуется скоростью изменения ЧОТ равной 4 пт/50 м/сек (тон средней крутизны). Нисходящий элемент тона составляет 8 пт, отмечен более высокой скоростью произнесения ЧОТ равной 4,4 пт/50 м/с и характеризуется большей крутизной. Второй восходящий элемент отмечен относительно меньшей скоростью произнесения ЧОТ 2,5 пт/50 м/с и характеризуется меньшей крутизной.

Наиболее частым для оформления предъядерной части речевых сегментов с локализованным на них восходяще-нисходяще-восходящим тоном оказался

ровный тон. В приведенных ниже примерах мы выделили жирным шрифтом речевые сегменты, на которых реализуется интересующий нас сложный ВНБТ, и обозначили ровный тон на предшествующих данным сегментам предъядерных участках.

... discuss to 'day is the **new trend** |
 ... 'people 'wanted to **marry daughters** |
 'This re'sulted in a **well-known problem** caused |

На речевых сегментах с ВНБТ нами отмечен средний **уровень громкости произнесения**. Так, громкость произнесения на речевом сегменте **new trend** равна 63дБ, **marry daughters** – 59 дБ, **well-known problems** – 45 дБ.

Что касается **темпа произнесения** сегментов с локализованным на них восходяще-нисходяще-восходящим тоном, он характеризуется аудиторами достаточно стабильным. Речевой сегмент с ВНБТ в синтагме произносится медленно. Так, например, в ходе электроакустического анализа было выявлено, что среднеслоговая длительность сегмента составляет от 3,0 до 3,9 сл/сек.

Этому, главным образом, способствует употребление нисходящей и восходящей ступенчатых шкал и средней ровной.

Таблица 1

Частотность употребления шкал в мелодическом оформлении сегментов с восходяще – нисходяще – восходящим ядерным тоном в лекциях лекторов-билинггов

Лекторы	Тип шкалы	
	Ступенчатая	Ровная
Билингвы	58 %	42 %

Длительность пауз, следующих за речевыми сегментами, на которых реализуется восходяще-нисходяще-восходящий тон (ВНБТ), варьируется в пределах 1250 – 1800 мс.

Согласно результатам проведенного исследования, **восходяще-нисходяще-восходящий тон (ВНБТ)** является вторым наименее распространенным терминальным тоном в речи лекторов – носителей языка. Нами также было зафиксировано лишь 3 случая употребления данного тона сложной конфигурации.

Проведенный акустический анализ **частотных характеристик** установил, что изменение высоты тона в пределах сегмента, на котором реализовался ВНБТ, происходило в пределах среднего и широкого, что составляет 11 – 13 пт. Конфигурация данного тона также позволяет выделить два элемента, ядро которого составляет восходяще-нисходящий тон с последующим низким восходящим тоном. Например:

1) || First of all I'm going to discuss changes that have been brought about in m going to discuss changes that have been brought about in our **v own society** | and then discuss some of the problems that remain for the preventive medicine to tackle || (ЛН 1)

2) || And finally I would put down as targets for preventive medicine |
v mental illness || (ЛН 1)

Как видно из приведенных примеров, сегменты, на которых реализован восходяще-нисходяще-восходящий тон (ВНВТ), находятся в конце синтагмы. Важно отметить, что каждый выделенный нами сегмент состоит из двух слов. При этом в двух последних примерах реализация сегмента происходит в широком диапазоне, равном 13 пт, а тональный диапазон ядерного слога на речевом сегменте *own society* реализуется в среднем диапазоне и равен 11 пт, при этом скорость изменения ЧОТ на данном речевом сегменте составила 3,1 пт/50 м/сек соответственно.

В ходе электроакустического анализа было установлено, что первый восходящий элемент, составляющий ядро представленного сложного тона, имеет больший тональный диапазон (10 пт) и характеризуется скоростью изменения ЧОТ равной 4 пт/50 м/сек (тон средней крутизны). Нисходящий элемент тона составляет 7 пт и отмечен более высокой скоростью произнесения ЧОТ, равной 4,4 пт/50 м/с, и характеризуется большей крутизной. Второй восходящий элемент отмечен относительно меньшей скоростью произнесения ЧОТ 2,8 пт/50 м/с и характеризуется меньшей крутизной.

Предъядерная часть речевых сегментов с локализованным на них восходяще-нисходяще-восходящим тоном оформлена, главным образом, с использованием низкого восходящего или ровного тонов. В приведенных ниже примерах мы выделили жирным шрифтом речевые сегменты, на которых реализуется интересующий нас сложный ВНВТ, и обозначили ровный и низкий восходящий тоны на предшествующих данным сегментам предъядерных участках.

... that have been brought a 'bout in our **own society** |

... for preventive / medicine | **mental illness** |

На речевых сегментах с ВНВТ нами отмечен средний **уровень громкости произнесения**. Так, громкость произнесения на речевом сегменте **own society** равна 50 дБ, **mental illness** – 52 дБ, **mental health** – 42 дБ.

Темп произнесения сегментов с локализованным на них восходяще-нисходяще-восходящим тоном характеризуется аудитором также как достаточно стабильный. Скорость произнесения речевого сегмента с ВНВТ в синтагме произносится со средним темпом. Так, например, в ходе электроакустического анализа было выявлено, что среднеслоговая длительность сегмента колеблется от 4,6 до 4,8 сл/сек.

Наиболее распространенными шкалами, которые выступают в сочетании с восходяще-нисходяще-восходящим тоном, являются ступенчатая и скользящая.

Таблица 2

**Частотность употребления шкал в мелодическом оформлении сегментов
с восходяще - нисходяще - восходящим ядерным тоном
в лекциях носителей английского языка**

Лекторы	Тип шкалы	
	Ступенчатая	Скользящая
Носители	67 %	33 %

Длительность пауз, следующих за речевыми сегментами, на которых реализуется восходяще-нисходяще-восходящий тон (ВНВТ), варьируется в пределах 220 – 1650 мс.

Анализ частотных, динамических и темпоральных характеристик употребления данного тона в речи лекторов – билингвов и лекторов – носителей английского языка позволяет прийти к следующему выводу. Структура тона создает возможность для выражения более яркой категоричности высказывания в обеих группах. Ядро тона – восходяще-нисходящий тон – выражает законченность, уверенность говорящего, тогда как конечный элемент, представленный восходящим тоном, ассоциируется с незавершенностью, некатегоричностью, что, как нам кажется, служит для усиления эмоциональности высказывания и привлечения внимания слушающего к важной, по мнению говорящего, части.

Литература

1. Сороколетова Н.Ю. Территориальные особенности интонационной реализации категории завершенности/незавершенности в британском варианте современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003.
2. Бунина Е.Е. Особенности просодической интерференции в ситуации искусственного триязычия (экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004.
3. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. – М., 1979.

Е.Г. Скребова

Сопоставительный анализ русских и немецких сложноподчиненных предложений качества, степени и меры признака

Проблема сложного предложения неоднозначна и остается актуальной до сих пор. В русском и немецком языкознании она разрабатывается на протяжении более чем двух столетий. Однако, несмотря на обширность накопленных сведений и материалов, на широкий размах исследований, многие вопросы для их окончательного решения требуют серьезных усилий. Сказанное относится, прежде всего, к классификации сложноподчиненных предложений.

Эвристически многообещающим, согласующимся с последними тенденциями в развитии синтаксиса представляется подход, который, наряду с изучением структурных и содержательных особенностей сложноподчиненного предложения, учитывал бы специфику функционирования синтаксических единиц в речевой деятельности носителей языка. Отметим, что частные модели сложных предложений представляют собой знаковые схемы, воспроизводящие системно релевантные качества подчинительного типа связи. Сюда относятся союзные средства, средства усиления и дифференциации взаимосвязи частей, акционально-темпоральная характеристика глаголов, модальные свойства глаголов, взаиморасположение частей сложного целого.

В нашей работе мы рассмотрим принципы классификации сложноподчиненных предложений качества, степени и меры признака в русском и немецком языках.

Сложноподчиненные предложения качества, степени и меры признака традиционно принято относить к классу сложноподчиненных обстоятельственных предложений. Однако, в 90-е г.г. наметилась тенденция к их выводу из состава последних (Салькова 1983; Везерова, Сиверина 1994).

С.А. Шувалова относит интересующие нас сложноподчиненные предложения к классу сопоставительных (одна денотативная ситуация), поскольку механизм установления отношений между главной и придаточной частями, по мнению ученого, восходит к мыслительной операции сопоставления двух или нескольких объектов реальной действительности (Шувалова 1990, с. 94). В качестве объектов сопоставления выступают не только лица, предметы, понятия, но и действия, ситуации, маркированные локальными или темпоральными показателями. Параметрами сопоставления могут избираться производитель действия, состояние, свойства, качества и т.д.

Анализируя процесс сопоставления, С.А. Шувалова отмечает, что те внеязыковые сущности, которые в процессе сопоставления приписываются объектам сопоставления, в соответствии с избранными параметрами объединяются под общим названием признаков (в широком смысле слова, в отличие от узкого употребления, когда слово «признак» выступает как член терминологического ряда: действие – состояние – признак). Отсюда, конститuentами сопоставительного смысла являются компараты и их признаки. Таким образом, исследователь интерпретирует сложноподчиненные предложения качества, степени и меры признака как модели с дейктическим способом выражения степени признака (*так, такой, до того, настолько* и т.д.), которые используются, главным образом, для вербализации сопоставления, фиксирующего среднюю и высокую степень признака (Шувалова 1990, с. 95). Например: *Да и вообще, батя говорил, что у настоящего сплащика глаз должен быть таким зорким и цепким, что в лесу заблудиться – стыд* (А. Иванов); *В беседах с генералом Раевским этой же темы: Россия – Восток, касались они неоднократно, и разговор их, не угасая, затягивался порою настолько, что приходилось напоминать генералу о завтраке* (И. Новиков). Отнесение этих и им подобных конструкций к разряду сопоставительных, на наш взгляд, не вполне корректно, поскольку механизм установления отношений между ситуациями сложного предложения существенно отличается от описанной операции сопоставления.

Что касается немецкого языка, то здесь сложноподчиненные предложения качества, степени и меры признака традиционно относят к классу, репрезентирующему модальные отношения (= Modalverhältnisse). В конструкциях, относящихся к данному классу сложноподчиненных предложений, идет речь о детальной характеристике, спецификации одной из соотносимых ситуаций, определенном способе действия или степени проявления какого-либо признака (Polenz 1988, с. 268). Например: *Dann das Gebell von Hirtenhunden, Alarm ringsum, die Herden in der Nacht; es müssen ziemliche Bestien sein, nach ihrem Geklöff zu schließen* (M. Frisch) – *Вдруг лай пастушьих собак, кругом суматоха, перегоняют стада в ночи; это должны были быть порядочные бестии, судя по их злобному лаю*; *So zottig, so wild sah ich aus, daß es (ein ganz großes Tier) mich auch für ein Tier hielt* (A. Seghers) – *У меня был настолько лохматый, дикий вид, что он (довольно крупный зверь) принял меня тоже за зверя*. Такой подход оказывается на вполне корректным, поскольку здесь в первую очередь принимаются во внимание смысловые отношения, что приводит к игнорированию формы и ее собственно языкового содержания. Таким образом, анализируются именно смысловые отношения, а не сложноподчиненные предложения. Кроме того, учет всех формальных образцов,

способных репрезентировать модальные отношения, приводит к тому, что многие семантические объекты, имеющие одинаковое формальное выражение, но обладающие различным содержательным потенциалом, могут принадлежать к одному классификационному разряду.

В настоящей работе мы относим сложноподчиненные предложения качества, степени и меры признака к классу экзистенциально-квалификативных сложноподчиненных предложений (= den existential-qualifizierenden Satzgefügen), объединяющему построения, выражающие изъяснительные, атрибутивные, определительно-качественные, сравнительные отношения.

В описываемых сложноподчиненных предложениях придаточная часть квалифицирует какой-то признак главной части или степень, меру его проявления, причем квалификация здесь осуществляется на основе косвенной номинации, т.е. путем установления определенных соответствий между ситуацией главной части и ситуацией придаточной части. Механизм установления таких соответствий заключается в том, что в главной части имеются соотносительные слова, которые содержат проекцию на придаточное. Например: *Я был так недоволен собой за только что пережитый момент малодушия, что уже не верил себе в роли героя и храбреца* (К. Станиславский); *Через год Надежда Гавриловна принесла в корзине щенка, сына Фиши, круглого, как мяч, и до такой степени пушистого, что его тут же назвали Пушком, ласкательно – Пушей* (С. Сергеев-Ценский); *Sie ging vor dem Fußende des Doppelbettes auf und ab und schlug beim Gestikulieren mit der Zigarette jedesmal so präzis in die Luft, daß die kleinen Rauchwölkchen wie Punkte wirkten* (H. Böll) – *Она, словно маятник, ходила у изножья широкой кровати, так резко взмахивая сигаретой, что казалось, маленькие облачка дыма – это точки, которые она ставит после каждого слова*; *Und der Erfolg war dermaßen überwältigend, daß Chénier ihn wie ein Naturereignis hinnahm und nicht mehr nach seinen Ursachen forschte* (P. Süskind) – *И успех этот был настолько потрясающим, что Шенье воспринимал его как явление природы и больше не исследовал его причин*. В этих и им подобных конструкциях придаточное предложение квалифицирует признак главной части, меру или степень его проявления при помощи отсылки к последствиям ситуации главной части или ее сравнения с какой-то другой ситуацией.

Подводя итоги сопоставительного анализа русских и немецких сложноподчиненных предложений качества, степени и меры признака, особое внимание следует обратить на то, что в основе экзистенциально-квалификативных сложноподчиненных предложений обоих языков лежат сложноподчиненные изъяснительные предложения, констатирующие существование некоторой опредмеченной ситуации. Для них обязателен синтез двух коррелятивных величин, объединенных отношением «определяемое – определяющее». Отсюда название класса «экзистенциально-квалификативные сложноподчиненные предложения».

Литература

1. Везерова М.Н., Сиверина Е.Г. Синтаксис сложного предложения: структура, семантика, функционирование в тексте: Учеб. пособие к курсу «Современный русский язык». – Самара, 1994.
2. Салькова Д.А. Синтаксические поля и семантическое моделирование (на базе значений немецких придаточных предложений). –Л., 1983.

3. Шувалова С.А. смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. – М.1990.
4. Polenz von P. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesen. – Berlin, New York, 1988.

В.А. Шкунников

Чрезмерно-длительная множественность в русском и английском языках

Анализ количественной стороны глагольных процессов обнаруживает две существенно важные особенности. В основе первой из них лежит способность некоторой части русских глаголов к передаче количественной информации непосредственно через семантическую структуру самого глагольного слова, как в случаях: *переженить* (сыновей), *начитаться* (книг), *покашливать* и т.п. Другая находит своё выражение в фактах количественной детерминации глагольного действия посредством специального количественного контекста, представленного словами и сочетаниями слов типа *дважды*, *не один раз* и т.п., указывающих на событие, состоящее не из одного отдельно взятого действия, а из некоторого конечного цикла действий, расцениваемых участниками речевого акта как тождественные: *дважды окликнул его по имени*, *не один раз оказал ему помощь*, *много раз звонил в поликлинику* и т.п. Ещё одной разновидностью глагольной множественности являются глаголы, которые фиксируют, что соответствующее действие длилось долго и повторялось так много раз, пока не дали о себе знать определённые результаты, причём эти результаты так или иначе связаны с накоплением не суммы предметов, а меры самого действия. К такого рода лексике в русском языке относятся глаголы типа *зачитать*, *засмотреть*, *заговориться*, *забегаться*, *заработаться*, *затаскать*, *заласкать* и т.п., называемые в научной литературе чрезмерно-длительными (Шелякин 1983, с 47). Определяя их специфику, аспектологи обычно указывают на то, что в реализации действий, обозначаемых этими глаголами, их субъекты или объекты приходят в какое-то крайнее, выходящее из обычных границ состояние (Бондарко 1996, с.109). Но данное мнение вряд ли можно считать справедливым. Чрезмерно-длительные глаголы действительно, в своём подавляющем большинстве фиксируют, что обозначаемое ими разовое или кратное действие длилось чрезмерно долго (редко – чрезмерно интенсивно), и это привело субъект или объект в ненормальное состояние: *затанцеваться*, *захлопотаться*, *затрепать*, *захватать*, *защекотать* и т.д. Вместе с тем возможна и несколько иная ситуация (особенно в сфере чрезмерно-длительных глаголов без постфикса -ся): в самом предмете никаких заметных изменений может и не происходить: *заласкать*, *зацеловать*. Вероятно, это обстоятельство дало основание авторам Малого академического словаря в словарной статье, посвященной приставке *за-* отметить, что она в интересующем нас значении обозначает "доведение действия до излишества, выход действия из обычных или допустимых границ" (МАС 1985, т.1, с.491). Как видим, изменения в субъекте и объекте здесь специально не оговариваются, скорее всего, потому, что трактуются как явление частного порядка, аналогичное признаку "увлечённость действием", реализуемому лишь некоторыми из чрезмерно-длительных глаголов: *заглядеться*, *затанцеваться*, *залюбоваться*, *засмотреться*, *загуляться*.

Чрезмерно-длительное значение носит крайне неустойчивый характер и в целом ряде случаев легко трансформируется в обычное результативное значение: *загнать* (лошадь), *загрызть* (собачонку). Кроме того, глаголы с этим значением нередко развивают способность к переносному употреблению: *зачитать* - "взяв для чтения (чужую книгу), не возвратит" (МАС 1985, т.1, с.595); *заездить* - "измучить непосильным трудом, плохим обращением" (МАС 1985, т.1, с.518); *заиграть* - "взяв чужую вещь, не возвратит её владельцу" (разг., в МАС не зафиксирован). Отмеченная неустойчивость чрезмерно-длительного значения является причиной того, что объём глаголов с этими значениями определяется по-разному: то предельно широко, с включением сюда всякого рода переходных случаев (Бондарко 1996, с.73), то очень узко, с исключением отсюда всех глаголов без постфикса -ся (Шелякин 1983, с. 51).

Как правило, чрезмерно-длительные глаголы употребляются в совершенном виде независимо от того, имеют они или не имеют в своём составе постфикс -ся: *забегаться, заждатьсь, залюбоваться, затаскаться, затанцеваться, захвастаться, захлопотаться; задергать, заесть, заласкать, затрепать, затаскать, хватать*. Вместе с тем некоторые из них имеют соотносительные формы несовершенного вида: *залежаться/залёживаться, засмотреться/засматриваться, засидеться/засиживаться, зачитаться/зачитываться, засудить/засуживать, закормить/закармливать*. Отдельные из форм несовершенного вида являются малоупотребительными: (*заболтаться*) – *забалтываться*, (*загоститься*) – *загащиваться*, (*загуляться*) – *загуливаться*, (*заиграться*) – *заигрываться*, (*замучиться*) – *замучиваться*, (*загноить*) – *загнаивать*, (*задразнить*) – *задразнивать*. Эти формы приводятся в современных словарях русского языка, вероятно, на основании того иллюстративного материала, который был извлечён составителями словарей из художественных произведений писателей XIX столетия. В современном русском языке эти формы сплошь и рядом остаются не востребуемыми. Что касается частных видовых значений, то чрезмерно-длительные глаголы обнаруживают здесь следующие закономерности:

1) глаголы совершенного вида с постфиксом -ся преимущественно употребляются в перфектном (результативном) значении: *И к ужину не явился Алексей Иванович. Его жена и Сокольский порешили, что он заигрался в карты у арендатора* (А.Чехов); *Нехлюдов, ночевавший на постоялом дворе, проснулся поздно и ещё засиделся за письмами, которые он готовил к губернскому городу, так что выехал с постоялого двора позднее обыкновенного* (Л.Толстой);

2) глаголы совершенного вида без постфикса -ся чаще всего реализуются в конкретно-фактическом значении: *У меня подвалило столько дел чисто личного свойства, так меня, выражаясь по-таганрогски, затуркали, что приходилось всё это время не писать, а только отписываться* (А.Чехов); *(Жена) поила мужа какими-то лекарствами, от которых он хворал по месяцам, но пьянствовать всё-таки не переставал... И вылечила до того, что он помер* (Ф.Решетников); *Его задразнили этой Дуськой, - мол, помирает от любви к нему* (В.Панова); *Наконец гость утомил и заговорил всех* (С.Аксаков);

3) глаголы несовершенного вида, как с постфиксом -ся, так и без него, обыкновенно используются в кратном значении, т.е. указывают на повторяемость результатов или каких-то событий: *Загащивалась она, вместо*

одного дня, дня на три и на четыре (М.Салтыков-Щедрин); *Ещё боюсь за вас, что или много физически зарабатываетесь, мало читаете..., или опустились как-нибудь* (Л. Толстой); *Чайка запоздалая то окунётся в холодной воде, то опять вспорхнёт и утонет в тумане, - я засматривалась, заслушивалась, – чудно, хорошо было мне* (Ф.Достоевский); *(Рисунки) недолго залеживались у автора, и их почти всегда раскупали тотчас же, как только они появлялись на какой-нибудь выставке* (В.Стасов).

Реализация чрезмерно-длительного значения зависит от взаимодействия двух равноправных в функциональном отношении элементов глагольного слова базисной основы и соответствующих аффиксальных средств. В одних случаях это только специализированная приставка, а в других - словообразовательный форматив, образованный специализированной приставкой и постфиксом *-ся*. Процесс взаимодействия приставки и базисного (мотивирующего) глагола заключается в том, что мотивирующий глагол раскрывает понятийную основу нового действия (т.е. сообщает о том, что оно собой представляет), а приставка привносит в семантическую структуру производящего глагола чрезмерно-длительное значение извне. При этом указанное взаимодействие регулируется со стороны каждого из двух составляющих. Регулирование со стороны базисного (производящего) глагола обнаруживает себя в том, что базисный глагол в силу своих содержательных особенностей в одних случаях разрешает, а в других, наоборот, запрещает словообразовательный контакт с той или иной приставкой. Так, неопредельные глаголы *плыть, ходить* не могут быть охарактеризованы по данному признаку по причине несовместимости их семантики с семантикой чрезмерной длительности. В свою очередь, регулирующая способность приставки проявляется в том, что она в случае многозначности производящей основы как бы отбирает тот или иной лексико-семантический вариант глагольного слова, «пригодный» для реализации соответствующего значения.

Для всех глаголов этого разряда принципиально важной оказывается сема "чрезмерная длительность" (реже – "чрезмерная интенсивность", "чрезмерная повторяемость"), которая, в сущности, и является основанием для объединения в одно целое мотивирующих действий самого разного характера.

К числу базисных глаголов, выражающих такого рода действия, относятся, по наблюдениям М.А. Шелякина (Шелякин 1983, с.49):

- а) неопредельные глаголы речи (*болтать, говорить, врать, философствовать* и др.), ср. также *петь*;
- б) неопредельные глаголы состояния (*сидеть, лежать, стоять, ждать, лениться, гостить* и др.);
- в) неопредельные глаголы восприятия (*смотреть, любоваться, слушать* и др.);
- г) неопредельные глаголы "развлечения" (*веселиться, играть, плясать* и др.);
- д) неопредельные глаголы ненаправленного движения (*бегать, ездить, плавать, летать* и др.).

Вне приведённых групп можно отметить ещё: *мечтать, думать, целовать, учить, молиться* и некоторые другие.

Чрезмерно-длительные глаголы обнаруживают очень чёткую закономерность в отношении постфикса *-ся*. Если действие замыкается в самом субъекте, этот постфикс обязателен: *засмотреться, загуляться, заслушаться, затанцеваться*,

заговориться: если интенсивно-длительное действие распространяется на объект, постфикс *-ся* не используется: *заездить, задёргать, закормить, задразнить, засудить*.

Общее для русского и английского языков понятие чрезмерной длительности, положенное в основу настоящего анализа не исключает наличие между ними различий частного порядка. Так, наблюдение над материалом показывает, что в системе английского глагола полностью отсутствуют специализированные морфемы, ответственные за реализацию данной семантики. В большинстве случаев английский глагол, взятый в изолированном виде, т.е. без контекстного сопровождения, оказывается не в состоянии выразить значение чрезмерной длительности: реализация соответствующей семантики зачастую осуществляется здесь за счёт специализированного контекста. По этой причине английский глагол, как правило, не только не в состоянии передать признак чрезмерной длительности, но и не реализует признак последовательной распределённости (очерёдности), отчётливо представленный в семантической структуре многих русских глаголов данного структурно-семантического типа.

Нередко в содержательной структуре чрезмерно-длительных глаголов, образованных с помощью приставки *за* -, совмещается признак последовательной распределённости и равнозначный ему в функциональном отношении признак разовости. При переводе таких глаголов на английский язык обыкновенно передается значение разовости, тогда как признак последовательной распределённости никак не репрезентируется и обыкновенно домысливается участниками коммуникации, как в случаях: *заговориться / заговариваться* – forget the time in conversation, have a long talk with; *зачитатьсь / зачитываться* – become engrossed in reading; *замучиться* – be worn out; *залечься / залёживаться* – lie a long time; *загоститься* – stay too long at smb.'s place; *засидеться / засиживаться* – sit / stay too long. Отмечаемое обстоятельство в полной мере отвечает так называемому интерпретационному способу количественной характеристики глагольного действия, когда значения последовательной распределённости и разовости разграничиваются лишь с помощью знания соответствующей ситуации. Обязательное участие контекста и различного рода ситуативных сведений в выражении чрезмерно-длительной семантики в английском языке подкрепляется повышением роли грамматических средств, акцентирующих внимание либо на достигнутой степени действия, либо на его длительности и/или развитии во времени.

Литература

1. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики в русской аспектологии. – СПб., 1996.
2. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. – 2-е изд. – М., 1985 – 1988.
3. Шелякин М.А. Дистрибутивно-суммарный способ действия русского глагола // Учёные записки Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии. – № 33. – Тарту, 1983. – Вып. 524. – С. 43-53.

Содержание

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

Стернина М.А., Стернин И.А. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительно-параметрический метод: новый этап развития	с.3
Степанова Д.А. (<i>Воронеж</i>) Формализованные параметры для семантико-когнитивного исследования	с.9
Чубур Т.А. (<i>Воронеж</i>) Теоретические и практические проблемы контрастивной лексикологии и лексикографии	с.12
Лепшеева Н.А. (<i>Курск</i>) О месте контрастивной стилистики в ряду сопоставительных исследований	с.16
Сорокина Е.А. (<i>Волгоград</i>) Семантическая реконструкция: вчера и сегодня	с.19
Суханова О. В. (<i>Воронеж</i>) Типологическая классификация русско-английских глагольных лакун	с.25
Петросян Ж.В. (<i>Воронеж</i>) Обобщающие русско-английские адъективные лакуны: проблемы типологии	с.28

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

Апалько И.Ю. (<i>Краснодар</i>) Русские и английские термины предметной области «Защита информации»	с.30
Бобырева Н.Н. (<i>Казань</i>) Синонимия и антонимия в терминологии художественной гимнастики (на материале русского и английского языков)	с.34
Вострикова И.Ю. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика общих наименований созидательной деятельности ЛСП «Созидательная деятельность» в русском и английском языках	с.40
Воякина Е.Ю. (<i>Тамбов</i>) Роль ономастических метафор в вербализации экономических понятий (на материале русского и английского языков)	с.43
Деркач С.И. (<i>Воронеж</i>) Номинативная плотность тематической группы «Избирательный процесс» в русском и английском языках	с.46
Колтакова С.В. (<i>Воронеж</i>) Результаты сопоставления разноименных лексических группировок	с.50
Кривенко Л.А. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика семантем наиболее частотных малосемемных субстантивных лексем в русском и английском языках	с.54

Лукина Л.В. (<i>Воронеж</i>) К вопросу об определении национальной специфики семем при контрастивном анализе лексики	с.58
Маклакова Е.А. (<i>Воронеж</i>) Детерминантные отношения сем в структуре семемы (на материале контрастивных исследований русских и английских наименований лиц)	с.61
Нехаева О.Г. (<i>Воронеж</i>) От иконических знаков – к знакам-символам (на материале русского и английского языков)	с.65
Никитина И.Н. (<i>Воронеж</i>) Национальные особенности семантики наиболее частотных малосемемных глагольных лексем в русском и английском языках	с.68
Панкова Т.Н., Чарыкова О.Н. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика метафорического осмысления денотативной сферы «растение» в русском и английском языках	с.71
Пасечник Т.Б. (<i>Коломна</i>) Частотность употребления числовых компонентов в русских и английских фразеологизмах	с.75
Портнихина Н.А. (<i>Воронеж</i>) Использование формализованных параметров для описания национальной специфики развития семантики слова	с.77
Черникова С.Н. (<i>Воронеж</i>) Фразеологизмы, включающие компонент <i>гора</i> в русском и английском языках	с.81
Чернова Н.И. (<i>Воронеж</i>) Характер национально – специфических различий в тематической группе лексики «Наименования зданий и помещений» в русском и английском языках	с.84

Раздел 3.

Сопоставительные исследования концептосфер

Барабушка И.А., Костенко Н.В. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика фразеосочетаний как способа вербализации концепта «счастье» (на материале английского, русского и французского языков)	с.87
Беляева Н.Л. (<i>Воронеж</i>) Семантическая структура лексем «закон» и <i>das Gesetz</i> в свете когнитивного подхода	с.92
Великанова А.Л., Моисеева С.А. (<i>Белгород</i>) Сопоставительное исследование концепта «возвышенность» во французском и русском языках	с.94
Воеводская О.М. (<i>Воронеж</i>) Авторские интерпретации как источник лексикографического описания языка (на примере концепта ОГОНЬ в русском и английском языках)	с.98
Долгова М.В. (<i>Воронеж</i>) Русская «коммуналка» как лакуна в «картине мира» английского языка	с.101

Звягина А.И. (<i>Москва</i>) Роль метафоры в формировании концепта «транспорт» в русском и английском языках	с.104
Зилова Е.В. (<i>Саратов</i>) Исследование концепта «благополучие»/ «prosperity» в русской, британской и американской лингвокультурах (на материале ассоциативного эксперимента)	с.106
Лаврёнова О.А. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика репрезентации концепта ДОЖДЬ в семантическом пространстве русского и английского языков	с.112
Литвинова Ю.А. (<i>Воронеж</i>) Номинативное поле концепта «город» в английском и русском языках по данным словарей	с.114
Неровная Н.А. (<i>Воронеж</i>) Критерии разграничения близких по содержанию концептов (на материале концептов <i>толерантность</i> , <i>терпимость</i> в русском и английском языковом сознании)	с.117
Погожая С.Н. (<i>Белгород</i>) Особенности репрезентации концепта «Восхищение» в английском и русском языках	с.119
Тамерьян Т.Ю. (<i>Владикавказ</i>) К вопросу о структуре и содержании гендерного концепта-образа в русской и осетинской концептосферах	с.123
Щепотина Е.В. (<i>Курск</i>) Семантический анализ наименований правовых концептов методом свободного ассоциативного эксперимента (на материале английского и русского языков)	с.127

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в области лингвокультурологии, дискурса и коммуникативного поведения

Бабушкин А.П. (<i>Воронеж</i>) Извинения в зеркале культур	с.129
Бойченко Н.В. (<i>Волгоград</i>) Социальные функции <i>ÞUDANS</i> в готском языке и <i>ÞEÓDEN</i> в древнеанглийском языке	с.131
Бондаренко Е.В. (<i>Волгоград</i>) Диахроническое временное измерение межкультурной семейной коммуникации	с.140
Данюшина Ю.В. (<i>Москва</i>) Сопоставительный анализ высоко- и низкоконтекстуальных стилей в дискурсе	с.146
Присяжнюк Т.А. (<i>Саратов</i>) Своеобразие использования лексических средств речевого воздействия в языке идеологически полярных печатных изданий (на материале англоязычной и русскоязычной прессы)	с.150
Ренц Т.Г. (<i>Волжский</i>) Обращение в романтическом дискурсе (на материале англоязычной и русской лингвокультур)	с.154

Свистова А.К. (<i>Воронеж</i>) Особенности характеристики эмоциональных состояний в русском и немецком поэтическом сознании (на примере стихов М. Волошина и Г. Тракля)	c.161
Стрельникова М.А. (<i>Воронеж</i>) Тележурналистика как объект коммуникативных исследований в России и США	c.166
Титова Л.Н. (<i>Воронеж</i>) Из наблюдений над становлением речи у ребенка-билингва	c.169

Раздел 5.

Сопоставительные исследования и перевод

Алексеева М.Л. (<i>Екатеринбург</i>) К вопросу о диахроническом сопоставительно-переводческом анализе	c.172
Дробышева Т.В. (<i>Воронеж</i>) Особенности перевода слов с культурным компонентом в художественном тексте	c.175
Дурова Е.Н. (<i>Воронеж</i>) О способах перевода русских предложений типа <i>Мне не спится</i> на испанский язык	c.179
Зубкова Л.И. (<i>Воронеж</i>) Русские диалектные и разговорные реалии в английском переводе (на материале переводов произведений В. Шукшина и В. Распутина на английский язык)	c.181
Игнатович М.В. (<i>Москва</i>) Перевод интертекстуальных антропонимов в произведениях Терри Пратчетта	c.184
Смирнова Г.А., Каюмова А.Р. (<i>Казань</i>) Структурно-семантические трансформации фразеологических единиц и их перевод на русский язык (на примере произведений У. Коллинза и Ч. Диккенса)	c.188

Раздел 6.

Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики

Дворникова Л.В. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика репрезентации временной локализованности действия в русском и немецком языках (на примере глаголов собственно колебательного движения)	c.192
Замощина-Шериф Н.А. (<i>Донецк</i>) Семантические ограничения в образовании локативных дериватов в немецком и русском языках	c.195
Копров В.Ю. (<i>Воронеж</i>) Категория залога в русском и английском языках	c.197

Петрунина Е.С. (Волгоград) Особенности употребления тона сложной конфигурации «повышение – понижение – повышение» в текстах лекционного регистра в исполнении лекторов - билингвов и лекторов – носителей английского языка	с.202
Скребова Е.Г. (Воронеж) Сопоставительный анализ русских и немецких сложноподчиненных предложений качества, степени и меры признака	с.206
Шкунников В.А. (Воронеж) Чрезмерно-длительная множественность в русском и английском языках	с.209
Содержание	с.213